

Чарльз Квеннелл, Марджори Квеннелл

Гомеровская Греция. Быт, религия, культура

...Надо выискивать таких мастеров, которые по своей одаренности способны проследить природу красоты и благообразия, чтобы нашим юношам подобно жителям здоровой местности все шло на пользу, с какой бы стороны ни представлялось их зрению или слуху что-либо из прекрасных произведений: это словно дуновение из благотворных краев, несущее с собой здоровье и уже с малых лет незаметно делающее юношей близкими прекрасному слову и ведущее к дружбе и согласию с ним.

Платон. Государство. Книга III[1]

Предисловие

Эта книга предназначена для мальчиков и для девочек школьного возраста. Она несколько отличается от других книг подобного рода, и представляется необходимым в нескольких словах объяснить те цели, которые мы ставили перед собой, начиная работу над ней. Сегодня вряд ли можно найти область науки или жанр искусства, которые не зародились бы еще в Древней Греции. Точно так же ее наследие абсолютно доминирует и в архитектуре. Готический стиль возник позднее, и бурный рост наших городов начался в эпоху Ренессанса, когда происходило возрождение античного наследия, оставленного нам древними греками и дошедшего до нас через римскую культуру. Например, такие современные здания, как американские небоскребы, устремленные в небо и превосходящие по высоте в два раза собор Святого Павла в Лондоне, украшены ионийскими капителями¹ такого же типа, как и в афинском Эрехтейоне².

Если обратиться к произведениям скульптуры, то фигуры с фронтона афинского Парфенона, хранящиеся ныне в Британском музее, или же статичные «мадонны» архаического времени из музея на территории афинского Акрополя ничем не уступают произведениям современных скульпторов.

Гомер своим творчеством заложил основы западноевропейской литературы, а Платон служит своего рода путеводной звездой для философов. Геродот и Фукидид создатели основ исторической науки. В общем, куда бы мы ни обратили свой взор, выясняется, что все наши достижения уходят корнями в Древнюю Грецию.

Гиппократ, родившийся около 460 года до нашей эры, был не просто величайшим целителем, он еще и придумал клятву, которая обязывает врача считать свой труд большей ценностью, чем денежное вознаграждение за него.

Инженеры и технические специалисты и по сей день во всех своих вычислениях опираются на принципы, разработанные еще математиками Древней Греции. Они сформулировали так называемые «правила познания» для «закона градаций».

Принимая во внимание все сказанное, становится очевидным, что, если нам мало одних голословных утверждений, мы должны углубиться в историю Древней Греции. Но как это сделать?

Вплоть до настоящего времени знакомство с Древней Грецией начинается с изучения письменных источников, однако мало кто способен преодолеть этот путь самостоятельно. Незнание основ древнегреческого языка явится для такого энтузиаста своего рода Сциллой и Харибдой.

Нам представляется, что никому не помешает получить хотя бы основы классического образования, и лучше всего обратиться к нему еще в раннем возрасте. Научившись самостоятельно делать хорошие переводы источников, ребята смогут легко освоить основы точных и гуманитарных наук и почувствовать призвание к творческой деятельности. Кто зна-

ет - может быть, они ощутят в себе дух великих людей прошлого! Древние греки и римляне, люди XV и XVI столетий, как бы придут нам на помощь, а может быть, и покажут дорогу к следующей эпохе ренессанса творческого духа.

Итак, принимая во внимание, что древние греки заложили основы цивилизации Старого и Нового Света, мы должны начать наш рассказ с Гомера, поскольку он по праву считается «просветителем эллинов»³.

В этой книге нам хотелось бы представить общую картину эпохи, в которую он жил, сохраняя при этом присущий ей специфический дух. В следующей книге у нас пойдет речь об истории Греции в архаическую и классическую эпохи.

Беркхамстед, Гермс

Глава 1

Аргонавты

В каждой книге, имеющей отношение к истории Эллады, на первом месте обязательно должно стоять имя Гомера. Он был великим просветителем Древней Греции. Ксенофонт, характеризуя одного из своих персонажей в поэме «Симпозиум»¹, говорит: «Мой отец, озабоченный тем, чтобы я стал достойным человеком, заставил меня выучить все поэмы Гомера».

«Отец истории» Геродот, живший в V веке до нашей эры, начинает свой труд с рассказов о путешествии аргонавтов и осаде Трои. Точно так же для гораздо более критически настроенного историка Фукидида, который писал в конце этого же столетия, Гомер, без всякого сомнения, является авторитетным автором, на которого можно сослаться. Если мы последуем их примеру, то окажемся в прекрасной компании.

Пожалуй, следует начать наше повествование с рассказа о путешествии аргонавтов, потому что в этой легенде можно найти дух приключений и любви к морю, а точнее, к искусству мореплавания. Она вся проникнута атмосферой того героического века, когда боги были подобны людям, а люди - богам и жили они, любили и сражались сообща.

Среди тех авторов, которые писали о приключениях аргонавтов, Гомер стоит несколько особняком, так как почти не вдаётся в подробности этой истории, очевидно полагая, что читателям они и так хорошо известны. Но в двенадцатой книге своей поэмы «Одиссея» он говорит:

Только один, все моря обежавший, корабль невредимо
Их (скалы) миновал - посетитель Ээта прославленный
Арго².

К счастью для нас, все ее подробности собрал Аполлоний Родосский, живший в III веке до нашей эры в египетском городе Александрия. Все дальнейшие подробности мы будем приводить в соответствии с его книгой «Аргонавтика».

Она начинается с описания сцены при дворе Пелея, правителя города Иолка, располагавшегося в области Фессалия. Он был встревожен предсказанием оракула, гласившим, что его ожидает страшная судьба. Он будет убит по приказанию человека, который придет к нему с одной сандалией на ноге. Когда же Ясон на самом деле пришел в город с одной сандалией на ноге, утопив другую в грязи, нет ничего удивительного в том, что он не встретил радушного приема:

Лишь Ясона Пелий узрел, тотчас же задумал
Горестный путь для него в надежде, что в море
погибнет
Иль сгинет в дальних краях среди людей чужеземных³.

Необходимо было отправиться в Колхиду⁴, чтобы разыскать там дубовую рощу, в которой висело золотое руно, охраняемое драконом, а затем завладеть им и привезти в Грецию. Такая задача была по плечу только настоящим героям, и для того, чтобы успешно с ней справиться, Ясон собрал самых прославленных из них. Первым явился Орфей, который игрой на своей лире «очаровывал угрюмые скалы и изменял течение рек». Следующим пришел Полифем, который в юности сражался вместе с лапифами против кентавров. Даже сам Геракл прибыл прямо с торжища в Микенах, а также и многие другие, приходившиеся сыновьями и внуками бессмертным богам.

Богиня Афина задумала соорудить быстрый корабль:
Это она создала корабль, и с нею трудился
Сын Арестора Арг, повинувшись ее указаниям.
Так у них получился корабль из всех наилучший.

Ясон был избран предводителем, и начались приготовления к спуску «Арго» на воду:

Прежде всего, как Арг приказал, они обвязали судно
Скрученным крепко канатом, туго его натянули
С той и с другой стороны, чтобы лучше держались
болтами
Брусья и стойко могли противиться пляшущим волнам.

Затем аргонавты вкопали брусья на всю ширину судна и подложили круглые бревна под его киль. После этого они установили с противоположных сторон весла, так что их лопасти выходили наружу, укрепив их в уключинах. Наконец, наши герои, подталкивая судно с двух сторон, спустили «Арго» на воду. После того как были установлены мачта и паруса, они кинули жребий, кто на какой скамье будет сидеть, так, чтобы приходилось по два гребца на каждую скамью.

Камни затем, возле моря собрав, воедино стащили,
Грудой сложив, алтарь хранителю общему Фебу⁵
Ветви оливы сухой поверх алтаря возложили.

Были приведены два быка, а также принесена родниковая вода и ячменная мука, после чего Ясон вознес мольбу Аполлону с просьбой хранить их корабль во время плавания и помочь вернуться домой живыми и невредимыми. Следом он обратился к Гелле и, произнося молитву, рассыпал вокруг ячменную муку. Геракл и Анкей закололи молодых быков:

Двое героев - Геракл с могучим Анкеем - к закланью
Двух быков подвели, Геракл с размаха дубиной
В лоб поразил одного. Тот, рухнув, в землю воткнулся,
Медной секирой ударил Анкей по шее громадной, -
Рядом с первым упал другой с перерубленной шеей.

Быстро товарищи их закололи, шкуры содрали.
Мясо на части разъяли, священные бедра сложили,
Вместе все собрав, покрыли распластанным жиром.
Дров наколов, стали жечь. А Ясон совершил возлияние
чистым вином.

Таков был обычай. Жертвоприношения божествам принято было совершать по всем важным поводам. Бедрa животных сжигались, а мясо употреблялось в пищу людьми во время следовавшего за этим праздничного застолья.

Ахилл, сын Пелея, которому самому вскоре суждено было стать знаменитым героем, был принесен своей матерью к тому месту, где стоял корабль, чтобы посмотреть на отплытие аргонавтов.

После того как герои устроили прощальный пир и отоспались, они поднялись на борт «Арго» и отправились в путь «общим курсом на восток», или, если быть точным, налегли на весла:

Так и они под кифару Орфея веслами били
Моря воду тугую. Кругом же волны плескались
Пеной, а здесь и там бежали темные струи,
Страшно кипя и бушуя. Под силой мужей многомогущих
Несся корабль, и под солнечным светом сверкали, как
пламя,
Снасти его, а за ним непрерывно белели дорожки, Словно заметные глазу тропинки на
поле зеленом.

Так и начали аргонавты свое плавание:

Сразу высокую мачту в гнездо они вставили прямо
И укрепили канатами, с двух сторон натянув их.
Парус с нее спустили и на верхушке связали.
Звонкий ветер на парус напал.

Мы не будем подробно описывать весь путь аргонавтов, отметим лишь, что конечной целью их путешествия была Колхида, которая располагалась в восточной части Черного моря. Туда и отправились аргонавты, пристально вглядываясь в берега, мимо которых они проплывали. Они не могли добраться до Колхиды без приключений - настоящие герои просто не могут иначе. В Мраморном море они неожиданно столкнулись с грубыми и свирепыми людьми:

Землеродными их прозвали на диво соседям.
Целых шесть у каждого рук простираются мощных:
Две растут из сильных плечей, а другие четыре
Ниже плеч к могучим бокам прилеплены крепко.

Эти порождения богини земли Геи напали на аргонавтов, но Геракл:

Тотчас упругий лук против них
Натянул он и многих на земле раскидал.

Затем в течение двенадцати дней и ночей бушевала сильнейшая буря, преграждая аргонавтам дальнейший путь, поэтому они принесли жертвоприношение Рее, матери всех богов, умоляя ее, чтобы шторм прекратился:

Рис. 1. Геракл, удушающий немейского льва

Рис. 2. Жертвоприношение

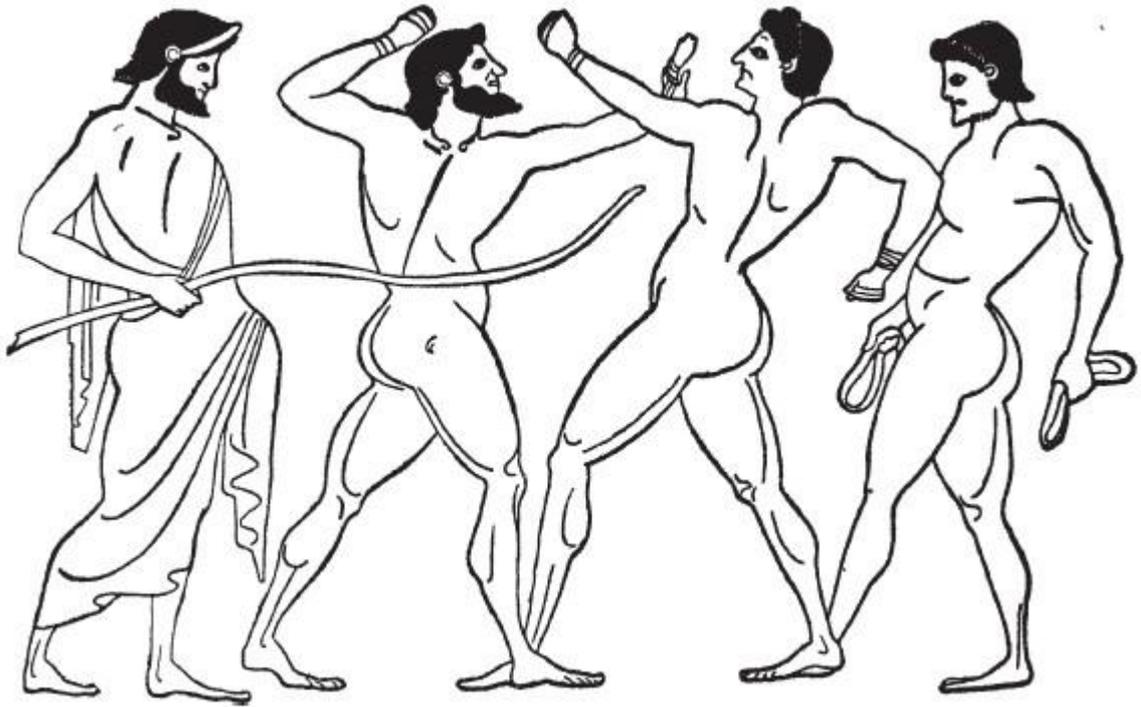

Рис. 3. Кулачные бойцы

Между тем молодые герои,
Лире Орфея послушны, с оружием в танце кружились
И ударили мечами в щиты. В следующий раз
Пир был устроен тогда на горе по прозванию
Медвежья
В честь Великой богини. Многовладычную звали
Рею они.

Случилось так, что в кианейской земле потерялись Геракл и Полифем, которые отправились на поиски Гилея, похищенного водной нимфой, поэтому наши герои вынуждены были продолжить свое дальнейшее плавание без них. Они должны были добывать огонь с помощью трения одной палочки о другую.

Затем они прибыли в страну бебриков, где, согласно заведенному обычаю, все чужеземцы должны были биться на кулаках с их правителем Амиком.

Аргонавты со своей стороны выставили Полидевка, который был лучшим среди них в этом виде состязаний. Наконец, для его проведения было выбрано место:

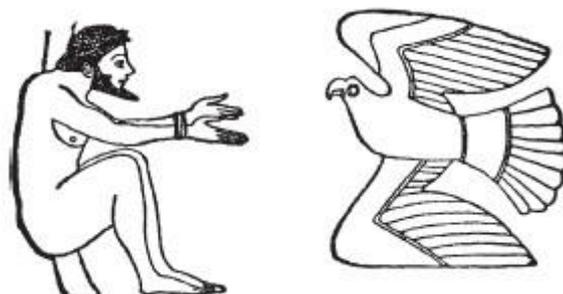

Рис. 4. Прометей

Между тем к их ногам Ликорей, Амика прислужник,
С двух сторон положил по паре ремней сыромятных,
Были сухими они и еще подсушены очень.

Точно так же, как и современные претенденты на победу повествуют на весь мир о том, как они собираются сделать отбивную котлету из своих соперников, так и Амик предупредил Полидевка, что он опытный боец:

Сколь я искусен в умении резать воловьей шкуры
На ремни и кровью кропить ими щеки мужские.

Состязание требовало от его участников настоящего мужества:

Громко так трещат у них подбородки и щеки,
Скрежет зубов несказанный кругом раздавался,
но драться
Не прекращали они дотолле, пока у обоих
Дух не зашелся внезапно в тлетворной тяжкой одышке.

Поединок закончился тем, что Амик, поднявшись на кончики пальцев, обрушил свою тяжелую руку сверху на Полидевка, но тот увернулся и ударил правителя в ухо, убив его таким образом.

Свой следующий подвиг аргонавты совершили в Вифинии, где они пришли на помощь Финейю, который очень страдал от нападений гарпий. Устремляясь неожиданно вниз из-за облаков, они хватали его еду и уносили в своих кривых клювах. В благодарность за помощь Финей рассказал аргонавтам о тех опасностях, которые в дальнейшем подстерегают их на пути в Колхиду. Благодаря этому они смогли успешно проплыть между скалами, которые время от времени сталкивались.

Случилось так, что в земле мариандинов Идмон, один из аргонавтов, погиб во время охоты на вепря, и там, в память о нем, был насыпан курган. Затем они прибыли в землю амазонок, но не стали вступать в сражение с воинственными красавицами.

Далее они прибыли в землю халибов.

Этих людей не заботит ни пахота в поле с волами,
Ни уход за плодами, что радуют душу, овечьих
Стад они не пасут по пастбищам в росных долинах.
Но, рассекая недра земли, несущие железо,
Плату в обмен получают для жизни. Для них не
восходит
Утро с зарей без трудов. Беспросветная в копоти черной,
В едком дыму, в работе всегда их жизнь протекает.

Когда наши герои добрались до острова бога войны Ареса, где обитали ужасные птицы:

Медные шлемы подняв, на лбы их они возложили.
Страшно сверкали они, колыхались багряные гребни.

Наши герои вынуждены были создать из своих щитов над «Арго» подобие завесы, чтобы прикрыть себя от перьев, которые эти птицы могли выпускать из крыльев, а были они подобны стрелам.

Аргонавты продвигались все дальше и дальше:

И постепенно стали расти высокие кручи
Гор Кавказских. Там к нерушимым скалам
прикрученный
Медными узами был Прометей, и питал он своею
Печенью птицу большую. Орел прилетал беспрестанно.
Вечером вдруг орла увидели герои в воздухе.
Над кораблем к облакам пролетел он высоко.
Но все же Парус стал колыхаться от веянья крыльев широких.
Птица такая несхожая по виду с орлом поднебесным,
Быстро крыльями машет она, подобными веслам.
Громкий стон Прометея затем услышали герои;
Печень орел пожирал, куски вырывая.
От вопля Весь эфир содрогнулся. А вскоре орел возвращался
Тем же путем, и опять увидели кровавую птицу.

Вскоре после этого аргонавты приплыли к устью реки Фасис:

А слева

Виден был могучий Кавказ с Китаидой Ээта.
После они увидели долину Ареса и рощу
Бога священную, змей там руно охранял неусыпно.

Наши герои поставили «Арго» на якорь в тихой гавани и стали держать совет относительно того, как им добраться до цели своего путешествия. К счастью для них, Гера и Афина решили прийти им на помощь, однако, каким образом они это сделали, мы расскажем чуть позднее. Самим аргонавтам пришла в голову чрезвычайно простая идея, суть которой сводилась к тому, чтобы отправиться ко двору царя Ээта и попросить его отдать им руно. С этой целью они и направили к Эету Ясона, но когда царь услышал о его просьбе, то преисполнился яростью, а затем воскликнул:

Если бы за столом угощений моих не вкусили,
Я не замедлил бы вам отрубить ваши руки, отрезать
Вам языки и с одними ногами отправить обратно.

Царь не мог исполнить все свои угрозы, поскольку аргонавты преломили с ним хлеб, поэтому он задумал для них тяжкое испытание:

...Сам я руками его совершаю,
Сколь бы пагубным мне ни казалось подобное дело.
Двое быков медноногих пасется в роще Ареса,
Двое быков у меня изо рта выдыхающих пламя.
Их запрягши в ярмо, гоню я по четырехдольной
Твердой ниве Ареса, взрезая стремительным плугом

Ниву ту до конца, не семя Деметры кидаю
В борозды я, а змея ужасного крепкие зубы,
И вырастают из них мужи в военных доспехах.
С ними затем я сражаюсь, всех поражаю, как будто
В поле колосья стригу, предаю противников смерти.
Утром я запрягаю быков и вечерней порою
Жатву кончаю. Ты же, если такое сумеешь,
В тот же день руно повезешь к твоему господину.

Ясону все эти задания не очень пришлись по душе:

Ясон в молчании очи потупил
И оставался сидеть, удрученный внезапной бедою.

Вот тогда и пришел черед Геры и Афины помочь Ясону. Их план заключался в том, чтобы убедить Эрота.

Карта Греции во времена Гомера вместе с окружающими ее морями

Поскольку самые вдохновенные строки поэмы посвящены любовной истории Ясона и Медеи, мы также вкратце остановимся на ней. Эрот пришел во дворец с Ясоном, и Медея

могла наблюдать за беседой последнего с ее отцом Ээтом. Эрот выбрал удачный момент, натянул свой лук, вытащил стрелу из колчана и выпустил ее в Медею.

Несчастливая Медея удалилась в свои покои, а услышав вердикт своего отца Ээта:

...Стрела же в деде засела,
В сердце глубоко застрявши очень. Медея стояла,
Взоры кидая навстречу Ясону. Вдруг поневоле
Прочь улетели устало разумные мысли. Забыла
Деда про все, лишь душу томило сладостной болью.
Душу ее волновало много того, что обычно
Чувства любви возбуждают. Все у нее перед взором
Вновь и вновь представлялось. Сам он, каким он тогда
был,
Как был одет, и что говорил, и как восседал он,
И как вышел он из дверей. Волнуясь решила,
Что такого другого нельзя найти во всем мире,
Голос его все время в ушах у нее раздавался
И благозвучные речи, которые произнес он.

Был ли у бедной девушки на самом деле выбор? Ясон даже и не подозревал о том, что она его любит, да и как она могла сказать ему об этом? Эет хотел погубить Ясона, а Медея всей душой хотела спасти ему жизнь. Медея решила помочь Ясону своим искусством волшебства, которым она немного владела, однако тем самым она шла против воли своего отца. В конце концов, разумеется, победила любовь, и она послала весточку Ясону, в которой сообщалось, что она будет ждать его возле храма богини ночной тьмы Гекаты. Здесь Медея и поджидала его. Он пришел и обратился к ней:

...Восторг согревает
Душу, от похвалы воспрянув, она на Ясона
Смотрит, все никак не решится начать с ним беседу,
Так как хочется ей обо всем сразу поведать.

Даже такой серьезный парень, как Ясон, начал догадываться, в чем дело, поскольку мы читаем несколько ниже:

Оба они, смущаясь, то вниз глаза опускали,
То опять друг на друга снова взоры бросали
Из-под светлых бровей, расточая отрадно улыбки.

Рис. 5. Минотавр

Итак, Медея дала Ясону совет относительно того, как справиться с заданием, которое поставил перед ним Эет. Затем аргонавты похитили золотое руно и увезли его с собой, а вместе с ними отправилась и Медея, поскольку она опасалась отцовского гнева за то, что помогла Ясону. Мы не будем подробно пересказывать сюжеты, имеющие отношение к их браку, который оказался несчастливым, поскольку при желании любой может прочесть о них в переводе «Аргонавтики».

Современные исследователи полагают, что «Аргонавтика», по сути дела, представляет собой описание путешествия в страну золота в поэтической форме. Древние горняки сперва находили золотые блестки в водных потоках, а затем поняли, что вода вымывает их из скал. Затем, как предполагают ученые, они стали собирать золотую пыль, переносимую течением, растягивая руно в воде так, чтобы крупинки золота застревали в овечьей шерсти.

Во все времена люди желали обладать золотом, очарованные его блеском. Визит в зал истории ранних обществ Британского музея поможет вам понять, как много этого металла использовалось для изготовления украшений на территории Англии в бронзовом веке. В наше время золото добывают в одной части земного шара, а прячут его в хранилищах в другой части света, очевидно, потому, что боятся его магических свойств.

Легендарная история «Арго» помогает нам понять дух авантюризма и страсть к путешествиям, присущие древним грекам. Природные условия их страны сыграли в этом немаловажную роль. Подобно Норвегии, в Элладе плодородные равнины отделены одна от другой горными хребтами. Как следствие, это привело к возникновению небольших городов-государств, и человеческий гений здесь проявился ярче, чем в больших, подобных муравейникам, городах, в которых живут современные люди. Когда население этих маленьких государств становилось слишком многочисленным для того, чтобы прокормиться тем, что давала окружающая местность, оно, как и норманны более поздних времен, вынуждено было добывать себе хлеб насущный на море в качестве моряков, торговцев или пиратов. Бороздя моря, эллины обнаружили чудесные места, где стали возникать их колонии. Но тоска по милой родине вдохновляла греков на поэтическое творчество. Люди жили на равнинах, а их боги - на заоблачных вершинах.

Едва взглянув на карту Эллады, мы сразу же увидим, что грекам самой судьбой было предназначено стать великим морским народом древности. Крупнейшими державами того времени были Египет, Ассирия, а также Персия, и для морских судов греков не составляло большого труда достичь торговых портов в Малой Азии, которые последовательно находились под контролем одной из них. Вместе с тем эти страны находились достаточно далеко для того, чтобы быть источником непосредственной опасности для греков, если бы только враги сами не догадались воспользоваться для нападения морем, но они в течение долгого времени не имели такой возможности. Когда же Персия, наконец, напала на Элладу, ее военно-морской флот имел только вспомогательное значение для армии. Он перевез войско через Геллеспонт, а затем оно вынуждено было совершать утомительный переход по суше через территорию Македонии и Фессалии. Тем самым греки выиграли время, они получили возможность собраться с силами, достаточными для того, чтобы дать отпор вторжению.

Необходимо упомянуть и о другой великой державе, которая пережила периоды взлета и падения перед тем, как окончательно погибнуть. Минойцы, средиземноморский народ, живший на острове Крит, создали великолепную цивилизацию, остатки которой были исследованы британским археологом сэром Артуром Эвансом во время раскопок царского дворца в Кноссе.

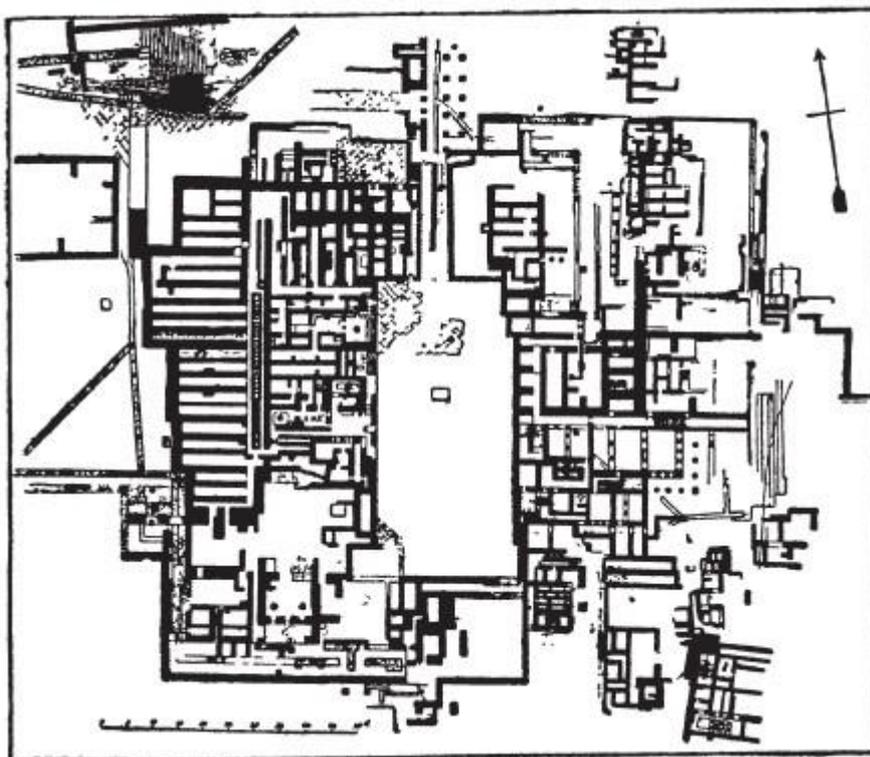

Рис. 6. План царского дворца в Кноссе

По всей видимости, ее максимальный расцвет приходился на период времени между 1650-м и 1450 годами до нашей эры, а затем она погибла в результате катастрофы. Минойцы также были морским народом, и процветание их державы во многом основывалось на торговле с сопредельными странами. Их суда, груженные оливковым маслом, вином, гончарной керамикой и раковинами, из которых добывали краску, плавали к Нилу, где местные жители называли жителей Крита «кефтиу». Минойцы наверняка имели некие связи и с тогдашним населением Эллады. Легенда о Минотавре, громадном получеловеке, полу-быке, жившем в Лабиринте, располагавшемся в Кноссе, и питавшемся семьей юношами и семьей девушками, которых каждый год отправляли туда афиняне, является, очевидно, поэтическим отголоском дани, предназначавшейся для кровавых жертвоприношений. Воз-

можно, что афиняне отправляли юношей и девушек связанными, так как, судя по рис. 5, взятому с чернофигурной вазы VI века до нашей эры, Минотавр выглядит скорее худым и голодным, чем громадным и мускулистым.

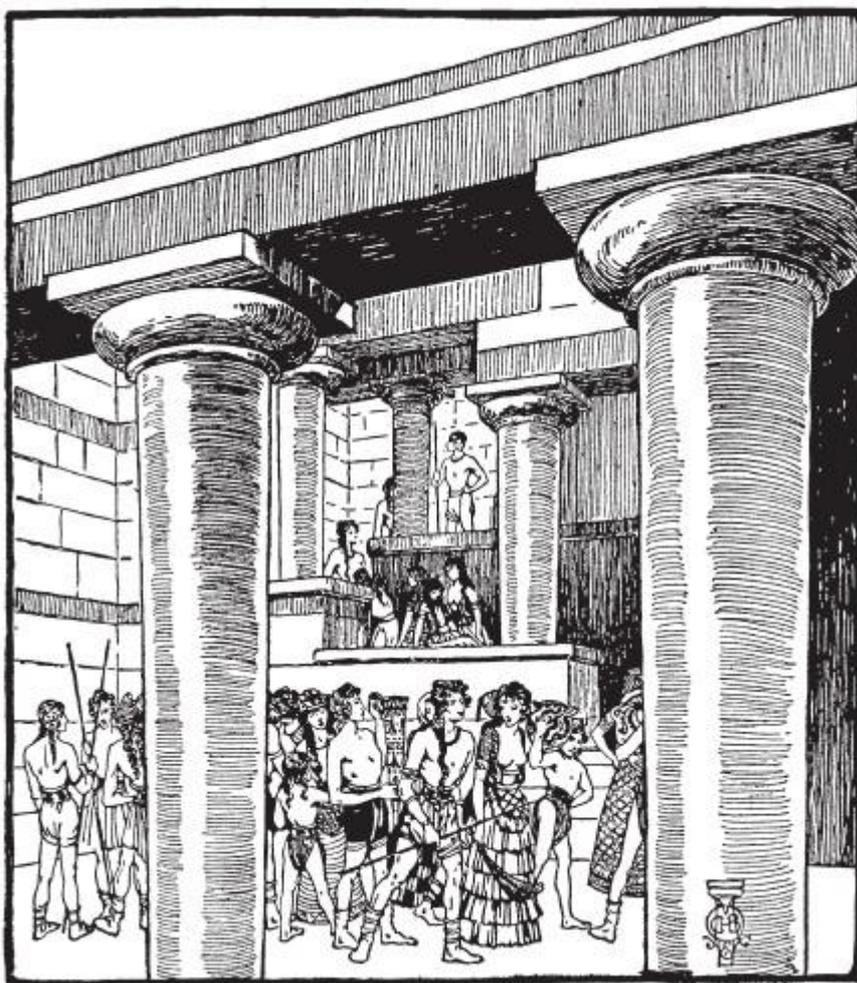

Рис. 7. Парадная лестница в царском дворце в Кноссе

Однажды в числе прибывших оказался Тесей, он стал знаменитым греческим героем, и Ариадна, дочь правителя Крита, влюбилась в него. Она дала Тесею меч, с помощью которого можно было убить Минотавра, а также нить, чтобы он смог найти обратную дорогу из Лабиринта. Если вы в наши дни отправитесь в Кносс, чтобы осмотреть руины, открытые благодаря самоотверженному труду сэра Артура Эванса, то легко поймете, как зародилась легенда о Лабиринте. Дворец имел большой центральный двор, окруженный со всех сторон маленькими комнатами и сквозными переходами, образующими Лабиринт, в котором любой человек, незнакомый с его планировкой, мог запросто заблудиться.

На рис. 9 показана парадная лестница, по которой со двора можно было попасть в царские покои. Следует обратить внимание на характерные для минойской архитектуры колонны, суживающиеся книзу.

Конечно, дворец, который был разрушен около 1450 года до нашей эры, относится к гораздо более позднему времени, чем тот, который упоминается в легенде о Минотавре. Но легенда сама по себе является свидетельством того, что в то раннее время Крит был великой и могущественной державой и греки вынуждены были полагаться на своих героев для защиты от нее. Тесей подружился с аргонавтами. Кносский дворец был построен на чудесной равнине, всего в нескольких милях от моря, без каких бы то ни было укреплений. Его руины воскрешают в памяти людей картину того, как, по нашим представлениям, должны выглядеть дворцы восточных владык, поскольку на самом деле трудно найти какое-либо

сходство между планом дворца в Кноссе и укрепленными акрополями греческих городов более позднего времени. Но тем не менее греки многое заимствовали у минойцев, в чем мы вскоре убедимся. Некоторые характерные особенности они могли скопировать с тех вещей, которые поступали в Грецию с Крита. Так, например, богато украшенные золотые кубки, найденные в Вафио (Лакония), несомненно, были выполнены минойскими мастерами. Их могли просто купить, а скорее всего, захватить во время одного из грабительских набегов. И у нас есть весомые основания так считать. Как предполагается, как раз около 1450 года до нашей эры северные племена начали продвигаться на юг, в центральную и южную части Греции. Позднее эти племена обобщенно стали называть ахейцами. В качестве ближайшей аналогии можно упомянуть о других жителях севера, норвежцах или норманнах, которые постоянно нападали на франков и около 912 года нашей эры захватили часть Галлии, которая позднее стала называться Нормандией. Насколько нам известно, норманны, когда они впервые там появились, дикостью мало чем уступали своим предкам, описанным в «Беовульфе»⁶. Сначала они проходили по захваченным землям с огнем и мечом, а затем, обосновавшись на новой родине, вынуждены были учиться у франков искусству строительства каменных замков и великолепных соборов.

По всей видимости, точно так же и ахейцы не покончили полностью с влиянием минойских традиций в материковой Греции, более того, усвоили многие строительные приемы, ознакомившись с теми постройками, которые им здесь встретились. Так, например, они стали использовать суживающиеся книзу колонны и многие другие элементы декора, но планировка строений менялась в соответствии с их потребностями. Подобно норманнам, им в первую очередь требовались не дворцы, а хорошо защищенные крепости. Здесь мы должны напомнить нашим читателям, что, хотя повествование касается событий, которые произошли 3500 лет назад, тем не менее, это ничтожно малое время, если сравнивать его со всей историей Средиземноморья. Сэр Артур Эванс выяснил, что постройки минойского времени в Кноссе перекрывали сверху неолитические остатки, и вполне возможно, что минойцы были потомками того самого средиземноморского народа, который в неолите заселил даже территорию Англии⁷.

Теперь мы можем перейти к другой знаковой фигуре в археологии - Генриху Шлиману. Нет смысла повторять здесь историю о том, как мальчик из бедной семьи загорелся желанием раскопать легендарную Трою, с каким трудом он получил образование, а затем долго пытался избавиться от тяготившей его необходимости заниматься торговлей. Но в конце концов это удалось, и его жизнь является своего рода одой о верности своей мечте, а также может служить примером для подражания всем мальчикам и девочкам, не рожденным в роскоши и достатке. Все свои молодые и зрелые годы Шлиман потратил на то, чтобы скопить достаточно средств, необходимых для проведения исследований; когда, наконец, его мечта осуществилась, предпринятые им раскопки в Трое, Микенах и Тиринфе открыли остатки культуры, которая была описана в поэмах Гомера.

Каждый эпизод этих поэм остается предметом острых дискуссий между учеными во всем мире, и их интенсивность со временем не стихает. Это является лучшим свидетельством того, что объект этих дискуссий является настолько интересным и важным, что до сих пор вдохновляет людей. Нам также следует обратиться к этим поэмам. Ниже мы собираемся сопоставить некоторые эпизоды из «Илиады» и «Одиссеи» с данными археологии, насколько, конечно, это возможно. Если наши читатели заинтересуются этими проблемами, они впоследствии сами смогут стать учеными и метать словесные дротики в ученую братию.

Глава 2

«Илиада»

Песнь первая

Действие в первой песни «Илиады» начинается в тот момент, когда греки уже в течение девяти лет осаждали Илион или Трои¹. Описания предшествующих событий нет, но мы сразу оказываемся в курсе ссоры между Агамемноном² и Ахиллом³. Агамемнон силой захватил дочь жреца Хриса и отказался принять за нее громадный выкуп. По этой причине Феб-Аполлон пришел в ярость, многие слышали наводящий ужас звон тетивы его лука, и в течение девяти дней пущенные им стрелы разили направо и налево. В конце концов Агамемнон понял, что лучше возратить Хрисеиду ее отцу, но взамен он решил взять у Ахилла красавицу Брисеиду, причем богиня Афина не позволила ему отомстить Агамемнону.

Как это часто случалось в те времена, герои являлись потомками бессмертных богов. Так, отцом Ахилла был Пелей, правитель мирмидонян⁴, а матерью - Фетида, богиня морской пены. Возмущенная обидой, нанесенной ее сыну, она восстала из морских волн и отправилась прямо в обитель богов - многоверхий Олимп. Там она обратилась к Зевсу, сыну Кроноса и повелителю всех богов. Она умоляла его оказать помощь троянцам, чтобы они одерживали верх над греками до тех пор, пока те не воздадут должные почести ее сыну Ахиллу. Зевс колебался, опасаясь того, как к подобному повороту событий отнесется его жена, волоокая Гера. Она начала укорять его, и хромой Гефест, их сын, молвил, пытаясь их примирить:

Горестны будут такие дела, наконец нестерпимы,
Ежели вы и за смертных с подобной враждуете злобой!
Ежели в сонме богов воздвигаете смуту!⁵

Подобных сюжетов в «Илиаде» можно найти много. Оказывается, не только простые смертные сражаются друг против друга на земле, но и боги иногда спускаются с Олимпа и принимают ту или иную сторону, ссорясь при этом между собой так, что небеса содрожаются от грома.

В первой песни встречается много интересных подробностей. Многомудрый Одиссей⁶ возвратил Хрисеиду ее отцу, прибыв к нему на корабле с двадцатью гребцами, а затем они принесли жертву из ста животных сребролукому Аполлону. Прибыв к Хрису,

Все паруса опустили, сложили на черное судно,
Мачту к гнезду притянули, поспешно спустив на
канатах,
И корабль в пристанище дружно пригнали на веслах,
Там они котвы бросают, причалы к пристанищу вяжут.

Затем описываются подробности обряда жертвоприношения Аполлону. Животные стоят возле алтаря по кругу. Воины омывают руки и сыплют зерна ячменя. Жрец молит Аполлона не оставить своим благорасположением греков, а затем разбрасывает зерна ячменя. Головы животных запрокидывают, перерезают им горло и свежуют. Бедрa немедленно отсекают и покрывают кругом двойным слоем жира. На них складывают остатки сырого мяса, и жрец

... на дровах сожигал их, багряным вином окропляя;
Юноши окрест его в руках пятизубцы держали.

Бедрa сожегши они и вкусивши утроб от закланнх,
Все остальное дробят на куски, прободают рожнами,
Жарят на углях их осторожно и, все уготовя, снимают.

Затем они устроили пир, а после пели гимны богу под музыку.

Традиция устраивать празднества вслед за жертвоприношением сохранялась вплоть до христианских времен. Папа Григорий даже вынужден был рекомендовать первым христианам «не приносить более животных в жертву диаволу, а забивать скот и устраивать пиры во славу Господа Нашего»⁷.

Следует отметить, что мы до сих пор еще ничего не сказали относительно причин, побудивших греков предпринять осаду Трои. Есть одно упоминание на этот счет в диалоге, состоявшемся во время ссоры между Ахиллом и Агамемноном, причем Ахилл говорит:

Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах,
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный.

Гомеру не было особой необходимости объяснять своим слушателям, что Парис, или Александр⁸, сын правителя Трои, украл Елену⁹ из Аргоса, жену правителя Спарты Менелая¹⁰, который приходился родным братом Агамемнону. «Илиада» точно так же, как и англосаксонская поэма «Беовульф», была эпическим произведением, которое рассказывалось и пересказывалось тысячи раз, до тех пор пока его не зафиксировал в своем, так сказать, каноническом виде Гомер. Древние греки находили большое удовольствие в постоянном повторении этой поэмы.

Мы можем полагать, что «Илиада» именно как поэма была сочинена Гомером, одним из величайших сказителей в истории человечества, и ею можно наслаждаться именно как эпическим произведением.

Если бы Гомер жил в наши дни, он мог бы стать прекрасным радио- или телеведущим. Он ясно осознал необходимость пробудить с самого начала интерес у своих слушателей, отсюда и драматическая насыщенность первой книги «Илиады», начинающейся с эпизода ссоры между Ахиллом и Агамемноном, имевшей столь трагические последствия для греков.

Песнь вторая

Из второй песни мы узнаем, что греки возобновили нападения на троянцев, а затем следует каталог предводителей с упоминанием количества принадлежавших им кораблей. Они приплыли из Афин, Аргоса, «крепкостенного» Тиринфа, Коринфа, Спарты и Аркадии.

Царь Одиссей предводил кефалленян, возвышенных духом,
Живших в Итаке мужей и при Нерите трепетолистном.

Из всех областей Греции прибыли они, и их главным противником был Гектор, носивший сияющий шлем. Он был сыном Приама и предводителем троянцев.

Песнь третья

В третьей песни мы узнаем, что греки и троянцы построились друг против друга в боевых порядках. Однако это отнюдь не следует понимать в том смысле, что одна группа людей с линии горизонта стреляла в другую группу людей на линии горизонта, подобно тому как это происходит в наши дни. Максимум, что могли сделать греки и троянцы, так это лишь обстреливать друг друга из луков.

Затем Парис, тот самый, который украл Елену, бросает вызов всем предводителям аргивян. Он предлагает сражаться один на один вплоть до смерти одного из противников. И этот вызов принимает Менелай, оскорбленный муж. Однако при виде последнего Парис испугался и отступил, тогда как брат его Гектор побуждал юношу к битве. Затем было решено, что эти двое будут биться между собой, победителю достанется Елена и все ее сокровища, и, таким образом, война между греками и троянцами прекратится. Предводители тех и других сели сообща. Были принесены бараны для жертвоприношения, а Приам оповестил всех, что он готов стать гарантом верности данной клятве. Елене было сказано:

Ныне герой Александр и с ним Менелай браноносец
С длинными копьями выйдут одни за Елену сразиться.
Кто победит - и жены и сокровищ властителем будет.

Жертвоприношение было совершено, и вслед за этим Парис по жребию выиграл право первым метнуть в своего противника копье:

Тою порой вкруг рамен покрывался оружием пышным
Юный герой Александр, супруг лепокудрой Елены.
И сперва наложил он на белые ноги поножи
Пышные, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Перси кругом защищая, надел медяные латы,
Брата Ликаона славный доспех и ему соразмерный;
Сверху на рамо набросил ремень и меч среброгвоздый
С медяным клинком; и щит захватил, и огромный и
крепкий;
Шлем на могучую голову ярко блестящий надвинул
С гривую конскую; гребень ужасный над ним
волновался;
Тяжкое поднял копье, на которое было споручно.
Так и Атрид Менелай покрывался оружием, храбрый.

Далее идет описание сцены боя:

Первый герой Александр послал длиннотенную пику
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Но - не проткнуло меди, согнулось копейное жало
В твердом щите.

В свою очередь Менелай:

... мощно сотрясши, поверг длиннотенную пику,
И ударил жестоко противника в щит круговидный;
Щит светозарный насквозь пробежала могучая пика,

Броню насквозь, украшением пышную, быстро
пронзила
И, на паху подреберном, хитон у Париса рассекла;
Бурная; он, лишь отпрянув, погибели черной избегнул.
Сын же Атрев, исторгнув стремительно меч
среброгвоздый,
Грянул с размаха по бляхе шелома; но меч, над шеломом
В три и четыре куска раздробившись, пал из десницы.

Далее следует типичный для греков поворот сюжета: «Шлем последовал праздный за мощной рукой Менелая» и он мог бы убить Париса и получить обратно свою жену Елену. Но человек - это не скорлупка, плывущая по воле волн, не забава для богов, он должен был бороться на протяжении всего своего жизненного пути, сражаясь до последней возможности, или же потерять все, невзирая на все трагические превратности. Дочь Зевса Афродита пришла на помощь Парису и, окутав его темным облаком, укрыла во дворце Приама. Троянцы не имели ни малейшего желания прятать его от Менелая, потому что «всем он и им уже был ненавистен, как черная смерть».

Рок тяготел над каждым из них; они вынуждены были сражаться, и у них не было другого выбора.

Песнь четвертая

Четвертая песнь открывается с описания сцены совета богов, на котором они обсуждали:

Паки ли грозную брань и печальную распрю воздвигнем,
Или возлюбленный мир меж двумя племенами положим?

Повелитель богов Зевс, который благоволил жителям священного Илиона (Трои), высказался в пользу заключения мира, тогда как Афина и Гера, сидевшие рядом с ним, желали всевозможных бед троянцам. Именно Гера задумала дьявольский план, согласно которому троянцы вынуждены были бы нарушить клятву и предпринять враждебные действия по отношению к грекам. Афина под видом простой смертной была отправлена к Пандару с целью убедить его послать одну из стрел в Менелая:

Лук обнажил он лоснистый, рога быстробегущей серны.

Пандар лично подстрелил эту серну и, взяв ее рога, каждый по шестнадцать ладоней, «обработав искусно, сплотил рога дел знаменитый, вылощил ярко весь лук и покрыл его золотом поверхность».

Рис. 8. Елена и Парис

После того как лук был натянут, товарищи Пандара укрыли его своими щитами, он взял крылатую стрелу, приспособил «черных страданий источник» к тетиве и дал обет Аполлону, покровителю лучников, принести ему в жертву сотню «агнцев первородных»:

Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог закрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влетететь сопротивных.

Дочь Зевса защитила Менелая и выдернула стрелу из его тела:

И насквозь просадила изящно украшенный запон,
Броню насквозь, украшением пышную, быстро пробил,
Навязь медную, тела защиту, стрел сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую навязь пронзила
И рассекла, могучая, верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась из раны Атрида.

Стрела пробил запон, под которым находилась повязь, выкованная медником-кузнецом. Ноги Менелая были испачканы кровью такого же цвета, как использует «карская или меонская женщина для пышных нащечников коней». Подобные элементы конской сбруи, выполненные из слоновой кости, использовались и в Англии.

Греки имели в составе своей армии врачей, поэтому Махаон, сын бога врачевания Асклепия и сам знаменитый врачеватель, был призван на помощь. Он вытащил стрелу из раны, остановил кровь и присыпал ее снадобьями.

Рис. 9. Гефест

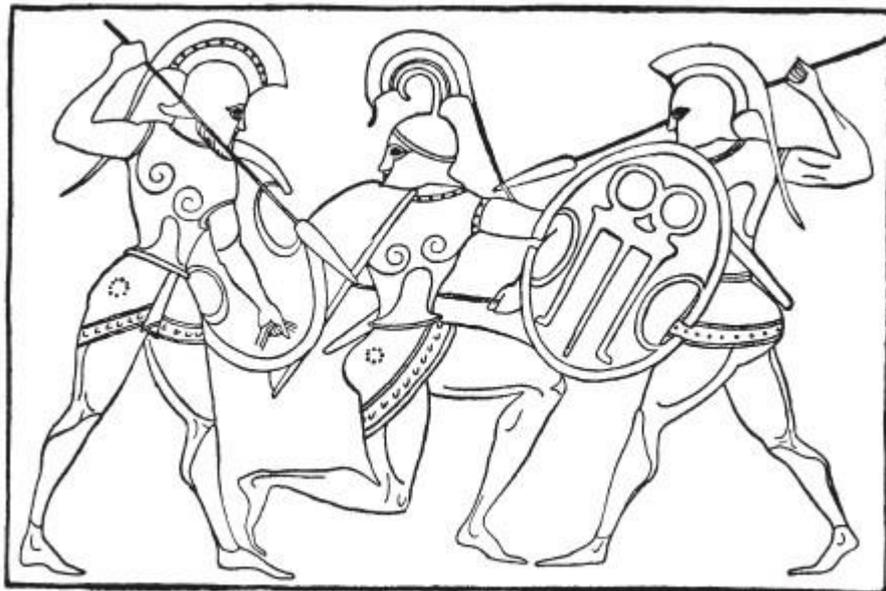

Рис. 10. Воины

Этот предательский поступок, к которому троянцы были принуждены самими богами, привел к возобновлению боевых действий между ними и греками. Вот ключевой пункт, который мы не должны упускать из виду. Противники, подобно солдатам нашей великой войны¹¹, сражались не потому, что они любили войну, а потому, что их вел вперед уготованный им рок.

Приемы войны, описанные Гомером, отличаются от тех, что практиковались позднее в античной Греции. Вот как, например, действовал Нестор¹² из Пилоса:

Конных мужей впереди с колесницами Нестор построил;

Пеших бойцов позади их поставил, и многих и храбрых,
Стену в сражениях бурных; но робких собрал в
середину,
С мыслью, чтоб каждый, когда не по воле, по нужде
сражался.
Конникам первым давал наставленья, приказывал им он
Коней рядами держать и нестройной толпой не
толпиться.
«Нет, - чтоб никто, на искусство езды и на силу
надежный,
Прежде других не пылал впереди с супостатами биться,
Или назад обращаться: себя вы ослабите сами.
Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
Пику вперед уставь: наилучший для конников способ.
Так поступая, и древние стены и грады громили,
Разум и дух таковой сохраняя в доблестных персях».

Воины сражались копьями и мечами, а также бросали друг в друга камни, прикрываясь при этом щитами. На страницах труда Гомера трудно обнаружить перечисление тех приемов, которые использовались во время сражения, поскольку он в основном уделяет внимание описанию индивидуальных схваток между соперниками с обеих противоборствующих сторон, которые иногда происходили в пешем строю, а иногда и на колесницах. Не сражался только Ахилл: «...сын лепокудрой Фетиды, он пред судами гнев, сокрушительный сердцу, питает».

Песнь пятая

В пятой песни говорится о том, что Диомед с помощью Афины Паллады смог понять разницу между богом и простым смертным, но та предупреждает его:

«Ты на бессмертных богов, Диомед, не дерзай
ополчаться,
Кто не предстанет; но если Зевесова дочь Афродита
Явится к брани, рази Афродиту острою медью».

Диомед атаковал троянцев со всей яростью и чуть было не убил Энея, матерью которого была Афродита. Она пришла на помощь своему сыну, но была сама ранена Диомедом:

...заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливых:
Ибо ни брашн не ядят, ни от гроздий вина не вкушают;
Так и бескровны они, и бессмертными их нарицают.
Громко богиня вскричав, из объятий бросила сына;
На руки быстро его Аполлон и приял и избавил.
Облаком черным покрыв...

Афродита отправилась на Олимп и там подговорила Ареса, наводившего ужас на смертных, вдохновить троянцев на новые подвиги, которые должны были свести на нет все усилия, предпринимающиеся Герой при помощи дочери ее Афины:

Гера, богиня старейшая, отрасль великого Крона.
Геба ж с боков колесницы набросила гнутые круги
Медных колес осьмиспичных, на оси железной ходящих;
Ободы их золотые, нетленные, сверху которых
Медные шины положены плотные, диво для взора!
Ступицы их серебром, округленные, окрест сияли;
Кузов блестящими пышно серебром и золотом ремнями
Был прикреплен, и на нем возвышались дугою две
скобы;
Дышло серебряное из него выходило; на оном
Геба золотое, прекрасное вяжет ярмо, продевает
Пышную упряжь золотую; и быстро под упряжь ту Гера
Коней бессмертных подводит, пылая и бранью и боем.

Тою порою Афина, в чертоге отца Эгиоха,
Тонкий покров разрешила, струей на помост он
скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворив, украшала;
Вместо ж его облачая броней громоносного Зевса,
Бранным доспехом она ополчалася к брани плачевной.
Бросила около персей эгид, бахромою косматый;
Страшный очам, поразительным Ужасом весь
окруженный:
Там и Раздор, и Могучесть, и, трепет бегущих, Погоня,
Там и глава Горгоны, чудовища страшного образ,
Страшная, грозная, знаменье бога всеильного Зевса!
Шлем на чело возложила украшенный, четыребляшный,
Златом сияющий, ста бы градов ратоборцев покрывший.

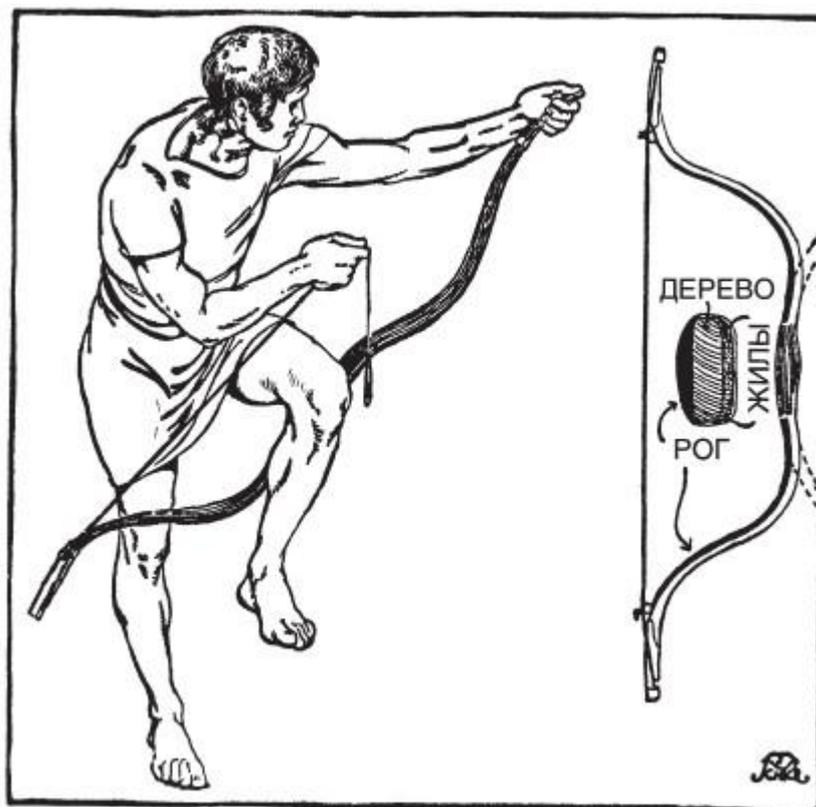

Рис. 11. Составной лук Одиссея

Так в колеснице пламенной став, копием ополчилась
Тяжким, огромным, могучим, которым ряды сокрушает
Сильных, на коих разгневана дочь всемогущего бога.

Они отправились на Олимп и спросили отца всех богов Зевса:

«Зевс, наш отец! на меня раздражишься ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударом, быть может, жестоким?»

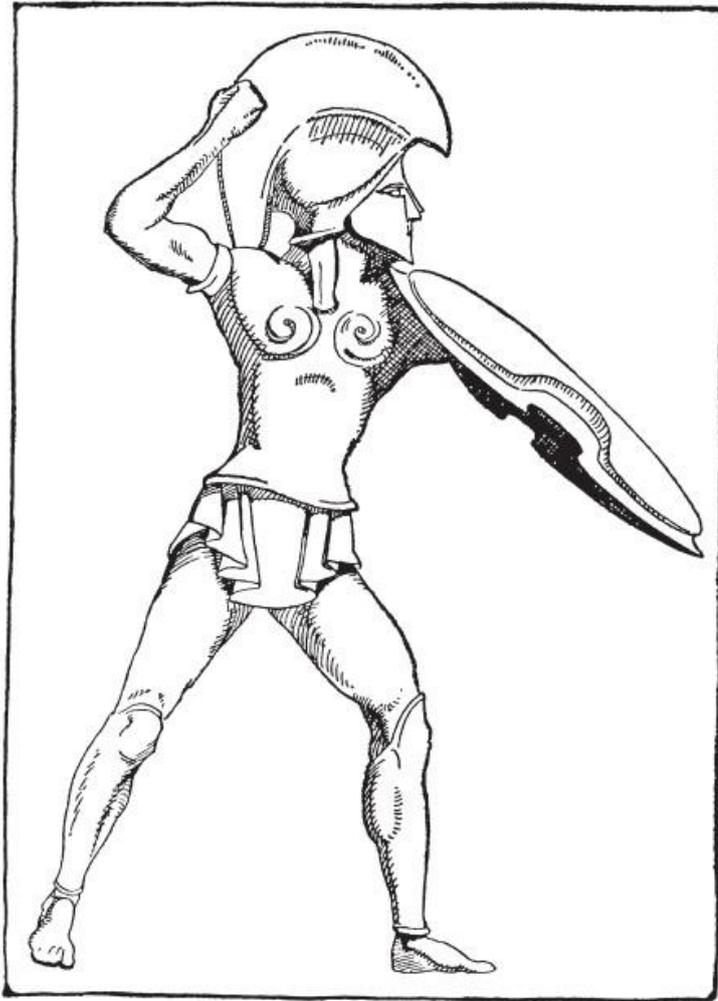

Рис. 12. Скульптура из Додоны

Они получили его разрешение и затем отыскиали Диомеда на поле брани. Греки вынуждены были отступить под натиском троянцев, которым помогал Арей. Афина подала Диомеду колесницу, после чего богиня направила ее на Арея и Диомед с ее помощью ранил его копьем:

...взревел Арей медноборный
Страшно, как будто бы девять иль десять воскликнули
тысяч
Сильных мужей на войне, зачинающих ярую битву.
Дрогнули все, и дружины троян, и дружины ахеян,
С ужаса: так заревел Арей, ненасытный войною.

Это тот редчайший случай, когда Гомер позволяет себе изобразить бога как простого смертного, он точно так же громко кричит, когда ранен.

Итак, по словам автора «Илиады», таким образом смертельная схватка между греками и троянцами разгорелась вновь и охватила всю равнину, обе стороны метали друг в друга дротики с «медноострыми жалами».

Для нас «Илиада» просто произведение искусства, которое рисует впечатляющую картину войны и сражения; но для греков и особенно для детей античного времени впечатление от услышанного, тем более рассказанного с драматическими интонациями, должно было быть весьма сильным. Для нас боги из «Илиады» представляются просто мифологи-

ческими персонажами, тогда как для греков Афина была богиней, которой Перикл¹³ посвятил храм Парфенон, построенный на афинском Акрополе.

Песнь шестая

В шестой песни Гектор направляется в Трою, чтобы попросить свою мать дать обет совершить жертвоприношение в честь Афины, если она соизволит простить их родной город, включая троянских женщин и маленьких детей. Там он встретился со своей женой Андромахой, затем следует патетическая сцена, в которой они сетуют на рок, грозивший гибелью Трое. Она напоминает ему:

Гектор, ты все мне теперь - и отец, и любезная мать,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой
прекрасный!
Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою.

Но Гектор не может не принять участия в битве, даже если, как он сам говорит:

Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копьеносца Приама.

Сама же Андромаха будет захвачена греками в качестве добычи. Гектор сетует:

Но да погибну и буду засыпан я перстью земною
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой
услышу!

Песнь седьмая

В седьмой песни Аполлон и Афина останавливают решающее сражение, а Аполлон говорит:

«Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысим.
Пусть Приамид вызывает храбрейших героев данайских
Выйти один на один и сразиться решительной битвой».

Воины получают отдых:

Тою порой Афина и Феб сребролукий,
Оба вознесшись, словно как ястребы, хищные птицы,
Сели на дубе высоком отца молненосного Зевса,
Ратями вместе любясь: ряды их сидели густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острые копья вздымая.

Греки бросают жребий, согласно которому сражаться с Гектором предстояло Аяксу:

Быстро Аякс подходил, пред собою несущий, как
башню,
Медный щит семикожный, который художник составил,
Тихий, усмарь знаменитейший, в Гиле обителью
живший;
Он сей щит сотворил легкодвижимый, семь сочетавши
Кож из тучнейших волов и восьмую из меди
поверхность.

Затем следует детальное описание поединка, и, поскольку ни один из противников оказывается не в силах одолеть другого, они обмениваются дарами. Это кажется довольно странным, если мы не вспомним, что нечто подобное можно найти и в произведениях английского автора XIV века Фрос-сара. Во все времена поединок рассматривался как разновидность весьма рискованного вида спорта.

Поскольку всеобщее сражение не возобновилось, сторонам представилась возможность собрать тела погибших:

Мы же, поднявшись дружно, свезем с побоища трупы
В стан на волах и на месках и все совокупно сождем их,
Одаль судов мореходных: да кости отцовские детям
Каждый в дом понесет, возвращая в землю родную.
После, на месте сожженья, собравшись, насыплем
могилу,
Общую всем на долине, а подле построим немедля
Стену и башни высокие, нам и судам оборону.
В оных устроим ворота и крепко сплоченные створы,
Путь бы чрез оные был колесницам и коням
просторный.
Подле стены той, снаружи, ров ископаем глубокий;
Пусть он, идущий кругом, воспящает и конных и пеших,
Чтоб когда-либо рать не нагрязнула гордых пергамлян.

Представляется, что в тот день греки приняли довольно запоздалое решение предпринять дополнительные меры к укреплению своего лагеря. Их обычная практика заключалась в том, что они вытаскивали свои корабли на сушу, а затем огораживали для их защиты определенный участок земли. Из этой же главы мы можем также узнать, каким образом они доставляли себе припасы. Вино поступало с острова Лемнос:

Прочие мужи ахейские меной вино покупали:
Те за звенящую медь, за седое железо меняли,
Те за воловые кожи или за волов круторогих,
Те за своих полоненных...

Предпринимаются новые попытки заключить мирный договор, на этот раз со стороны троянцев, но Парис, который по своей сути был недостойным человеком, отказался вернуть Елену.

Песнь восьмая

В восьмой песни битва возобновляется, но мы должны помнить, что все это время Ахилл не принимал участия в сражениях из-за обиды, нанесенной ему Агамемноном. Боги все еще помнили призыв Фетиды, матери Ахилла, что троянцы до тех пор будут одерживать верх, пока греки не воздадут должных почестей ее сыну:

Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий;
Жребий троян конейборных и меднооружных данаев;
Взял посредине и поднял: данайских сынов
преклонился
День роковой, данайских сынов до земли
многоплодной...

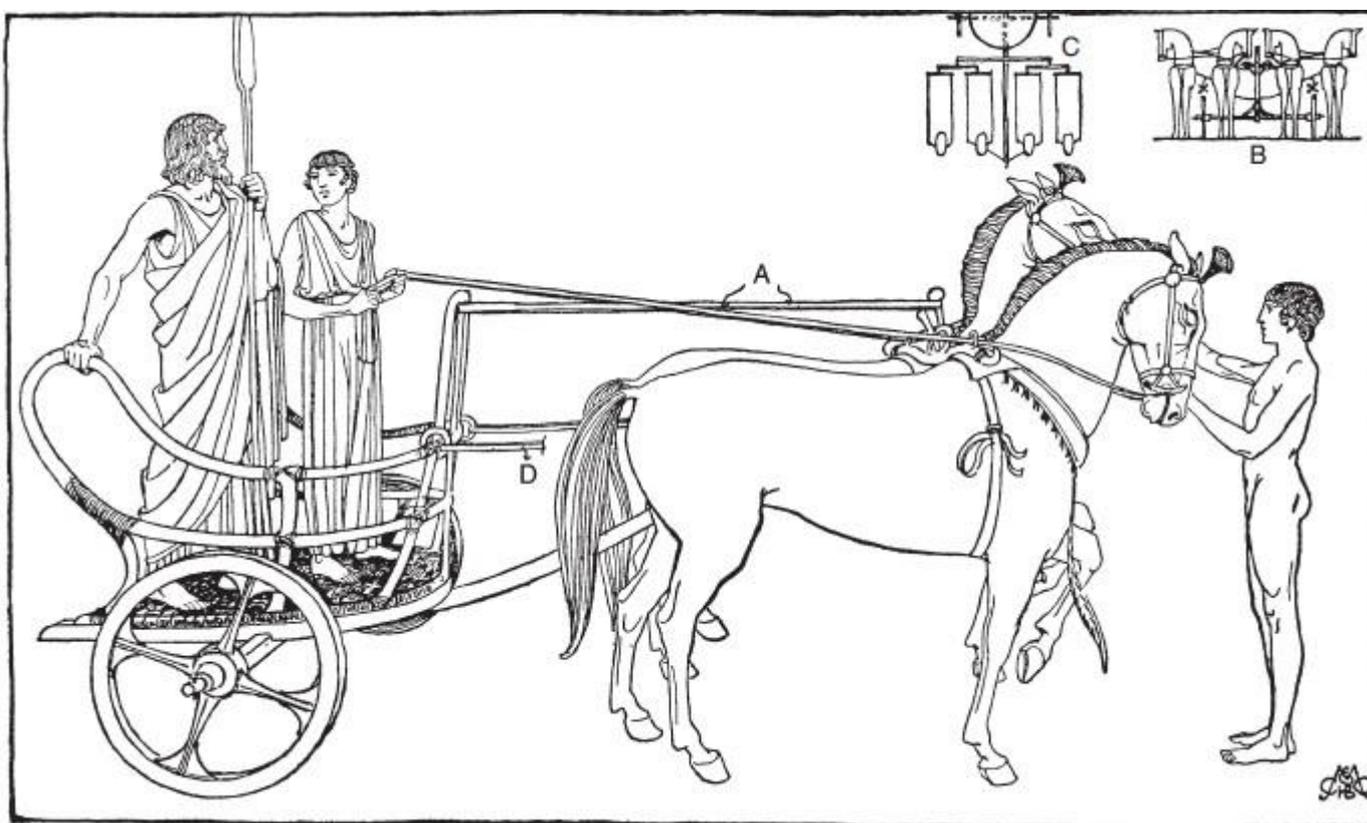

Рис. 13. Колесница (реконструкция)

Рис. 14. Медуза Горгона. Изображение на чернофигурной вазе из Коринфа. Около 570 года до н. э.

В конце этой песни греки оказываются отброшенными внутрь стен своего лагеря, к вытасненным на сушу судам.

Песнь девятая

В девятой песни выясняется, что греки впали в уныние и Агамемнон пытается возобновить дружбу с Ахиллом. Он предлагает ему:

Семь треножников новых, не бывших в огне, и
двенадцать
Коней могучих, победных, стяжавших награды ристаний.

Он даже обещает вернуть ему Брисеиду. С подобными предложениями к Ахиллу был отправлен многомудрый Одиссей, но тот отверг его, заявив:

Даров гнушаюсь его и в ничто самого я вменяю!

Песнь десятая

В десятой песни упоминаются приключения Одиссея и Диомеда, которые отправились ночью на разведку в лагерь троянцев.

Песнь одиннадцатая

В одиннадцатой песни Агамемнон, Диомед и Одиссей получают ранения. Появляются первые упоминания о Патрокле, друге Ахилла. Его отправляют выяснить причину, по которой Нестор покинул поле брани. Придя в его хижину, он обнаружил, что Гекамеда готовила для них смесь:

Прежде сидящим поставила стол Гекамеда прекрасный;
Ярко блестящий, с подножием черным; на нем
предложила
Медное блюдо со сладостным луком, в прикуску напитка;
С медом новым и ячной мукою священной;
Кубок красивый поставила, из дому взятый Нелидом;
Окрест гвоздями златыми покрытый; на нем рукояток
Было четыре высоких, и две голубицы на каждой
Будто клевали, златые; и был он внутри двоедонный.
Тяжкий сей кубок иной не легко приподнял бы с
трапезы,
Полный вином; но легко подымал его старец пилосский.
В нем Гекамеда, богиням подобная, им растворила
Смесь на вине прамнейском, натерла козьего сыра
Теркою медной и ячной присыпала белой мукою.
Так уготова напиток соствленный, пить приказала.

Песнь двенадцатая

В двенадцатой песни описывается осада троянцами греков в их лагере. В конце концов им удалось прорваться через стены и отбросить последних к их кораблям.

Песнь тринадцатая

В тринадцатой песни бог морей Посейдон приходит на помощь грекам и сражение продолжается.

Песнь четырнадцатая

В четырнадцатой песни дела у греков по-прежнему идут так плохо, что Агамемнон принимает решение спустить на воду первую линию кораблей и поставить их на каменные якоря, чтобы в случае необходимости была возможность спастись бегством. За это ему пришлось выслушать горькие упреки со стороны Одиссея. Посейдон опять вдохновляет греков на бой, а Гера смогла усыпить Зевса. Греки отбрасывают троянцев от лагеря, и в этом сражении Гектор получает ранение.

Песнь пятнадцатая

В пятнадцатой песни Зевс пробуждается ото сна и узнает о том, что Гектор ранен. Громовержец в страшном гневе. Он отправляет Ириду в качестве посланницы к Посейдону и требует от владыки морей, чтобы тот перестал помогать грекам и вернулся в свою стихию. Он также отправляет Аполлона ободрить Гектора, и троянцы вновь переносят сражение к кораблям и даже поджигают корабль Протесилая.

Песнь шестнадцатая

В шестнадцатой песни Патрокл уговаривает Ахилла прийти на помощь грекам и, когда тот отказывается, просит у него разрешения лично повести на битву мирмидонян. Он берет доспехи Ахилла и сражается так доблестно, что ему удается оттеснить троянцев обратно к стенам их города. В конце главы Гектор убивает Патрокла. Именно этот эпизод, как мы вскоре убедимся, является поворотным пунктом всей истории.

Песнь семнадцатая

В семнадцатой песни сражение разгорается вокруг тела Патрокла, который одолжил доспехи у Ахилла, доспехи были захвачены Гектором.

Песнь восемнадцатая

В восемнадцатой песни Ахилл узнает о смерти своего друга:

Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,
Голову всю им осыпал и лик осквернил свой
прекрасный:
Риза его благовонная вся почернела под пеплом.

Его мать Фетида является для того, чтобы успокоить сына, утром она обещает принести ему новые доспехи. Тем временем, даже не имея доспехов, он вдохновляет греков на битву и помогает им доставить в лагерь тело Патрокла. Тело приготовлено к омовению:

...повелел Ахиллес благородный
Медный великий треножник поставить на огонь и скорее
Тело Патрокла омыть от запекшейся крови и праха.
Мужи сосуд омовений, поставив на светлое пламя,
Налили полный водою и дров на огонь подложили;
Дно у тренога огонь обхватил, согривалася влага.
И когда закипевшая в звонкой меди зашумела, -
Тело омыли водой, умастили светлым елеем.
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;
После, на одр положив, полотном его тонким покрыли
С ног до главы и сверху одели покровом блестящим.
Целую ночь потом вокруг Пелида царя мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патрокле крушились, стенья и рыдая.

Фетида направляется к Гефесту, хромому богу, и просит его изготовить для Ахилла новые доспехи. На что Гефест охотно откликнулся:

...и к мехам приступил он.

Все на огонь обратил их и действовать дал повеленье.

Разом в отверстия горнильные двадцать мехов задышали,

Разным из дул их дыша раздувающим пламень дыханьем,

Или порывным, служа поспешавшему, или спокойным,

Смотря на волю творца и на нужду творимого дела.

Сам он в огонь распыхавшийся медь некрушимую

ввергнул,

Олово бросил, серебро, драгоценное злато...

Точно таким же образом бронза выплавлялась в бронзовом веке и на территории Англии. Гефест в первую очередь изготовил:

...щит и огромный и крепкий,

Весь украшая изящно; кругом его вывел он обод

Белый, блестящий, тройной; и приделал ремень

серебристый.

Щит из пяти составил листов и на круге обширном

Множество дивного бог по замыслам творческим сделал.

Рис. 15. Бросание жребия перед Афиной

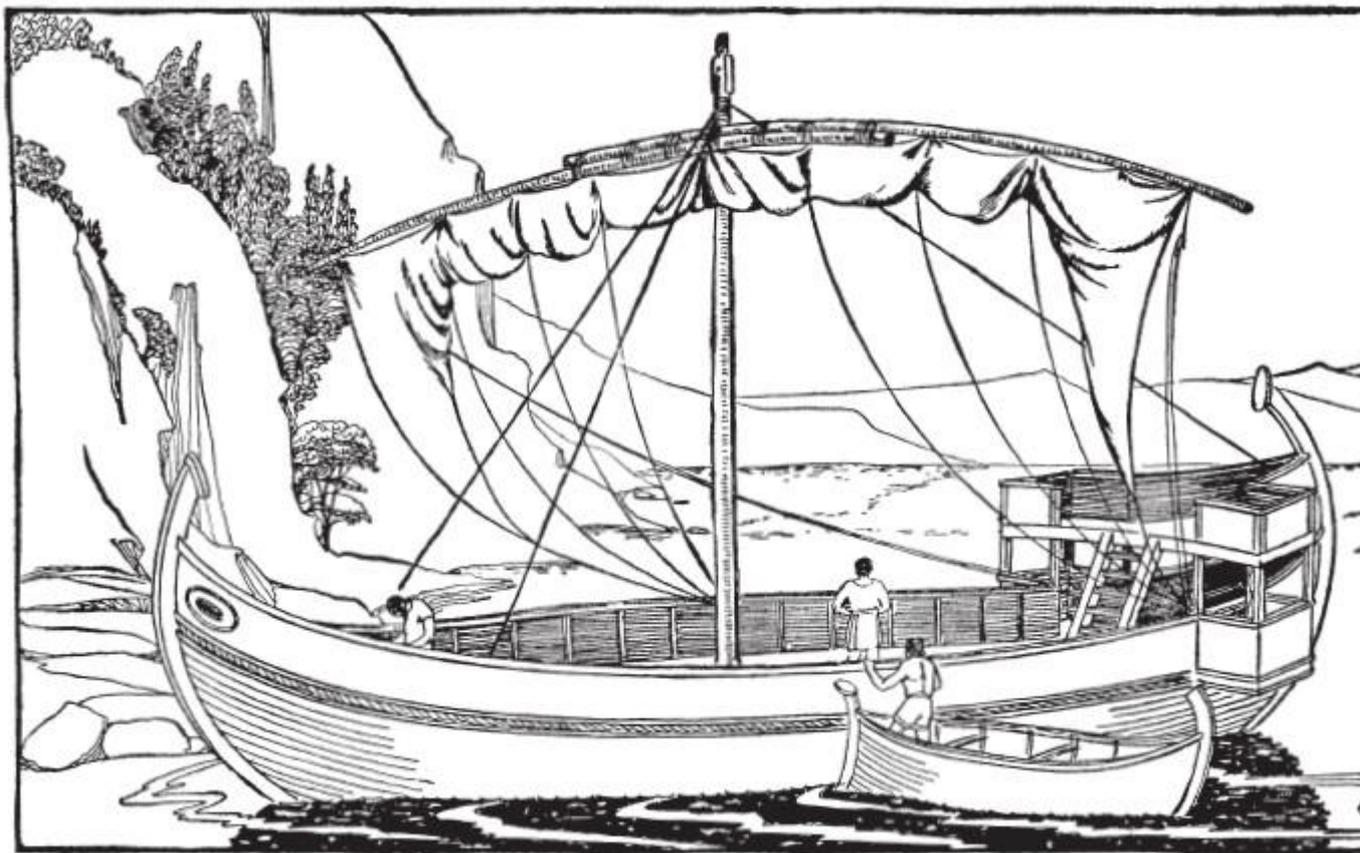

Рис. 16. Торговый корабль (реконструкция выполнена по изображению на чернофигурной вазе из Британского музея)

Он был украшен изображениями земли, небес, солнца, луны и звезд, а также прекрасных городов, воздвигнутых простыми смертными, и живописными картинками сельской жизни. Очевидно, Гомер перечисляет те сцены, которые ему были хорошо знакомы. Вы читаете о земледельцах, жнущих острыми серпами и связывающих снопы скрученной в жгуты соломой, в то время как другие под дубом готовят трапезу. Затем мы узнаем о сборе винограда и о мальчике, наигрывающем приятную мелодию во время сбора винограда. Затем мы видим место для хоровода и большую группу юношей и девушек, весело пляшущих в кругу. Гефест был прав, когда обещал Фетиде, что, хотя он и не может отвратить от Ахилла верную смерть, его доспехи будут восхищать всех людей.

Песнь девятнадцатая

Девятнадцатая песнь начинается со сцены примирения между Агамемноном и Ахиллом. Всего один день прошел с тех пор, как Одиссей впервые появился в жилище Ахилла с предложением заключить мир. И вот теперь герой принял обещанные дары, к нему также вернулась и Брисеида. Ахилл облачается в свои доспехи - поножи с серебряными застежками и панцирь на груди. Серебряно-гвоздый бронзовый меч висел у него на плече, а громадный щит предохранял от ударов. Высокий шлем, украшенный сверху конским гребнем, покрывал его голову, а в руке он нес копье своего отца. Вооруженный таким образом, Ахилл вступает в битву и громит беспощадно троянцев. Вот об этом и идет речь в двадцатой песни.

Песнь двадцатая

Зевс созывает богов на совет. Он решает остаться на вершине Олимпа, где он может потешить свое сердце, наблюдая сверху за битвой, но другим богам дает разрешение помогать тем, кому они сами пожелают.

Так он вещал - и возжег неизбежную брань меж богами.
К брани, душой несогласные, боги с небес понеслись.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посейдон многомогущий, объемлющий землю, и
Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда.

Таким образом, перед нами разворачивается захватывающее зрелище, в котором сражаются между собой не только люди, но и боги.

Песнь двадцать первая

В двадцать первой песни Ахилл захватывает в плен двенадцать троянских юношей и, связав их клятвами, отправляет в греческий лагерь. В этой песни Ахилл воюет с рекой Ксанфом. Мы должны помнить, что для греков каждая река могла персонифицироваться в божество, которое нужно было умиловать жертвами:

Вас не спасет ни могучий поток, серебристопучинный Ксанф.
Посвящайте ему, как и прежде, волов неисчетных;
В волны бросайте живых, как и прежде, коней
звуконогих...

Эта река в «Илиаде» предстает как некое живое существо, которое способно обратиться к Аполлону с просьбой о защите от Ахилла:

Словно когда водовод от ключа, изобильного влагой,
В сад, на кусты и растения, ров водотечный проводит,
Заступ острый держа и копь от препон очищая;
Рвом устремляется влага; под нею все мелкие камни
С шумом катятся; источник бежит и журчит, убыстренный
Местом покатым; он и вождя далеко упреждает, -
Так непрестанно преследовал вал черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могучее смертных.

Река приближалась все ближе с явным намерением поглотить Ахилла, но тут Гефест пришел ему на помощь, осушив с помощью сильного огня равнину и остановив воду. После этого греки с помощью Ахилла вынудили троянцев укрыться за городскими стенами Трои.

Песнь двадцать вторая

В двадцать второй песни Гектор показывается за пределами городских стен, ожидая внезапного нападения Ахилла. Он укорял сам себя за то, что не внял совету Полидама, который предупреждал его, что троянцы должны укрыться за стенами, едва услышав, что Ахилл вновь принимает участие в битве. Гектор спасается бегством от Ахилла:

Так троекратно они пред велию Троей кружились,
Быстро носящиеся. Все божества на героев смотрели.

И каждый раз Ахилл опережал его на равнине, преграждая дорогу к городским стенам, откуда ему могли оказать помощь лучники, укрывшиеся за зубцами.

Но лишь в четвертый раз до Скамандра ключей
прибежали,
Зевс распростер, промыслитель, весы золотые; на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой - Приамова сына.
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.

Афина с помощью довольно низкого трюка принудила Гектора принять бой, и в результате он был убит Ахиллом.

...на Гектора он (Ахилл) недостойное дело замыслил:
Сам на обеих ногах проколол ему жилы сухие
Сзади от пят и до глезни, продевши ремни, к
колеснице
Тело его привязал, а главу волочиться оставил;
Стал в колесницу и, пышный доспех напоказ подымая,
Коней бичом поразил; полетели послушные кони.
Прах от влекомого вьется столпом; по земле,
растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Приаида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а ныне врагам Олимпиец
Дал опозорить ее на родимой земле илионской!

Мы не будем подробно описывать причитания Андромахи, когда

Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши
народный,
Стала, со стен оглянулась кругом и его увидала

Тело, влачимое в прахе; безжалостно бурные кони
Полею его волокли к кораблям быстролетным ахеян.
Темная ночь Андромахины ясные очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалось, дух испустила.

Песнь двадцать третья

В двадцать третьей песни описываются поминки Патрокла.
Быки, овцы, козлы и свиньи были принесены в жертву. Ночью дух Патрокла явился его другу:

«Спишь, Ахиллес! неужели меня ты забвению предал!
Не был ко мне равнодушен к живому ты, к мертвому ль
будешь?
О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!
Души, тени умерших, меня от ворот его гонят
И к теням приобщиться к себе за реку не пускают;
Тщетно скитаюсь я пред широковоротным Аидом.
Дай мне, печальному, руку: вовеки уже пред живущих
Я не приду из Аида, тобою огню приобщенный!»

На следующее утро

...Царь Агамемнон с зарею
Месков яремых и ратников многих к свезению леса
Выслал из стана ахейского...

Дрова были принесены к берегу и сложены в большие кучи. Затем мирмидоняне выступили в полном вооружении, вначале двинулись воины на колесницах, за ними последовали пешие воины. В середине шествия находилось тело Патрокла, которое несли его товарищи. Они срезали свои волосы и положили их на тело. Был сложен большой погребальный костер. Затем овцы и быки были принесены в жертву.

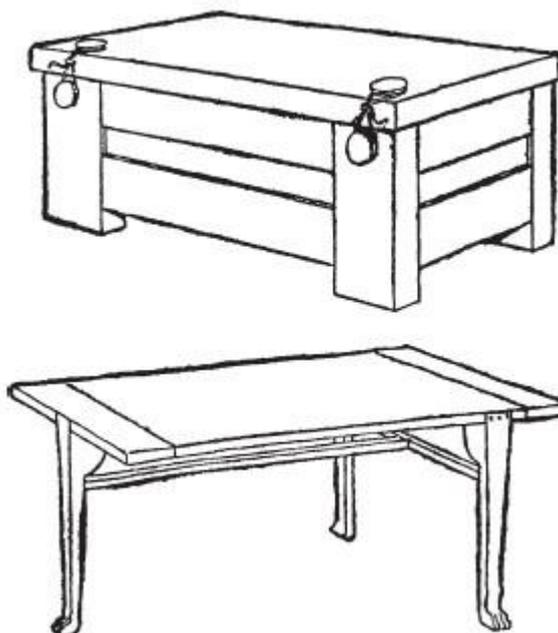

Рис. 17. Сундук и стол

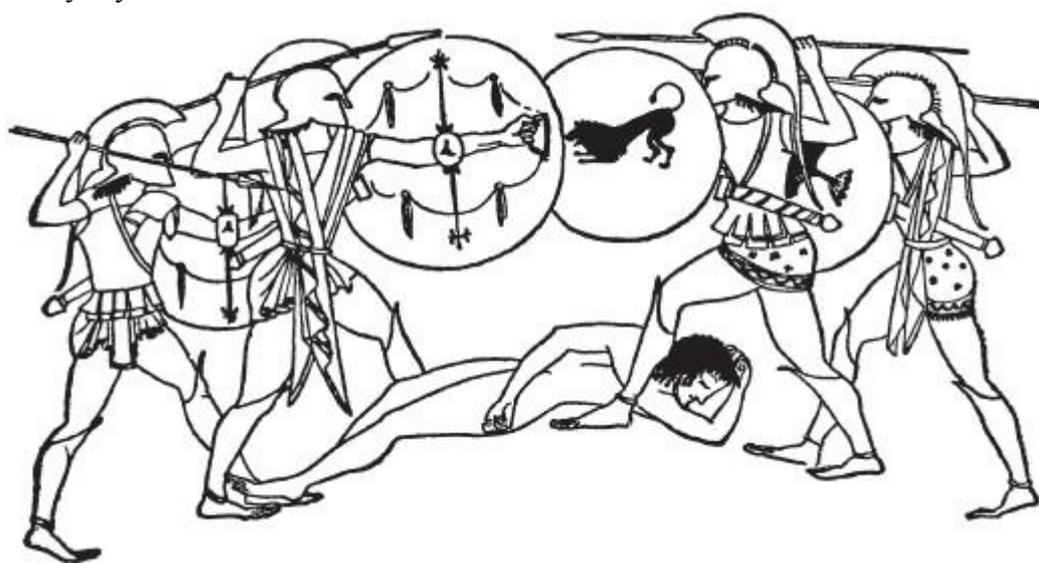

Рис. 18. Битва над телом Патрокла

Тело Патрокла с головы до ног было обложено нутряным жиром жертвенных животных. Затем его возложили на погребальный костер. Вокруг него были уложены освеженные тела животных. Туда же были помещены двуручные сосуды с медом и оливковым маслом, а также четыре могучие лошади и два домашних пса. Затем двенадцать несчастных троянских юношей, которых Ахилл захватил в плен, были убиты, и их тела также бросили в костер для придания ему еще большего величия. Погребальный костер по-лыхал всю ночь, а утром Ахилл призвал вождей греков и молвил:

«Время костер угасить; вином оросите багряным
Все пространство, где пламень пылал, и на пепле
костерном
Сына Менетия мы соберем драгоценные кости,
Тщательно их отделив от других; распознать же удобно:

Друг наш лежал на середине костра; но далеко другие
С краю горели, набросаны кучей, и люди и кони.
Кости в фиале златом, двойным покрывши их туком,
В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и
высокий
Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы»

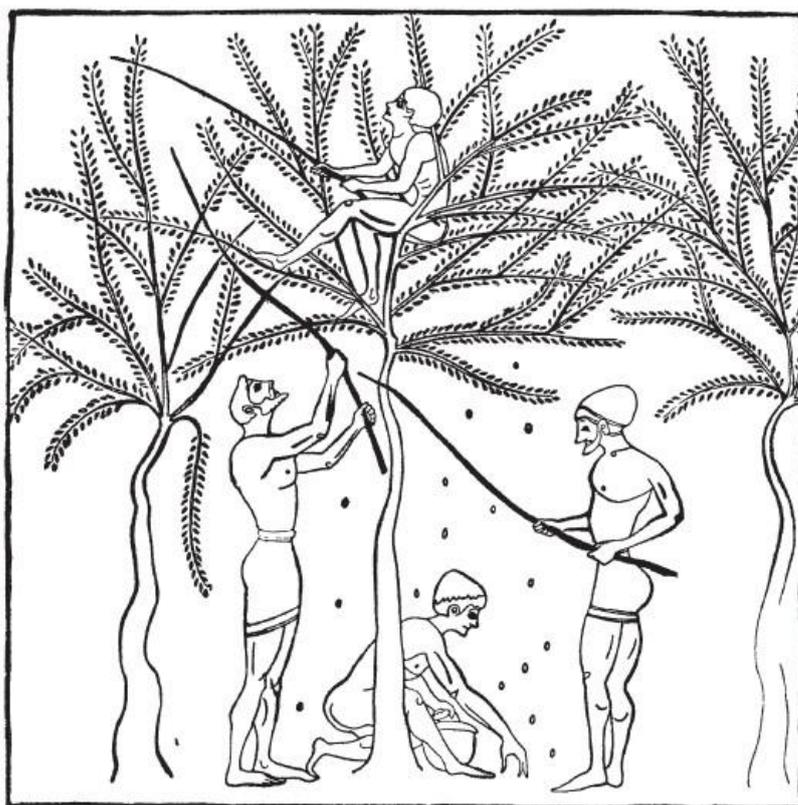

Рис. 19. Сбор оливок

В гроб положите, доколе я сам не сойду к Аидесу.
Гроба над другом моим не хочу я великого видеть,
Так, лишь пристойный курган; но широкий над ним и
высокий
Вы сотворите, ахеяне, вы, которые в Трое
После меня при судах мореходных останетесь живы».

Сцены, подобные этой, могли неоднократно повторяться и курганы возводились также и в Англии на протяжении всего бронзового века¹⁴.

Затем следует описание игр, которые устраивались в честь погребенного:

...Ахиллес же

Там народ удержал и, в обширном кругу посадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда, треноги;
Месков представил, и быстрых коней, и волов

крепкотельх,
И краснопоясанных жен, и седое железо.
Первые быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,
Медный, ушатый с боков, двадцатидвухмерный треножник
Первому дар; кобылица второму шестигодовая,
Неукрошенная, гордая, в недрах носящая меска;
Третьему мздою- не бывший в огне умывальник
прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвертому золота два предложил он таланта;
Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.

Победитель в кулачном бою получил в награду сильного мула, а проигравший - двуручный кубок. Для победителя в соревнованиях по борьбе главным призом был большой треножник, который можно было устанавливать на огонь, но достаточно неожиданно для проигравшего:

Мздой побежденному он (Ахилл) рукодельницу юную
вывел,
Пленную деву, - в четыре вола и ее оценили.

Участниками соревнований были Аякс, сын Телемона, а также Одиссей. Поскольку ни один из них не смог одержать верх, им было сказано, что они могут получить равноценные призы, и мы не знаем, кто из них получил оцененную в четыре вола девушку.

Для победителя в беге призом служили серебряная чаша для смешивания вина из Сидона, бык, крупный и очень упитанный, а также половина таланта золота.

Песнь двадцать четвертая

В последней песни Приам приходит к Ахиллу и выкупает тело Гектора. Ахилл обещает приостановить войну на двенадцать дней, в течение которых будут проходить погребальные церемонии в честь Гектора.

Приам с помощью Гермеса приносит тело своего сына обратно в Трою, и народ выражает свое горе.

Затем тело Гектора было предано огню, точно так же, как и тело Патрокла:

...лишь, свет разливая, денница возникла,
Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.
Рано, едва розоперстая вестница утра явилась,
К срубам великого Гектора начал народ собираться.
И, лишь собрались все (неисчетное множество было),
Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
Все, где огонь разливался пылающий; после на пепле
Белые кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильные слезы струя по ланитам.
Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром

свежим.

Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали; а около стражи сидели,
Смотря, дабы не ударила рать меднолатных данаев.
Скоро насыпав могилу, они разошлись; напоследок
Все собрались вновь и блистательный пир пировали
В доме великом Приама, любезного Зевсу владыки.

Так погребали они конеборного Гектора тело.

Этом эпизодом, собственно говоря, и заканчивается «Илиада», а Троянская война, как и все прочие войны, имела весьма печальный конец.

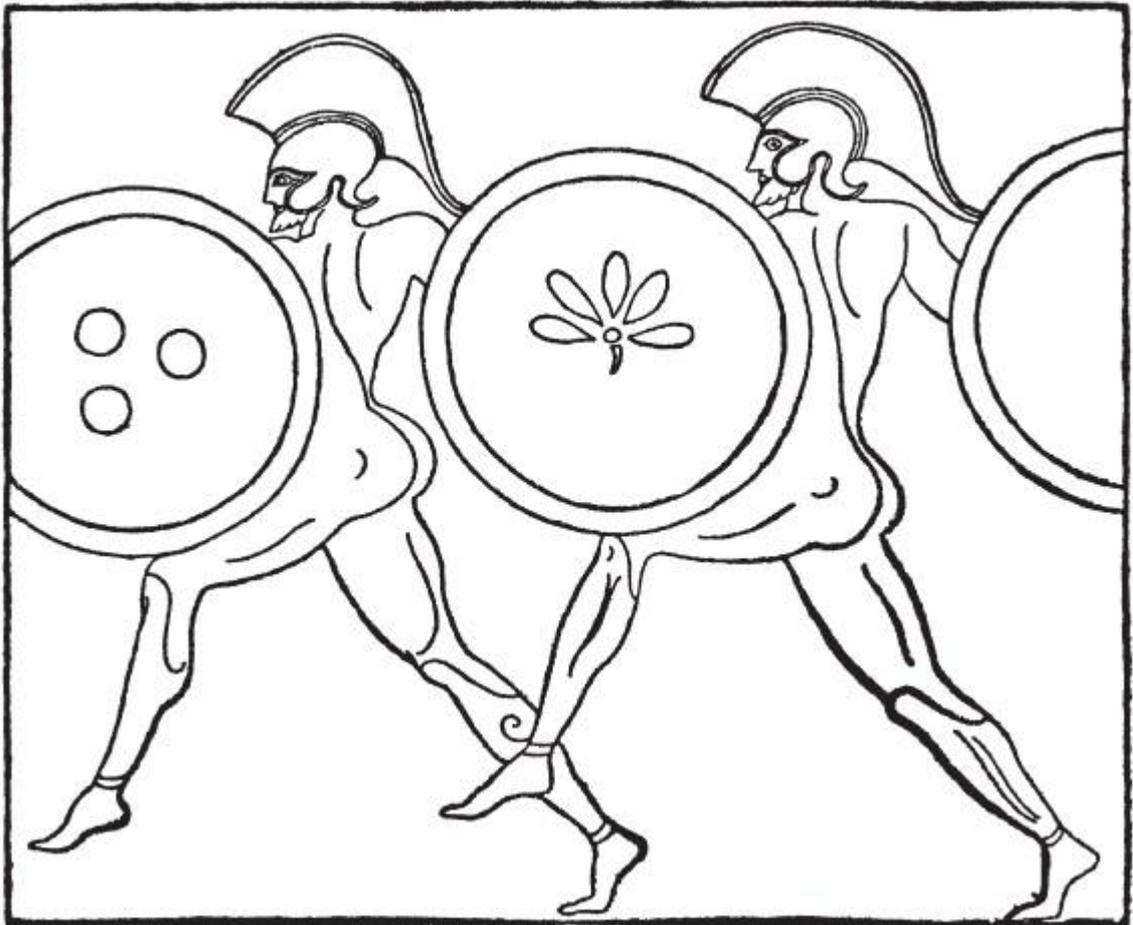

Рис. 20. Бегущие воины

Мы будем не правы, если станем утверждать, что Гомер воспевает войну. Боги бросали жребий, и люди вынуждены были сражаться и, сражаясь, вели себя как герои. Представьте себе, что Троянская война означала для греков. В течение долгих томительных лет они были оторваны от дома, не говоря уже о том, как мало их вернулось обратно. Агамемнон, их предводитель, был одним из тех, кто смог вернуться, но он взял с собой в качестве наложницы девственную жрицу Кассандру и в наказание за это отправился навстречу гибели от руки Эгисфа, любовника его жены Клитемнестры. Одиссей, возможно за его подстрекательство к убийству младенца Астианакса, был осужден странствовать еще в течение десяти лет, перед тем как он вновь смог увидеть свою жену Пенелопу, мать его умерла от

горя, так и не дождавшись сына. Если вспомнить об участии троянцев, то все мужчины были перебиты, а женщины отданы грекам в качестве рабынь.

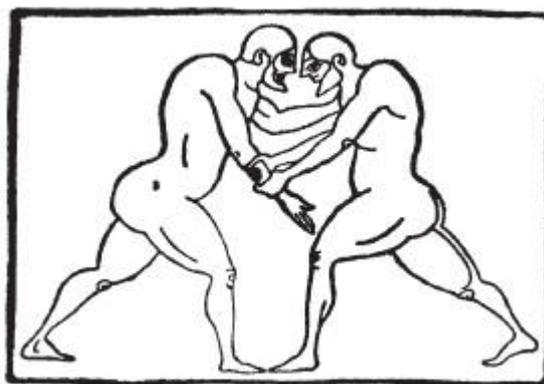

Рис. 21. Борьба

Трагедия Еврипида «Троянские женщины» представляет собой ужасающее описание последствий войны. Андромаха, жена Гектора, была отдана Пиррху, сыну Ахилла, а Гекуба, мать Гектора, пыталась помочь ей. Она говорила, что Андромаха красивая и добрая и если она будет ублажать Пиррха, то он в свою очередь, должен быть также добр к ее сыну Астианаксу. Однако грекам была чужда даже сама мысль позволить Астианаксу вырасти, поскольку затем он мог отомстить за своего отца Гектора. Был послан гонец, чтобы забрать его у матери, а затем сбросить вниз с городских стен. Последующая сцена описана профессором Гилбертом Мюрреем как, «возможно, самая трагическая во всей мировой литературе».

«Быстро! Хватай его; тащи его; сбрось его со стены,
Выпала ему такая доля! Оплакивайте его, ничтожные,
быстрее!
Бог оставил меня, я не могу поднять
Хотя бы одну руку, одну руку, чтобы спасти моего
ребенка от смерти...
О, куда мне скрыться от позора: лучше мне быть
прикованной
К скамье на галере».

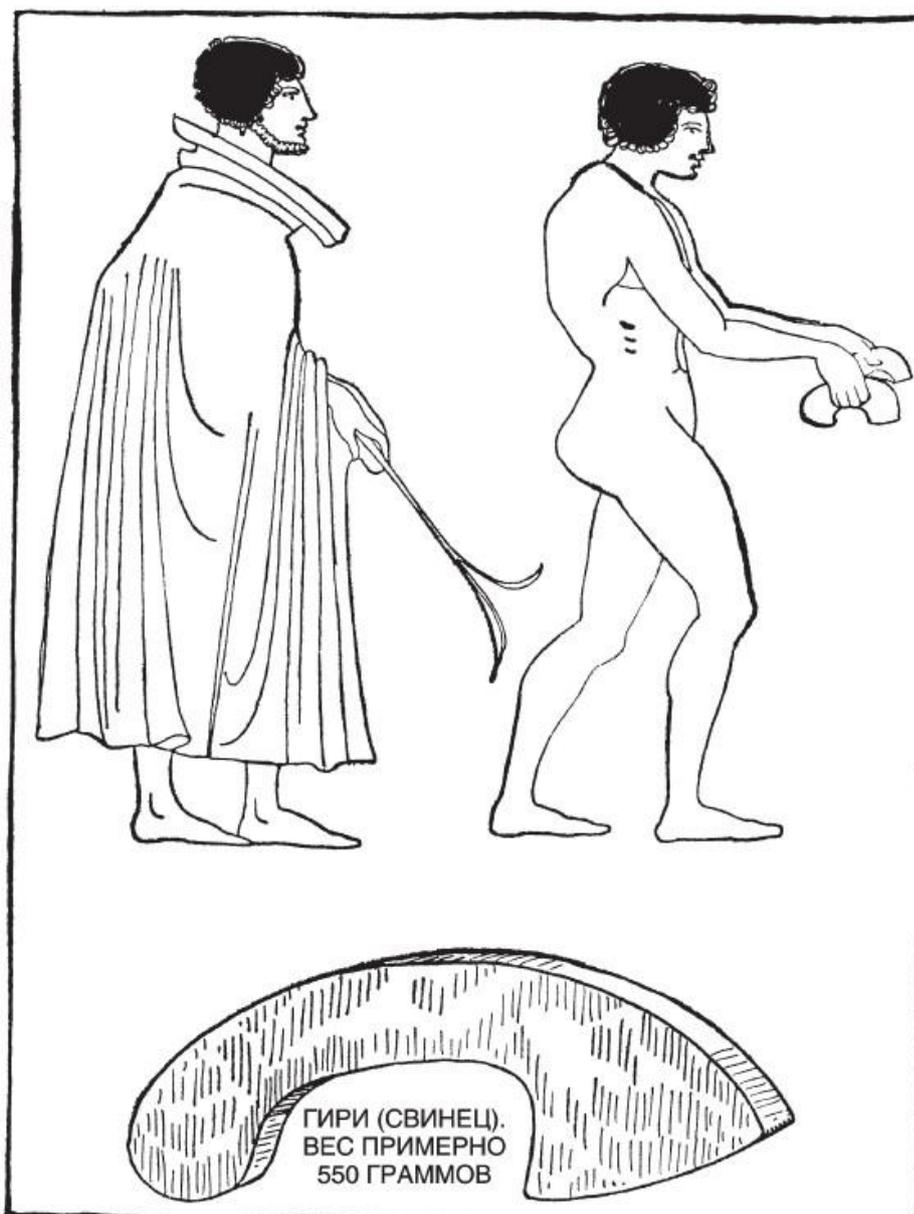

Рис. 22. Прыгун, держащий в руках гири для прыжков

Андромаха была уведена прочь, а мальчика отнесли к его бабке Гекубе, которая положила мертвое тело в щит Гектора и оплакала.

Еврипид, возможно, находился под впечатлением драматических событий того времени. У него перед глазами был пример позорной резни, когда афиняне перебили всех мужчин и продали в рабство всех женщин с острова Мелос. Это произошло в 416 году до нашей эры, а в следующем году на Сицилию отправилось громадное войско, потерпевшее вскоре сокрушительное поражение. В Афинах тогда правила военная партия, мечтавшая создать империю. Трагедия «Троянские женщины» была поставлена как раз перед тем, как военная экспедиция отправилась в путь, и должна была прозвучать как своего рода предостережение.

Глава 3

«Одиссея»

Песнь первая

Если мы хотим узнать о тех событиях, которые произошли после завершения осады Трои, то должны обратиться к «Одиссее» Гомера, в которой описываются путешествия Одиссея. Интересно отметить, что если в «Илиаде» автор в самом начале обращает наше внимание на ссору между Ахиллом и Агамемноном, то в «Одиссее» первая песнь начинается своего рода перечнем товаров, которые имеются для нас в торговой лавке. Так, мы узнаем, что Одиссей находился в плену у нимфы Калипсо в ее мрачных пещерах; что все боги сочувствовали ему, за исключением Посейдона, гневавшегося на Одиссея за то, что тот ослепил его сына Полифема, который был одним из циклопов и к тому же еще и людоедом. Вся история как раз и закручена на вражде между Одиссеем и Посейдоном.

Богиня Афина просила за Одиссея своего отца Зевса, и в результате к Калипсо был отправлен Гермес, который объяснил ей, что Одиссей должен быть освобожден, чтобы продолжать свой путь домой. Афина лично отправилась на Итаку, родину Одиссея, и «под видом странника» явилась Телемаку, сыну Одиссея. От него богиня узнала, что богатства Одиссея попросту растраниваются многочисленными молодыми людьми знатного происхождения, которые, думая, что Одиссей мертв, сватаются к его жене Пенелопе. Эти женихи представляют собой настоящий сброд.

Афина посоветовала Телемаку снарядить корабль и отправиться к Нестору и Менелаю, которые были вместе с Одиссеем во время осады Трои, чтобы узнать, есть ли у них хоть какие-нибудь известия о его отце. Богиня вселила мужество в сердце Телемака и приказала женихам, чтобы они покинули его дом.

Песнь вторая

Во второй песни Телемак созывает совет вождей ахейцев (первый после исчезновения Одиссея) и, держа в руке врученный ему жезл, рассказывает им о бесчинствах женихов. Но Антиной, который был одним из них, отвечал, что причиной всему была Пенелопа, которая обнадежила всех и теперь, поскольку Одиссея нет в живых, согласна выйти замуж за одного из них, но только после того, как свяжет саван для Лаërта, его отца:

...недоброе в сердце для нас замышляя.

Знайте, какую она вероломно придумала хитрость:

Стан превеликий в покоях поставя своих, начала там

Тонко-широкую ткань...

Рис. 23. Гермес и сатир

Но затем по ночам Пенелопа распускала все, что она успела сделать за день:

Три года длился обман, и она убеждать нас умела...

Женихи сообщили совету, что, пока Пенелопа не придет к окончательному решению, они останутся в доме Телемака и далее будут расходовать припасы во время своих буйных застолий.

Рис. 24. Гибель Эгисфа

Телемак сделал приготовления, необходимые для путешествия в Спарту и «песчаный» Пилос. Он направился в кладовую:

...злата и меди там кучи лежали;
Много там платья в ларях и душистого масла хранилось;
Куфы из глины с вином многолетним и сладким стояли
Рядом у стен, заключая божественно-чистый напиток...

Телемак сказал ключнице:

...амфоры наполни вином благовонным, вкуснейшим
После того дорогого, которое здесь бережешь ты,
Помня о нем, о несчастном, и все уповая, что в дом свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Парк избежавши.
Им ты двенадцать наполни амфор и амфоры закупорь;
Так же и кожаных, плотных мехов приготовь, оржаною
Полных мукой; и чтоб в каждом из них заключалось
двадцать
Мер...

Телемак и команда корабля поднялись на борт, а Афина послала им попутный ветер:

Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемак им скорее
Снасти устроить; ему повинуюсь, сосновую мачту

Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,
В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные волны
Звучно под килем потекшего в них корабля зашумели.

Песнь третья

В третьей песни Афина предстает в наряде Ментора, а Телемак прибывает в Пилос и видит Нестора и его народ на морском берегу, совершающих жертвоприношение в честь Посейдона. Телемак справляется у Нестора относительно своего отца Одиссея, но Нестор мог только рассказать ему о возвращении ахейцев домой после падения Трои. Перессорившись между собой из-за добычи, каждый из них отправился домой своим путем. Он поведал юноше историю, которая впоследствии получила широкую популярность в древнегреческой литературе. Суть ее сводилась к тому, что Агамемнон вернулся домой и обнаружил, что у его жены есть любовник по имени Эгисф, который и убил его, а затем правил в Микенах в течение семи лет, пока и сам, в свою очередь, не был убит Орестом, сыном Агамемнона.

История Нестора показывает, как сильно греческие мореплаватели зависели от милости моря. Имея единственный квадратный парус, они могли плыть только по ветру и, подобно Отеру, другу короля Альфреда¹, вынуждены были ждать попутного ветра. Если ветер становился неблагоприятным, они садились на весла, а когда их силы иссякали, корабль носило по воле волн. Вот что случилось с ахейцами, возвращавшимися домой из Трои.

Песнь четвертая

В четвертой песни Телемак и Писистрат прибывают на колеснице в Спарту, прямо к дому Менелая. Вот как их там приняли:

Иго с ретивых коней, опененное потом, сложили;
К яслям в царевой конюшне голодных коней привезли;
В ясли же полбы насыпали, смешанной с ярким ячменем;
К светлой наружной стене прислонили потом колесницу.
Странники были в высокий дворец введены...

Потом они осмотрели дворец: «Начали в гладких купальнях они омываться...», а затем:

Рядом они с Менелаем властителем сели на стульях.
Тут поднесла на лохани серебряной руки умыть им
Полный студеной воды золотой рукомойник рабыня;
Гладкий потом пододвинула стол; на него положила
Хлеб домовитая ключница с разным съестным, из запаса
Выданным ею охотно; на блюдах, подняв их высоко,
Мяса различного кравчий принес и, его предложив им,
Кубки златые на браном столе перед ними поставил.

Менелай, в знак уважения, дал им попробовать со своего блюда поджаренного бычьего мяса. Все это время Менелай развлекал своих гостей, и, надо сказать, он был очень поражен сходством Телемака с его другом Одиссеем.

Затем пришла Елена, ради которой ахейцы сражались под Троей, и также обратила внимание на их сходство.

Она рассказала Телемаку о его отце, о том, как во время осады Трои он прикинулся нищим и отправился в город на разведку. Менелай добавил от себя:

Многих людей благородных, и много земель посетил я,
Но никогда и нигде мне досель человек, Одиссею,
Твердому в бедствиях мужу, подобный, еще не встречался.
Вот что, могучий, он там наконец предпринял и
исполнил,
В чреве глубоком коня (где ахейцы избранные были
Скрыты) погибельный ков и убийство врагам приготовив.

И вот тогда пришла Елена:

Трижды громаду ты с ним обошла и, отвсяду ощупав
Ребра ее, начала вызывать поименно аргивян,
Голосу наших возлюбленных жен подражая искусно.
Мне ж с Диомедом и с бодрым царем Одиссеем,
сокрытым
В темной утробе громады, знакомые слышались звуки.
Вдруг пробудилось желанье во мне и в Тидеевом сыне
Выйти наружу иль громко тебе изнутри отозваться;
Но Одиссей опрометчивых нас удержал; остальные ж,
В чреве коня притаясь, глубоко молчали ахейцы.
Только один Антиклес на призыв твой подать
порывался
Голос; но царь Одиссей, многосильной рукой зажавши
Рот безрассудному, тем от погибели всех нас избавил;
С ним он боролся, пока не ушла ты по воле Афины.

Затем Телемак попросил у них разрешения отправиться спать:

...и Елена велела немедля рабыням
В сенях кровати поставить, постлать тюфяки на кровати,
Пышнопурпурные сверху ковры положить, на ковры же
Мягким покровом для тела косматые мантии бросить.
Факелы взявши, пошли из столовой рабыни; когда же
Все приготовлено было гостям, проводил их глашатай;
В сенях легли на постелях и скоро покойно заснули
Сын Одиссеев и спутник его Писистрат благородный.
Скоро во внутренней спальне заснул и Атрид
златовласый,
Подле царицы Елены, покрытой одеждою длинной.

Утром Менелай рассказал Телемаку о том, как во время своих восьмилетних странствий он слышал от морского божка Протея, что Одиссея держит в плену Калипсо. Больше об этой истории он не мог добавить ничего. Тем временем женихи

...в Одиссеевом доме бросаньем

Дисков и дротиков острых себя забавляли, собравшись

Все на мощеном дворе, где бывали их буйные игры.

Они также строили планы относительно убийства Телемака во время его возвращения из Пилоса и для этой цели снарядили корабль, который должен был поджидать его в проливе возле южной оконечности Пелопоннеса. Подробное описание обратного путешествия Телемака имеется в пятнадцатой книге.

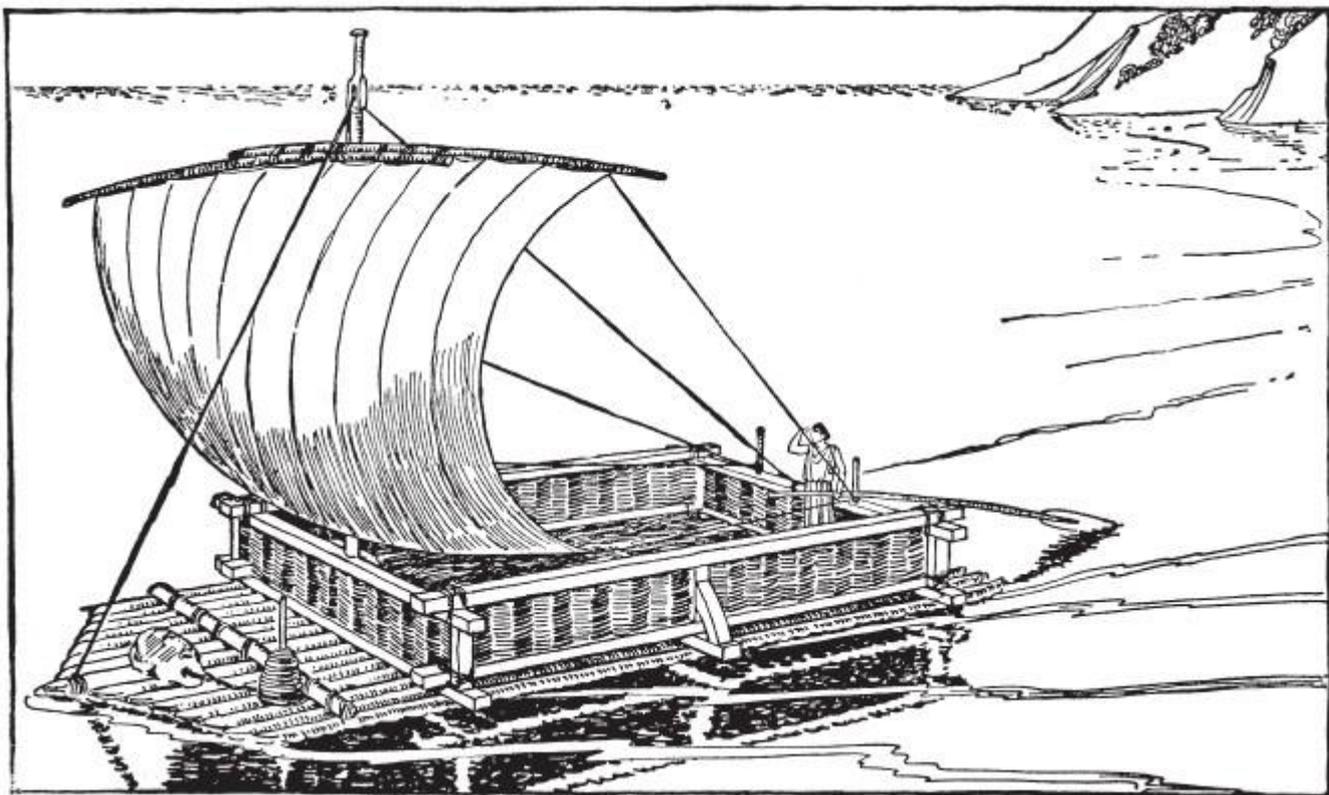

Рис. 25. Плот Одиссея (реконструкция)

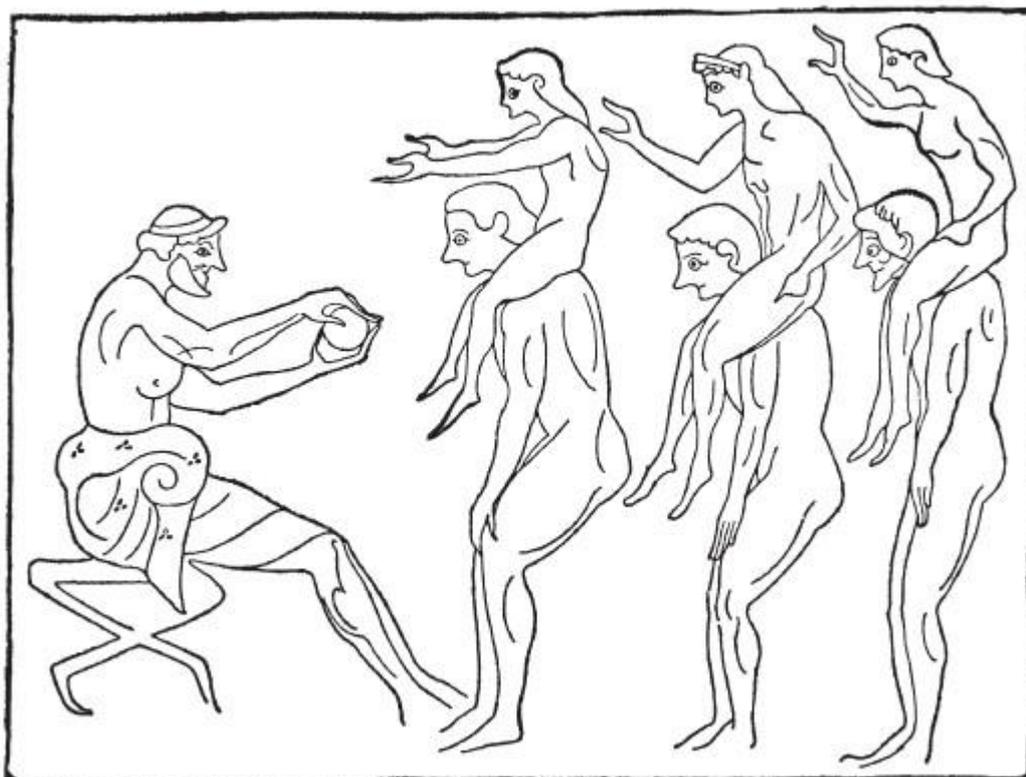

Рис. 26. Игра с мячом

Рис. 27. Танцовщица

Песнь пятая

В пятой песни Афина отправляется к богам, которые собрались на совет, и просит Зевса, чтобы Калипсо освободила Одиссея. Гермес отправляется к ней с посланием, в котором говорится, что она должна это сделать. Калипсо обязана подчиниться воле Зевса, но

при этом оплакивает горькую участь богини, которая имела несчастье влюбиться в простого смертного:

«Боги ревнивые, сколь вы безжалостно к нам
непреклонны! Вас раздражает, когда мы, богини, приемлем на ложе
Смертного мужа и нам он становится милым супругом».

Она сказала, что спасла Одиссея во время кораблекрушения, когда «обхватив корабельную доску, в волнах он гибнул».

Здесь мы впервые непосредственно встречаемся с самим Одиссеем на страницах «Одиссеи». Первые четыре песни призваны были возбудить наше любопытство, и они являются своего рода продолжением «Илиады».

Калипсо находит Одиссея сидящим на берегу моря и проклинаящим свою судьбу. Как без корабля и команды он может вновь добраться до Итаки? Вот что Калипсо сказала ему:

«Слезы отри, злополучный, и боле не трать в сокрушенье
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклонно хочу я.
Бревен больших нарубив топором медноострым и в
крепкий
Плот их связав, по краям утверди ты перила на толстых
Брусьях, чтоб по морю темному плыть безопаснее было.
Хлебом, водой и вином пурпуровым снабжу изобильно...»

И на самом деле Калипсо помогла ему:

Выбрала прежде топор по руке ему сделанный, крепкий,
Медный, с обеих сторон изошренный, насаженный
плотно,
С ловкой, красиво ему из твердой оливы сработанной
ручкой;
Острую скобель потом принесла и пошла с Одиссеем
Вместе во внутренность острова: множество там
находилось
Тополей черных, и ольх, и высоких, дооблачных сосен,
Старых, иссохших на солнечном зное, для плаванья
легких.
Место ему показав, где была та великая роща,
В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь,
возвратилась.
Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
Двадцать он бревен срубил, и очистил, их острою медью
Выскоблил гладко, потом уравнил, по шнуру обтесавши.
Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
Муж, в корабельном художестве опытный, строит на
прочном
Судне, носящем товары купцов по морям

беспредельным.

Плотными брусьями крепкие ребра связав, напоследок
В гладкую палубу сбил он дубовые толстые доски,
Мачту поставил, на ней утвердил поперечную райну,
Сделал кормило, дабы управлять поворотами судна,
Плот окружил для защиты от моря плетнем из раkitных
Сучьев, на дно же различного грузу для тяжести бросил.

Затем Калипсо принесла ему материю для паруса. Их, как и все остальное, он смастерил сам. Подпорки, фалы и шкоты Одиссей быстро сделал на своем плоту, а затем с помощью рычага спустил его в священное соленое море.

Одиссею понадобилось всего четыре дня на то, чтобы построить плот, а уже на пятый день он отправился в путь и Калипсо послала ему легкий попутный ветерок. Он плыл в течение семнадцати дней и на восемнадцатый день увидел землю феаков (остров Корфу), и все было бы хорошо, если бы Посейдон не заметил его издали. Морской бог знал, что Зевс помог Одиссею, но, невзирая на это, решил собрать облака, вздыбить воды и наслать ветры. В результате Одиссей едва не расстался с жизнью и был выброшен волнами на берег, скорее мертвым, чем живым.

Песнь шестая

Шестая песнь открывается красочным описанием того, что придумала Афина. Она сделала так, что Навзикая, дочь Алкиноя, правителя феаков, убедила свою семью в том, что ей необходимо отправиться искупаться в маленькой речке, возле которой спал Одиссей. Она просит своего отца дать колесницу, и он отвечает ей:

«Дочка, ни в мулах тебе и ни в чем нет отказа. Поди же;
Дам повеленье рабам заложить колесницу большую,
Быстроколесную; будет при ней для поклажи и короб».

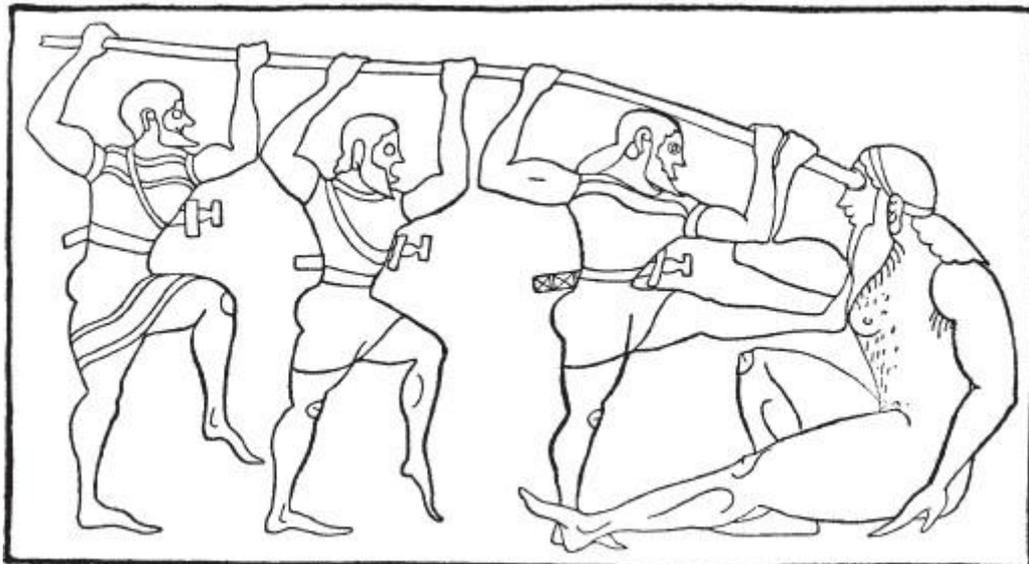

Рис. 28. Ослепление Полифема

И, сказав так, позвал своих людей. За пределами дворца они приготовили быструю колесницу, подвели мулов под ярмо и запрягли их, в то время как из комнаты царевны девушка выносила яркие одеяния и складывала их в украшенную повозку. В корзинку мать положила для дочери всевозможную еду, какую только может пожелать сердце, а также различные лакомства и, помимо этого, наполнила мех из козьей шкуры вином. Затем Навзикая поднялась на колесницу и мать подала ей золотой фиал с благовонным оливковым маслом для того, чтобы, искупавшись, она и ее служанки могли умастить себя. Навзикая взяла бич, а также блестящие поводья и, подхлестнув мулов, отправилась в путь. Затем, под цоканье копыт, двинулись они вперед, смотря перед собой, с грузом одежды на колеснице и служанками, следующими позади.

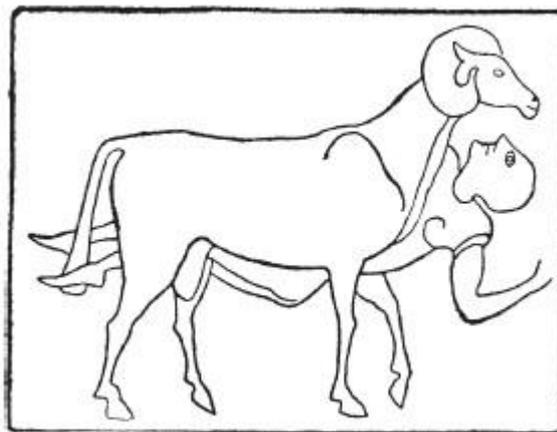

Рис. 29. Одиссей, спрятавшийся под бараном

Когда они добрались до реки, то сняли одежду, выстирали ее в водоемах, а потом растелили для просушки. Затем они искупались, умастили себя оливковым маслом и перекусили на берегу реки.

Рис. 30. Цветок асфоделя

После этого девушки затеяли игру с мячом, а Навзикая начала петь. Мяч упал в реку, и все подняли пронзительный крик. Одиссей, естественно, проснулся, и все служанки убежали, осталась только белорукая Навзикая. И именно к ней вынужден был обратиться Одиссей. Она снабдила его мантией и хитоном, очевидно, из числа тех, что сушились после стирки на берегу, а также дала ему нежное оливковое масло в золотом фиале. Одиссей искупался, умастил себя оливковым маслом и облачился в свои красивые одеяния, после чего Афина

Станом возвысила, сделала телом плотней и густыми
Кольцами кудри, как цвет гиацинта, ему закрутила.

С Навзикаей что-то случилось, когда она увидела его преображенным, сердце девушки начало учащенно биться. По-видимому, люди в Древней Греции испытывали те же чувства, что и в наше время. Затем она объяснила Одиссею, как добраться до дворца Алкиноя.

Песнь седьмая

В седьмой песни Одиссей находит дорогу к увенчанному высокой крышей дому Алкиноя:

Медные стены во внутренность шли от порога и были
Сверху увенчаны светлым карнизом лазоревой стали;
Вход затворен был дверями, литыми из чистого злата;
Притолки их из серебра утверждались на медном пороге;
Также и князь их серебряный был, а кольцо золотое.

Вдоль стен располагались лавки, застеленные искусно вытканными покрывами. Пятьдесят рукодельниц ткали и пряли, а также мололи зерно на ручных жерновах. Там был сад, где росли груши, гранаты, яблоки, сладкие смоковницы, оливки, имелись также и виноградники. Кроме того, были еще и грядки со всевозможными культурами и два источника с водой.

Одиссей постоял, огляделся и быстро прошел в дом, где упал на колени перед Аретой, женой Алкиноя, умоляя ее о защите, а также о позволении продолжить свой путь. Правитель поднял его с колен и усадил на кресло, после чего Одиссей поведал ему о всех своих приключениях, случившихся с ним после того, как он покинул на плоту остров Калипсо. После этого Одиссей отправился спать в сени. По всей видимости, эта часть дома предназначалась для гостей.

Песнь восьмая

В восьмой песни феаки собираются на совет, и Алкиной рассказывает им о госте, который объявился среди них. Затем он приказал, чтобы чернобокий корабль спустили на воду, для его команды были отобраны пятьдесят два юноши из знатных семей. Когда все это исполнили, будущие мореплаватели должны были явиться во дворец. Там уже принесли в жертву двенадцать овец, восемь свиней и двух быков. Слуга приводит во дворец прославленного слепого сказителя Демодока. Он усадил его на кресло рядом с колонной, на которой висела лира. Сказитель подобрал мелодию и начал петь речитативом о знаменитых людях, и от этого Одиссей расчувствовался до слез. После пира феаки и их гость отправились на место собраний, где устроили соревнования по бегу, борьбе и кулачному бою. Одиссей стал лучшим в состязаниях по метанию больших камней. Затем они

Место для пляски угладили, поприще сделали шире.
Тою порой из дворца возвратился глашатай и лиру
Подав певцу: пред собраньем он выступил; справа и слева
Стали цветущие юноши, в легкой искусные пляске.
Топали в меру ногами под песню они; с наслажденьем
Легкость сверкающих ног замечал Одиссей и дивился.

Затем Алкиной

...повелел Галионту вдвоем с Лаодамом
Пляску начать: в ней не мог превосходством никто
победить их.
Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием

сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам
темно-светлым
Бросил один; а другой разбежался и, прыгнув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись
ногами.
Легким бросаньем мяча в высоту отличась пред народом,
Начали оба по гладкому лону земли плодоносной
Быстро плясать; и затопали юноши с ними в меру
ногами,
Стоя кругом, и от топота ног их вся площадь гремела.

Затем добрый Алкиной решил, что двенадцать правителей, находившихся у него в подчинении, также должны преподнести подарки Одиссею, так что он мог отправиться на ужин с легким сердцем. Во время ужина Одиссей

Полную жира хребтовую часть острозубого вепря
Взявши с тарелки своей (для себя же оставя там боле)...

Через слугу он отослал этот лакомый кусок сказителю Демодокку и попросил его повести всем о деревянном коне. Таким образом, мы узнаем новые подробности истории, о которой уже рассказывал Менелай в четвертой книге. Сказитель спел о том, как Одиссей построил коня и поместил внутрь его храбрейших из греческих воинов. Чтобы усыпить бдительность троянцев, другие греки потушили костры рядом со своими хижинами, сели на корабли и уплыли прочь. Троянцы затащили коня внутрь крепостных стен и сели вокруг него, удивляясь и споря между собой, что с ним делать. А затем ахейские сыны выскочили из коня и захватили город. Нужно помнить, что все это время феаки не подозревали, что они развлекают того самого Одиссея.

В конце восьмой книги Алкиной обращается к нему с просьбой рассказать о своих приключениях.

Песнь девятая

В девятой песни он так и делает, начиная свое повествование со слов:

Я Одиссей, сын Лаэрттов, везде изобретеньем многих
Хитростей славных и громкой молвой до небес
вознесенный.

Здесь самое место обратиться к тем из наших читателей, которые сами любят рассказывать истории, чтобы они оценили по достоинству, как хорошо продумана структура «Одиссеи».

Итак, до сих пор у нас шла речь только о том, что произошло с Одиссеем после того, как он покинул остров Калипсо. Наше любопытство лишь отчасти было удовлетворено краткими упоминаниями о тех приключениях, которые произошли с ним до этого момента. И наш интерес не ослабевает, поскольку мы знаем, что еще много событий должно произойти до того, как он в конце концов доберется до Итаки.

Вот та история, которую Одиссей поведал феакам. Когда он и его люди покинули Трои, ветер отнес их корабль к городу Измару, что во Фракии. Они захватили город и успели перебить многих из его жителей, но тут их соседи пришли им на помощь, и ахейцы вынуждены были отступить на свои корабли.

Затем в течение девяти дней их корабль носила буря, пока его не прибило к «земле лотофагов, пищей цветочной себя насыщающих». Некоторые из греков, отправившиеся на разведку, рискнули эту пищу попробовать:

...им лотоса дали отведать они; но лишь только
Сладкомедвяного лотоса каждый отведал, мгновенно
Все позабыл и, утратив желанье назад возвратиться,
Вдруг захотел в стороне лотофагов остаться, чтоб
вкусный
Лотос собирать, навсегда от своей отказавшись отчизны.
Силой их плачущих, к нашим судам притащив,
повелел я
Крепко их там привязать к корабельным скамьям...

Вновь они отправились в путь и вскоре прибыли в землю циклопов на Сицилии. Там Одиссей и двенадцать человек из его команды отправились осмотреть окрестности и попали в пещеру великана. Они затаились в ней, предвкушая забавное приключение, но, когда великан вернулся и швырнул на пол огромное бревно, предназначенное для костра, Одиссей и его спутники спрятались в глубине пещеры. Между тем великан перекрыл вход в пещеру громадным валуном, а затем начал готовить себе ужин.

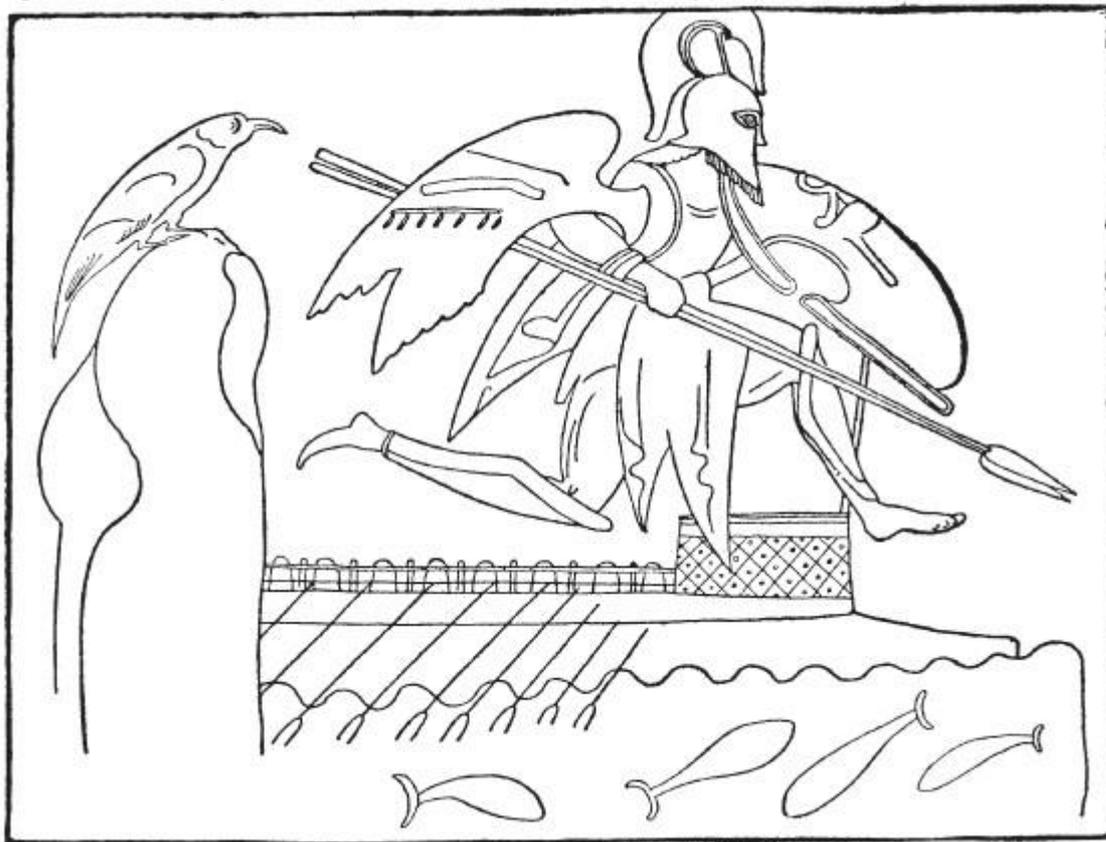

Рис. 31. Ахилл направляется на остров Блаженных

Вскоре он заметил ахейцев и, не обращая внимания на объяснения Одиссея,

..... ответа не дав никакого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев, разъяряемый гладом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб ни оставив.

Вскоре великан уснул. Утром он проглотил еще двоих людей и ушел, перекрыв перед этим вход в пещеру камнем, так что Одиссей и его спутники оказались в западне.

Одиссей придумал план их спасения. Циклоп оставил в пещере здоровенную дубину, и мы можем себе представить, каким на самом деле громадным он был, если дубина его по размерам равнялась «мачте черного корабля, двадцативесельного». Одиссей отрубил от нее кусок длиной в три локтя, гладко обтесал, выровнял, заострил конец и закалил его на огне.

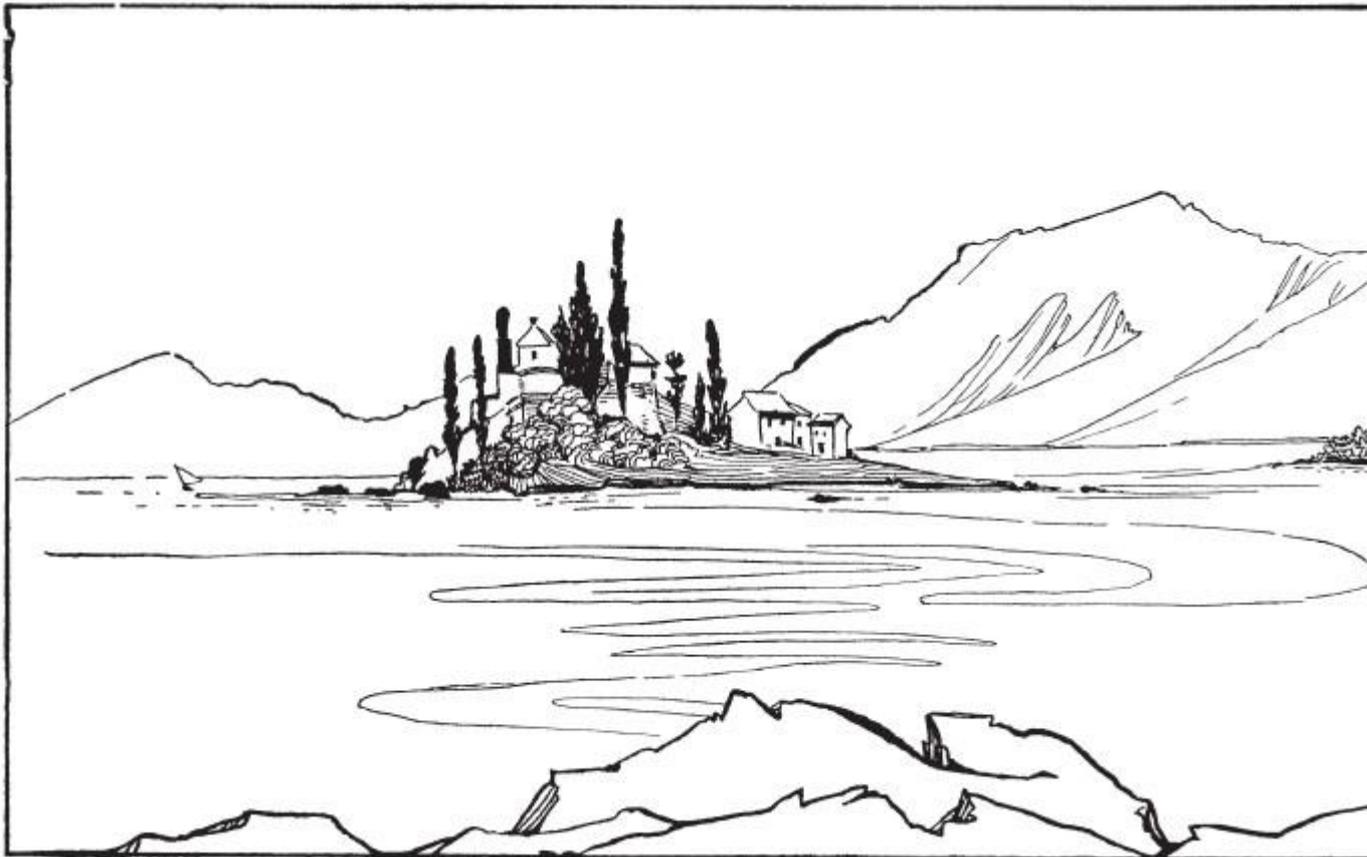

Рис. 32. Остров вблизи Корфу, возле которого, согласно легенде, потерпел крушение корабль Одиссея

Вечером великан вернулся обратно, запустил всех своих овец в пещеру, а затем съел еще двух человек. У Одиссея было с собой вино, и он подал великану сначала один кубок, потом другой и так до тех пор, пока тот не опьянел. Перед этим Одиссей сказал великану, что его зовут «Никто». И вот пришло время действовать:

Кол свой достав, мы его острием на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,

Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был;
поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков - божество в них, конечно, вложило
отважность;
Кол обхватили они и его острием раскаленным
Втиснули спящему в глаз; и, с конца приподнявши,
его я
Начал вертеть, как вертит буравом корабельный
строитель,
Толстую доску пронзая; другие ж ему помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь, визжит он.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками, проворно
Кол свой вертели в пронзенном глазу: облился он
горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызнул глаз, на огне зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он в холодной
Влаге: так глаз зашипел, острием раскаленным
пронзенный.
Дико завыл людоед - застонала от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
вырвав
Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его отшвырнул...

В агонии великан кричал столь громко, что его соседи прибежали ему на помощь. Они спросили его снаружи, в чем дело, на что тот отвечал, что: «его убил Никто». На это они ему резонно ответствовали, что если его убивает «Никто», так в чем тогда, собственно говоря, дело?

Великан ощупью нашел дорогу к выходу из пещеры, убрал валун и сел около него, так что ахейцы не могли убежать. Тем не менее, Одиссей придумал, как его перехитрить. Для этого нужно было связать овец по трое. В каждой такой связке к средней овце снизу цеплялся человек. Одиссей и сам прицепился к одной подобным образом. Ослепленный великан ощупывал только спины своих овец и поэтому не нашел непрошенных гостей.

Великан Полифем был сыном Посейдона, бога морей, именно поэтому и обратился к нему с просьбой, чтобы Одиссей и его люди никогда не смогли бы добраться до своей родной Итаки. Если же им это все-таки удастся, то только после многочисленных злоключений. Вот так и начались трудности Одиссея.

Песнь десятая

В десятой песни они добираются до родного острова Эола, который плавает по морю, окруженный скалами, грозно выступающими из моря, укрепленными сверху неприступной медной стеной. Здесь Одиссея радушно приняли, и он продолжил свой путь дальше. Все должно было закончиться хорошо, поскольку Эол - хранитель ветров - даровал странникам добрый западный ветерок, как раз тот, который и нужен был Одиссею, а все осталь-

ные спрятал в мешок из бычьей кожи. Западный ветер почти донес их корабль к родным берегам, так что издали уже можно было разглядеть Итаку, но, пока Одиссей спал, его люди развязали мешок с ветрами, желая узнать, какое сокровище в нем хранится. Но из мешка вырвались буйные ветра и отнесли их обратно к острову Эола. На этот раз их встретили плохо и прогнали прочь как «ненавидимых бессмертными богами».

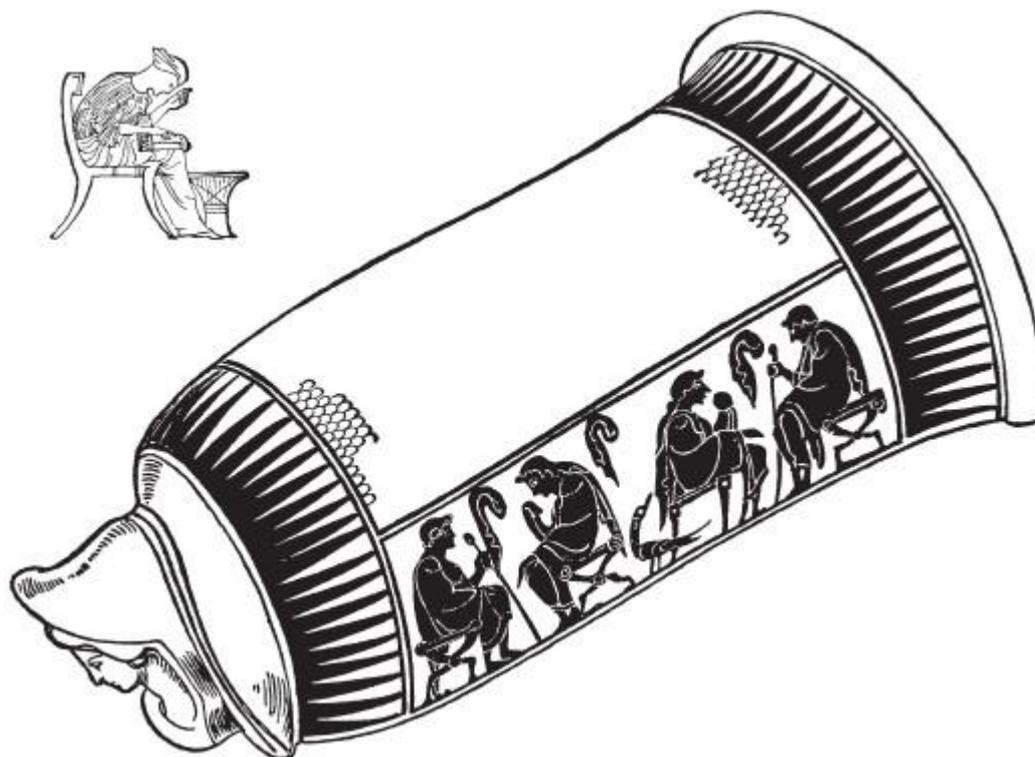

Рис. 33. Изображение эпинетрона, или прялки

Рис. 34. Работа на веретене

Одиссей и его спутники плыли в течение шести дней, а на седьмой день прибыли к Ламосу. Здесь на них напал народ великанов, и из двенадцати кораблей только тот, на котором находился сам Одиссей и его люди, смог спастись. Теперь он плыл в одиночестве и прибыл на остров Эа, где обитала светлокудрая Цирцея.

Вперед с несколькими людьми отправился Эврилох, и они подошли к палатам Цирцеи:

Около дома толпились горные львы и лесные
Волки: питьем очарованным их укротила Цирцея.
Вместо того чтоб напасть на пришельцев, они
подбежали
К ним миролюбиво и, их окруживши, махали хвостами.

Мореплаватели подошли к дворцу и зашли внутрь. Цирцея предложила им вина, но Эврилох несколько замешкался, а затем с ужасом увидел, что происходит с его приятелями:

...ими отведан напиток, ударом
Быстрым жезла загнала чародейка в свиную закуту
Всех; очутился там каждый с щетинистой кожей,
с свиною
Мордой и с хрюком свиным, не утратив, однако,
рассудка.
Плачущих всех заперла их в закуте волшебница, бросив
Им желудей, и свинины, и буковых диких орехов
В пищу, к которой так лакомы свиньи, любящие рылом
Землю копать.

Гермес одарил Одиссея травой добродетели, с помощью которой можно было противостоять чарам Цирцеи. Обретя такую способность, он заключил с ней соглашение, согласно которому его люди вновь обретают человеческий облик, что и было сделано, но взамен они должны были оставаться у нее в течение года: «...наслаждайтесь питьем и едою покуда».

Песнь одиннадцатая

В одиннадцатой песни Одиссей покидает Цирцею и отправляется к пределам обитаемого мира, где жили ужасный Аид и его жена Персефона. Там он совершает жертвоприношения, и души умерших являются ему. Один из них, Терезий, предупреждает Одиссея, что его собственная смерть придет с моря, и советует ему при возвращении на Итаку:

...весло корабельное взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда людей
не увидишь,
Море не знающих, пищи своей никогда не солящих,
Также не зревших еще ни в волнах кораблей
быстроходных,
Пурпурногрудых, ни весел, носящих как мощные
крылья,
Их по морям, - от меня же узнай несомнительный

признак:

Если дорогой ты путника встретишь и путник тот

спросит:

«Что за *лопату* несешь на блестящем плече,

иноземец?» -

В землю весло водрузи - ты окончил свое роковое,

Долгое странствие. Мощному там Посейдону принесши

В жертву барана, быка и свиней оплодителя, вепря...

Одиссей видит дух своей матери, и она говорит ему:

Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём миролюбном

Нраве и разуме светлом до срока мою погубила

Сладостно-милую жизнь...

Много других душ известных людей подходило к Одиссею, перейдя через луг Асфодель, - Агамемнон, Ахилл, а также Патрокл, с которыми он сообща сражался под Троей. Там же он увидел и обреченного на страдания Тантала, который стоял в воде, доходившей ему до подбородка, но она каждый раз отступала, как только он наклонялся, чтобы напиться. Точно так же и высокие деревья отклоняли свои ветви с плодами, как только он начинал к ним тянуться. Там можно было встретить еще и Сизифа, который был обречен на то, чтобы постоянно пытаться закатить вверх громадный камень.

Песнь двенадцатая

В двенадцатой песни Одиссей покидает владения Аида, и его следующее приключение острова сирен, которые зачаровывали людей своим пением и заманивали их на гибель. Одиссея привязали к мачте его корабля, а уши других моряков были залеплены воском, поэтому они и не могли слышать чудесного пения.

Затем настал черед приключению, связанному со Сциллой и Харибдой. Сцилла была ужасным чудовищем с двенадцатью ногами, шестью шеями, каждую из которых венчала голова с тремя рядами зубов. Она жила в пещере и, обрушившись сверху на корабль, утащила с него шестерых членов команды. Харибда была водоворотом, который сначала засасывал воду, а затем выталкивал ее обратно. При преодолении этих опасностей моряков ожидала неминуемая гибель, поскольку на острове Тринакиа они убили быков, принадлежавших богу Гелиосу. Вот почему корабль и вся его команда погибли во время сильного шторма и только Одиссей был спасен Калипсо и жил потом вместе с ней на острове Огигия, где, собственно говоря, мы впервые и встречаемся с Одиссеем в «Одиссее».

С этого момента повествование о возвращении Одиссея на Итаку подходит к завершающей стадии, но интрига все еще сохраняется, поскольку мы уже знаем, что там должны произойти драматические события, после того как он найдет в своем доме женихов.

Песнь тринадцатая

В тринадцатой песни Одиссей отправляется на Итаку благодаря помощи Алкиноя. Он уснул на корабле, и его перенесли на берег родного острова, даже не разбудив. После этого добрые феаки отправились восвояси. Грустно рассказывать о том, что Посейдон отомстил им, когда их корабль уже приближался к родным берегам:

...К нему подошел, колебатель земли на мгновение
В камень его обратил, и ударом ладони к морскому
Дну основанием крепко притиснул.

В наши дни на Корфу местные жители покажут вам островок, возле которого, по их словам, корабль Одиссея разбился о прибрежные камни. На рис. 32 представлен вид этого островка.

Когда Одиссей проснулся, он обнаружил рядом с собой свою верную союзницу богиню Афину, и она сказала:

...наморщю блестящую кожу твою на могучих
Членах, сниму с головы златотемные кудри и покрою
Рубищем бедным плечи, чтоб глядел на тебя с
отвращением
Каждый.

В этом наряде он и отправился в дом Эвмея, свинопаса, в то время как Афина поспешила в Спарту, чтобы поскорее вернуть обратно Телемака. Этот эпизод возвращает нас к событиям, упоминавшимся в четвертой книге.

Песнь четырнадцатая

В четырнадцатой песни Одиссей приходит в дом свинопаса и выясняется, что

Он на дворе перед домом в то время сидел за работой;
Дом же стоял на высоком, открытом и кругообразном
Месте, просторный, отовсюду обходный: его для свиных
там
Стад свинопас, не спросясь ни с царицей, ни с старцем
Лаэртом,
Сам, поелику его господин был отсутствен, из твердых
Камней построил; ограда терновая стены венчала;
Там из дубовых, обтесанных близко один от другого
В землю вколоченных кольев его окружал; на дворе же
Целых двенадцать просторных закут для свиней
находилось:
Каждую ночь в те закуты свиней загоняли, и в каждой
Их пятьдесят, на земле неподвижно лежащих, там было

Заперто - матки одни для расплода; самцы же на
внешних
Спали закутах и в меньшем числе.

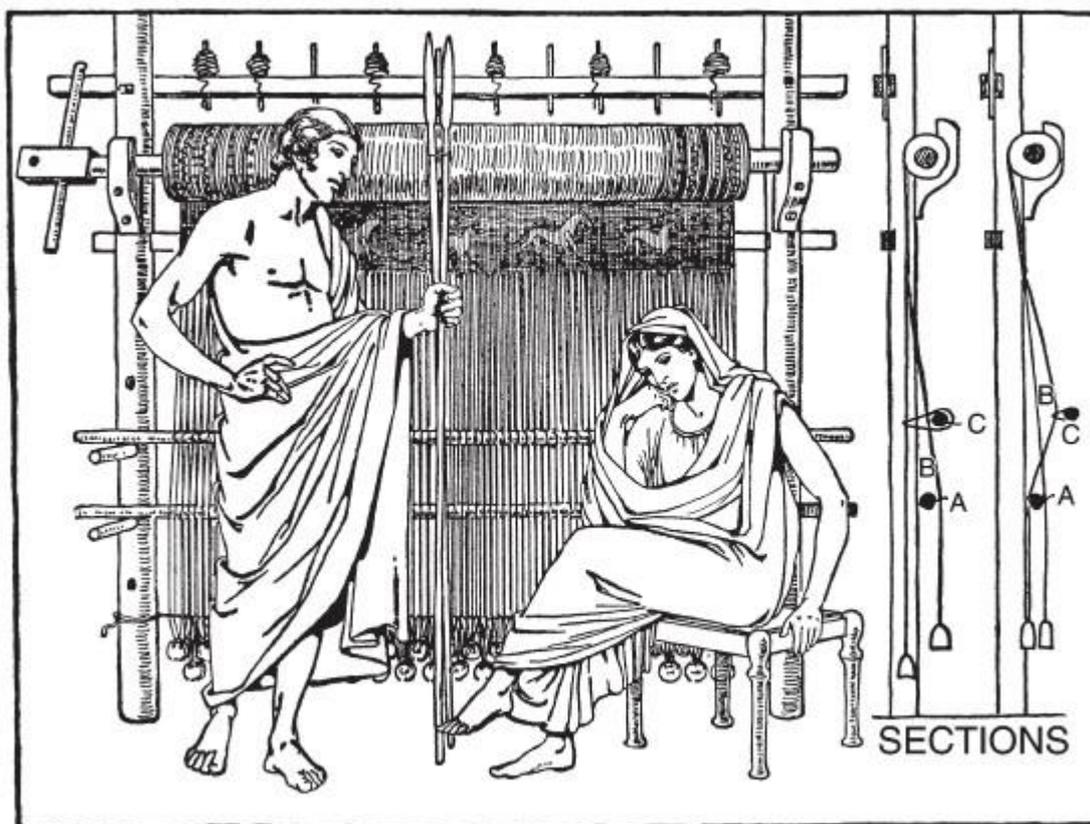

Рис. 35. Телемак и Пенелопа у ткацкого станка

Рис. 36. Омование ног Одиссея

Свинопас радушно принял Одиссея, угостив его жареной свининой, посыпанной белой ячменной мукой. От него же Одиссей услышал о бесчинствах женихов.

Песнь пятнадцатая

В пятнадцатой песни Телемак возвращается домой благодаря помощи Афины и, счастливо избегнув встречи с женихами, которые поджидали его, приходит в дом свинопаса.

Песнь шестнадцатая

В шестнадцатой песни Эвмей отправляется в город, а Одиссей представляется своему сыну. Помогая ему в этом, Афина:

... жезлом золотым прикоснулась она к Одиссею:
Тотчас опрятным и вымытым чисто хитоном покрылись
Плечи его; он возвышенней сделался саном, моложе
Светлым лицом, посмуглевшие щеки стали полнее;
Черной густой бородою покрылся его подбородок.

Когда свинопас возвращается, Одиссей опять превращается в старого нищего.

Песнь семнадцатая

В семнадцатой песни Телемак приходит к своей матери Пенелопе, чтобы рассказать о своем путешествии, а вечером Одиссей и свинопас идут к

... Одиссееву славному дому.
Может легко он быть узан меж всеми другими
домами:
Длинный ряд горниц просторных, широкий и чисто
мощенный
Двор, обведенный зубчатой стеною, двойные ворота.

По дороге они встретили Мелантия, козопаса, который обругал их. В доме Одиссея никто не узнал их, кроме его старого пса, Аргуса, который

... лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб
после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно.

Итак, пес узнал голос своего хозяина и:

Тронул хвостом и поджал в изъявлении радости уши:
Близко он подползать к господину, даже подняться он не
был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу от Эвмея
Скрытно обтер Одиссей...
В это мгновение Аргус, увидевши вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносного Меры.

Затем Одиссей входит в дом, садится вблизи входа, наблюдая за пиршеством и слушая сказителя. Там же был и Телемак, который через свинопаса передал ему еду, а также ска-

зал, чтобы он попросил женихов подать что-нибудь. Это Афина убедила его так поступить, чтобы испытать женихов. Все подали Одиссею хоть что-нибудь, за исключением Антиноя, который схватил скамейку и ударил ею его по спине. Пенелопа услышала это и, возмущенная тем, что со странником поступают подобным образом, послала за ним.

Песнь восемнадцатая

В восемнадцатой песни настоящий нищий, по имени Ир, приходит в этот дом и, полагая, что Одиссей является его соперником, хочет прогнать его прочь. Женихи подзадоривают их обоих и обещают победителю вознаграждение:

Козьи желудки лежат там на угольях; сами на ужин
Их для себя отложили мы, жиром и кровью наливши;
Я предлагаю, чтоб тот, кто из двух победителем будет,
Взял для себя из желудков обжаренных лучший; потом
мы
Будем вседневно его приглашать и к обеду, другим же
Нищим собирать здесь столовые крохи вперед
не позволим.

В состоявшемся затем кулачном бою Одиссей легко одержал победу и получил в награду лакомое блюдо.

Затем Пенелопа в сопровождении своих служанок спустилась с верхних покоев в зал и Афина одарила ее неземной красотой. «Стоя возле столбов, подпиравших на совесть сработанную крышу», она пристыдила Телемака за то, что он позволил, чтобы со странником плохо обращались. Великолепная красота Пенелопы побудила женихов вновь возобновить свои попытки покорить ее:

Каждый потом за подарком глашатая в дом свой
отправил.
Посланный длинную мантию с пестрым шитьем
Антиною
Подал; двенадцать застежек ее золотых украшали,
Каждая с гибким крючком, чтоб, в кольцо задеваясь,
держал он
Мантию. Цепь из обделанных в золото с чудным
искусством,
Светлых, как солнце, больших янтарей принесли
Евримаху.
Серьги - из трех, с шелковичной пурпурною ягодой
сходных
Шариков каждая - подал проворный слуга Евридаму;
Был молодому Писандру, Поликтора умного сыну,
Женский убор принесен, ожерелье богатое; столь же
Были нескупы и прочие все на подарки...

Затем последовала веселая сценка. Одиссей ликовал, что Пенелопа поступает с женихами подобным образом. Когда Пенелопа ушла вместе с дарами, женихи начали плясать:

Три посредине палаты поставив жаровни, наклали
Много поленьев туда, изошренной нарубленных медью,
Мелких, сухих, и лучиною тонкой зажгли их, смолистых
Факелов к ним подложивши. Смотреть за огнем
почередно
Были должны Одиссеева дома рабыни...

Одиссей посоветовал служанкам отправиться за ней следом и помочь ей мотать пряжу или же прядь шерсть, но они только смеялись в ответ. Женихи также начали издеваться над Одиссеем, а затем отправились по домам.

Песнь девятнадцатая

В девятнадцатой песни Одиссей побуждает Телемака убрать все оружие из зала и говорит ему, как это нужно объяснить женихам. Дескать, это делается для того, чтобы они могли перессориться между собой и поранить друг друга: «Само собою прилипает к руке роковое железо».

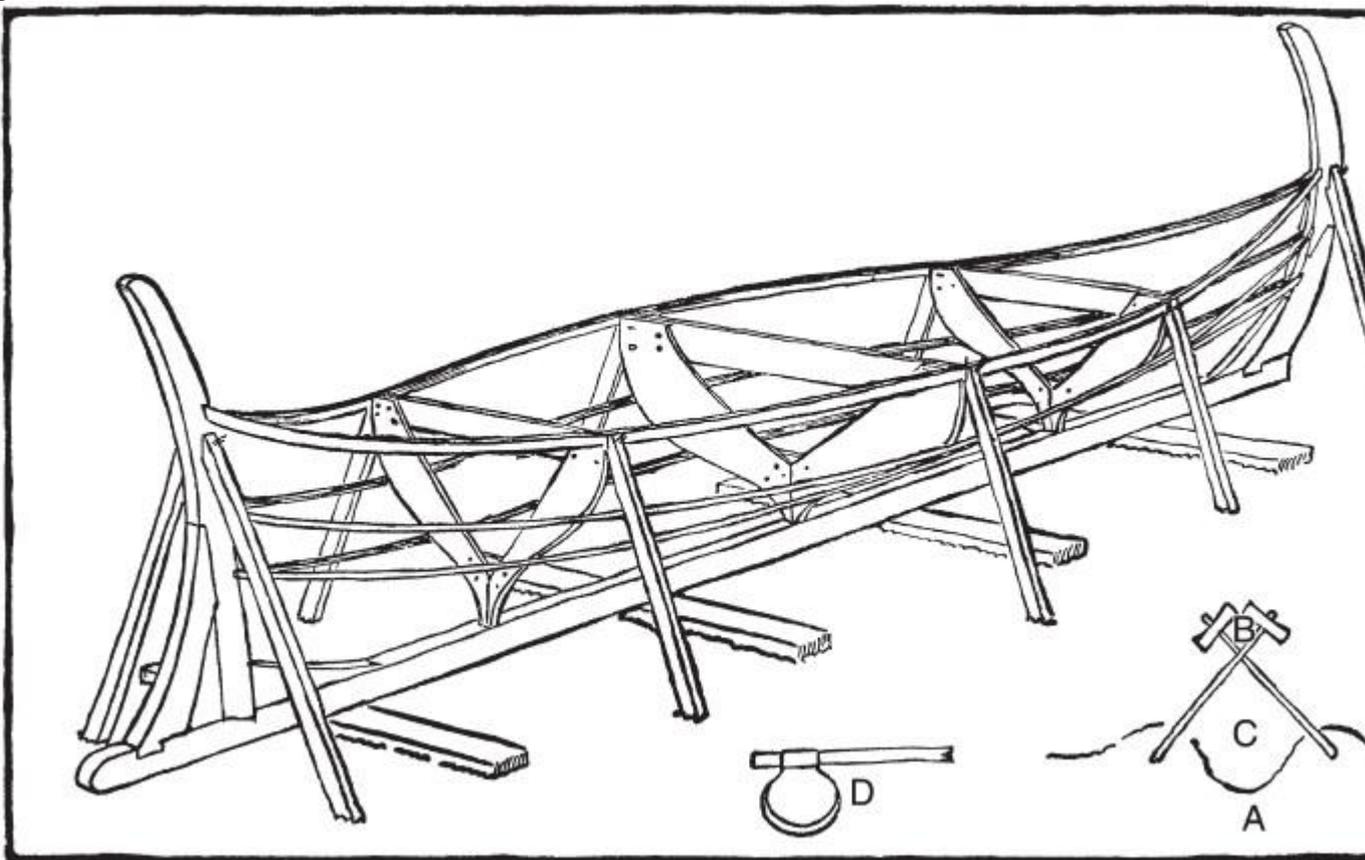

Рис. 37. Строительство лодки

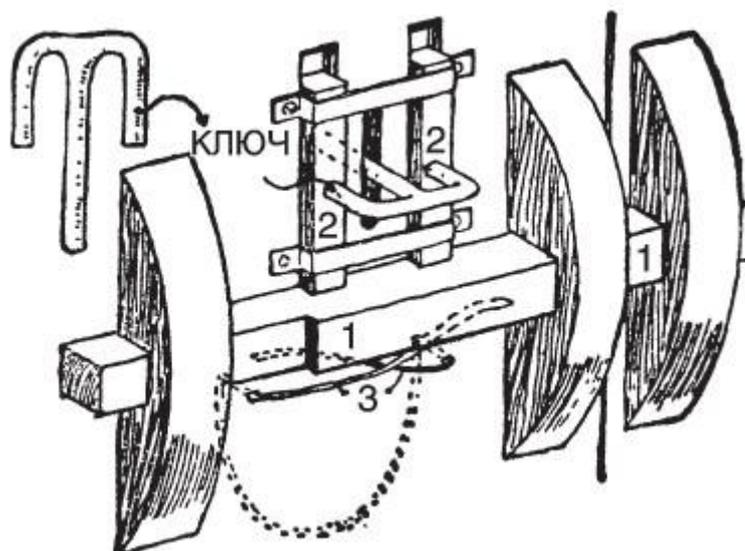

Рис. 38. Замок времен Гомера

Это первое упоминание о железном оружии - до сих пор мы слышали только об изделиях из бронзы. На помощь Телемаку была призвана старая кормилица Эвриклея, и с ее помощью все оружие было спрятано в кладовой. Афина Паллада принесла огонь в лампаде. Его сияние привело Телемака в восхищение, и он сказал:

«...Родитель,
 В наших очах происходит великое, думаю, чудо;
 Гладкие стены палаты, сосновые средние брусья,
 Все потолка перекладки, все здесь колонны так ясно
 Видны глазам, так блистают, как будто б пожар был
 кругом их,
 Видно, здесь кто из богов олимпийских присутствует
 тайно».

Телемак отправился отдыхать, а Пенелопа спустилась в зал:

...Сесть ей к огню пододвинули стул, из слоновой
 Кости точенный, с оправой серебряной, чудной работы
 Икмалиона (для ног и скамейку приделал художник
 К дивному стулу). Он мягко-широкой покрыт был
 овчиной.

Рис. 39. Одиссей, стреляющий в женихов

Пенелопа переговорила с Одиссеем и рассказала ему, как досаждали ей женихи, как три года водила их за нос. В течение дня она ткала саван для Лаэрта, а ночью распускала все сделанное за день, однако теперь она не может прогнать женихов прочь, хотя: «Одиссей, лишь его неотступное требует сердце».

Одиссей не решился открыться своей жене, лишь сказал ей: «Правду одну я скажу, ничего от тебя не скрывая», и намекнул, что ее муж находится где-то поблизости. Пенелопа уже и не чаяла поверить в то, что это может быть правдой, и послала за старой няней Эвриклеей, чтобы та омыла страннику ноги. Няня узнала Одиссея по шраму на ноге, полученному им давно во время охоты. Пенелопа не заметила того, что та его узнала.

Рис. 40. Истребление женихов

Она рассказала Одиссею о том, какое испытание собирается устроить женихам утром:

«...предложить им стрелянье
Из лука в кольцо хочу я: супруг Одиссей здесь
двенадцать
С кольцами ставил, бывало, жердей, и те жерди
не близко
Ставил одну от другой, и стрелой он пронизывал
кольца
Все. Ту игру женихам предложить я теперь замышляю;
Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув)
двенадцать
Колец, я с тем удалюсь из этого милого дома,
Дома семейного, светлого, многобогатого, где я
Счастье нашла, о котором я сонная буду крушиться».

Пенелопа затем поднялась в верхние покои.

Песнь двадцатая

В двадцатой песни Одиссей устраивается на ночлег в прихожей дома, а поутру являются женихи, чтобы продолжить свой пир. Афина возбуждает в них гнев на Одиссея.

Песнь двадцать первая

В двадцать первой песни Пенелопа спускается по высокой лестнице из своих покоев, берет изогнутый бронзовый ключ с рукояткой из слоновой кости и отправляется в кладовую:

Со скважины снявши замочной ее покрывавшую кожу,
Ключ свой вложила царица в замок; отодвинув
задвижку,
Дверь отперла; завизжали на петлях заржавевших створы
Двери блестящей.

Там она находит изогнутый лук Одиссея, а также колчан и стрелы. Все это Пенелопа относит в зал к женихам, побуждает их устроить между собой соревнование и, предлагая в качестве приза себя, говорит:

Тот, кто согнет, навязав тетиву, Одиссеев могучий
Лук, чья стрела пролетит через все (их не тронув)
двенадцать
Колец, я с тем удалюся из этого милого дома.

Телемак поставил жерди:

Жерди в глубоких для каждой особенно вырытых ямках,
Их по шнуру уравнив, утвердил: основанья ж, чтоб прямо
Все, не шатаясь, стояли, землю оттоптал.

Телемак сам попытался натянуть лук, но это ему не удалось. Затем то же самое попытался сделать Леодей, но с тем же результатом. Антиной, еще один из женихов, приказал козоводу:

«Слушай, Меланфий, - сказал, - здесь огонь ты
разложишь; к огню же
Близко поставишь покрытую мягкой овчиной скамейку;
Жирного сала потом принес нам укруг, чтоб могли мы
Им, на огне здесь его разогревши, помазывать крепкий
Лук Одиссеев: тогда он удобней натянут быть может».

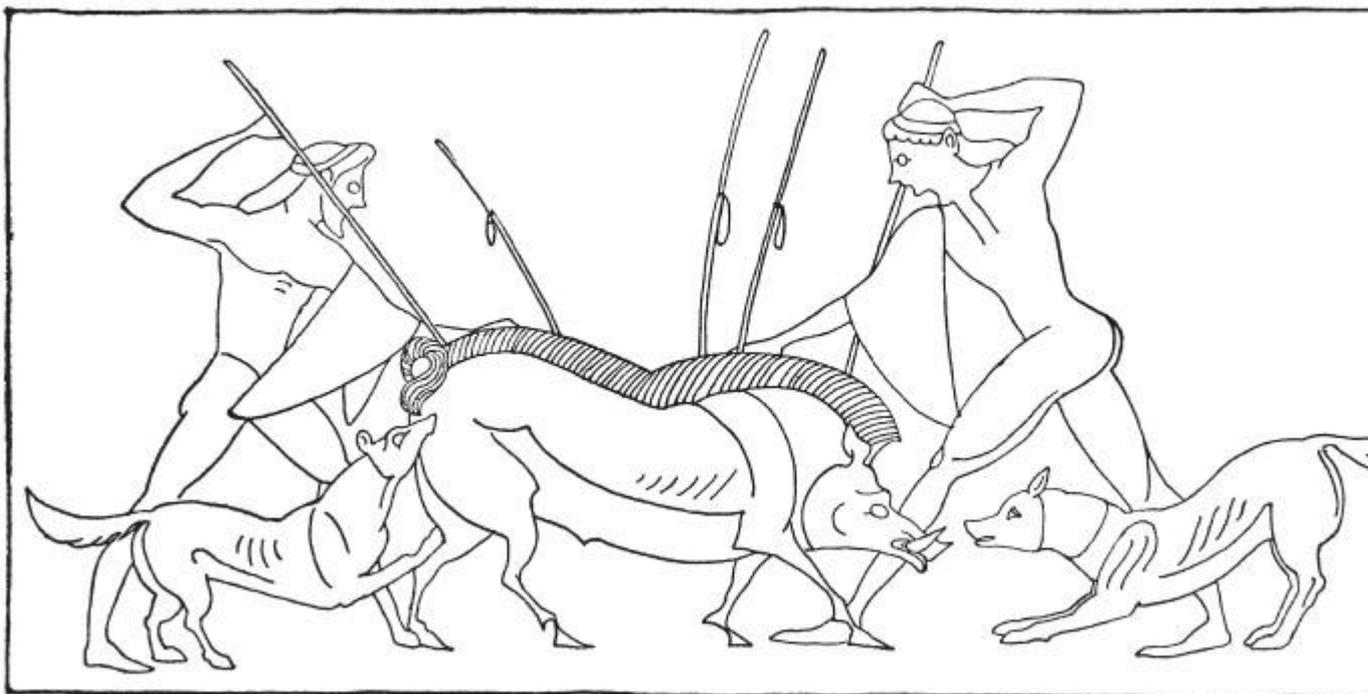

Рис. 41. Охота на кабана

Однако огонь и сало не помогли, и женихи один за другим потерпели неудачу, так и не сумев натянуть лук. Пока все это происходило, Одиссей отправил из прихожей козоведа и свинопаса, открывшись им, кто он такой. Он распорядился, чтобы они возвращались обратно в прихожую по отдельности, а также сказал Эвмению, свинопасу, сделать так, чтобы лук оказался у него в руках; помимо этого

«...ты велишь, чтоб рабыни немедля
Заперли в женские горницы двери на ключ и чтоб, если
Шум иль смятенье в столовой послышится им, не
посмела
Тронуться с места из них ни одна, чтоб спокойно сидели
Все, ни о чем не заботясь, и делом своим занимались».

Филиту, коровнику, было сказано, чтобы он

...запер ворота;
Был там в сенях корабельный пеньковый канат; им
связал он
Крепко затвор у ворот...

К тому времени уже все женихи испытали свои силы, но не смогли натянуть лук. Одиссей попросил, чтобы ему также дали возможность принять участие в состязании, но это только вызвало гнев у женихов. Телемак отослал свою мать из прихожей в ее верхние покои и вручил лук Одиссею.

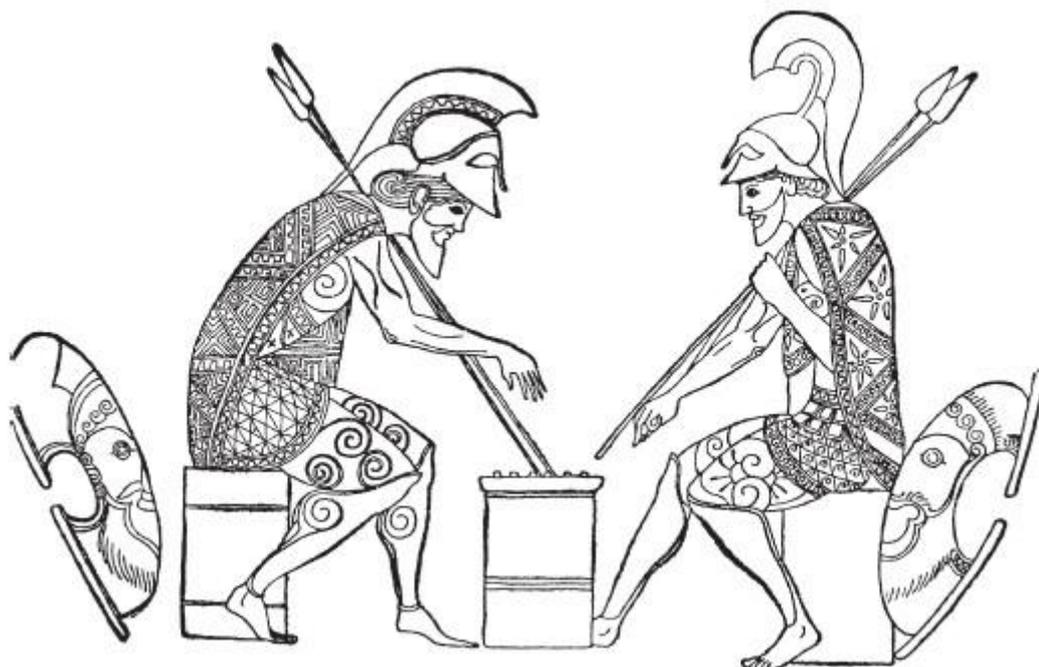

Рис. 42. Игра в шашки

Свинопас предупредил няню Эвриклею, чтобы та заперла на засов двери в женские покои, а коровник молча бросился к воротам во дворе и закрыл их. Игра подошла к своему последнему акту. Одиссей берет свой громадный лук и

... Как певец, приобыкший

Цитрою звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает -
Так без труда во мгновение лук непокорный напряг он.
Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.

И великая печаль овладела женихами. Одиссей затем берет одну из стрел и:

К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицелясь, в кольца
Выстрелил, - быстро от первого все до последнего
кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заощренная медью.

Затем:

... Телемак богоравный

Понял условленный знак; он немедля свой меч опоясал,
В руки схватил боевое копьё и за стулом отцовым
Стал, ко всему изготовясь, оружием медным блестящий.

Песнь двадцать вторая

В двадцать второй песни Одиссей скидывает с себя лохмотья и запрыгивает на порог вместе со своим луком и колчаном, полным стрел. Первым же выстрелом он убивает Антиноя, и женихи бросаются искать свои щиты и копья, но тут выясняется, что кто-то убрал их из зала. Затем Одиссей дал им знать, кто он такой, и бойня стремительно продолжилась. Женихи схватились за мечи, и кто-то сказал:

«...столами закройтесь
Против налета убийственных стрел...»

Амфиномий напал на Одиссея из-за двери, но Телемак выбил у него копье и, убив его сзади, бросился к отцу. Одиссей отправил сына за оружием, и он «бросился в верхнюю горницу, где находились доспехи». Там он взял четыре шлема, четыре щита и восемь копий, то есть по одному шлему, щиту и по два копья для Одиссея, Телемака, свинопаса и коровника, которые сражались на их стороне.

В данном месте поэма представляет значительный интерес с точки зрения описания архитектурных подробностей, и мы призываем наших читателей обратить внимание на некоторые детали, которые мы намереваемся привести ниже:

...недалеко от главных дверей находилась другая,
Тайная дверь; от высокого зала пространной порога
Тесный был этою дверью на улице выход из дома;
Доступ желая к нему заградить, Одиссей свинопасу
Стать приказал перед дверью, чем всякий проход был
отрезан.

Затем один из женихов спросил, может ли кто-нибудь выбраться через боковую дверь, поскольку основной выход был перекрыт, а затем позвать на помощь Меланфий, козовод, который сражался на стороне женихов, сказал, что это невозможно, но обещал найти оружие: «В горницу тайно прокрался, где складены были доспехи».

Там он взял двенадцать шлемов, щиты, копья и принес их женихам. Как ему удалось вернуться обратно, история умалчивает. Это был тот же самый покой, куда ходил и Телемак, поскольку он помнил, что он оставил дверь открытой. Дверь должна была быть видна из прихожей, поскольку Телемак говорит, что один из женихов мог проследить за ним. Меланфий опять туда направился, но Эвмей и коровник были отправлены, чтобы схватить его, что они и сделали, а затем, связав, подтянули вверх и оставили висеть на потолочной балке.

Затем Афина приходит на помощь Одиссею:

Решив, она Одиссею не вдруг даровала победу:
Бодрость в царя и разумного сына его Телемака
Строгому опыту прежде желая подвергнуть, богиня
Вдруг превратилась, взвилась к потолку и на черной от
дыма
Там перекладине легкою сизою ласточкой села.

И женихи побросали свои копья в отчаянии. Сторонники же Одиссея воспряли духом:

Так женихов (разогнав их по горнице) справа и слева,
Как ни попало, они убивали; поднялся ужасный
Крик; был разбрызган их мозг; был дымящейся кровью
их залит
Пол.

Пошадил только сказителя Фемия и слугу Медона, которые вышли во двор и сели возле алтаря. Одиссей отправил Телемака за старой няней Эвриклеей, а затем попросил ее отправить женщин, чтобы они прибрали в зале, а заодно потребовал у нее назвать имена служанок, которые сочувствовали женихам. Затем Одиссей приказал Телемаку убить этих служанок, и их вывели из прихожей «во двор, меж стеною и житною круглою башней».

К высокой перекладине был привязан корабельный канат, протянутый под сводом. На шеях женщин были затянуты петли, и они были повешены так, «что было ногой до земли им достать невозможно».

Затем слуги вымыли и очистили дом с помощью горячей серы, «и все кончено было».

Песнь двадцать третья

В двадцать третьей песни старая няня идет в покои Пенелопы, чтобы сообщить ей добрые вести о возвращении Одиссея, но Пенелопа думает, что та сошла с ума, и отказывается ей верить. Тем не менее, она спускается вниз и входит в зал, переступая через камень у порога. Она садится напротив Одиссея в свете очага и все еще отказывается верить, что этот незнакомец в рваной одежде и есть ее благородный муж, который оставил ее двадцать лет назад. Телемак упрекает ее за эти сомнения, а Одиссей ждет, когда она с ним заговорит. Афина приходит ему на помощь, после того как он искупался и облачился в новые одежды, она дарует ему красоту и делает его моложе - так что в конце концов Пенелопа убеждается в том, что это на самом деле ее муж, который возвратился домой.

Утром Одиссей разбудил Телемака, коровника, а также свинопаса и отправился вместе с ними проведать своего престарелого отца Лаэрта, который жил за городом:

Платье в заплатах, худыми ремнями из кожи
бычачьей,
Наживо сшитыми, были опутаны ноги, чтоб иглы
Их не царапали; руки от острых колючек терновых
Он защитил рукавицами; шлык из потершейся козьей
Шкуры покровом служил голове.

Они застали его в саду подчищающим деревцо, и Одиссей открылся ему. Лаэрт попросил его предъявить в доказательство только ему известные знаки, и Одиссей показал ему рубец, оставленный некогда бивнем кабана, а также деревья в саду, которые отец ему подарил, когда сын еще был ребенком. Таким образом Лаэрт убедился, что его сын на самом деле вернулся назад, после чего они отправились в его дом и устроили там пир.

Тем временем стали распространяться слухи об убийстве женихов и их друзья вооружились, чтобы отомстить Одиссею. В этом месте, как мы полагаем, Гомер остановился в некотором раздумье относительно того, как бы ему повернуть повествование в нужное русло. Понятно, что другие убийства в поэме после истребления женихов уже были излишними, однако и жажда мести их друзей также каким-то образом должна была быть удовлетворена. Поэтому поэт делает так, что Афина обращается к владыке Зевсу, и тот предлага-

ет, чтобы Одиссей оставался правителем до конца своих дней, а на мстителей напало забыть, и они бы позабыли об убийстве их детей и братьев. Это был бы типичный современный «happy end», но это не устраивало слушателей Гомера. Он делает так, что мстители выступают против Одиссея и приходят к дому Лаэрта в тот момент, когда пир в самом разгаре. Одиссей вместе со своим сыном поднимаются и облачаются в доспехи, а старик счастлив сказать:

Добрые боги, какой вы мне день даровали! О, радость!
Слышу, как сын мой и внук мой друг с другом
о храбрости спорят!

И сероглазая богиня Афина из сострадания к Лаэрту вдохнула в него великую силу, и прожитые им годы отступили от него. Он вновь стал молодым, схватив копье, метнул его в Эвпейта и убил того. После этого, и не только вслед за этим, забвение напало на всех людей, так что они могли жить далее счастливо.

Глава 4

Предметы повседневного обихода

Мы надеемся, что приведенное нами выше сжатое изложение содержания поэм поможет тем нашим читателям, которые с ними еще незнакомы, понять главную идею «Аргонавтики», «Илиады» и «Одиссеи». Если первая из них, по всей видимости, является поэтическим описанием поисков людьми бронзового века золота, то «Илиада» может быть описанием истории войны, которая велась ради торговых интересов.

Если обратиться к нашей карте (см. стр. 19), то нетрудно заметить, что Троя занимала исключительно важное положение. Она контролировала проход в Черное море, и вполне возможно, что греки во времена Гомера вывозили из припонтийских областей зерно точно так же, как они это делали и позднее, во время Пелопоннесской войны¹. Не исключено, что Агамемнон был вынужден напасть на Трою, поскольку троянцы могли чинить препятствия поставкам продовольствия. Если, подобно самим грекам, мы будем считать Гомера историком, нам необходимо помнить и о том, что он был еще и великим поэтом. Обычный торговый конфликт был прославлен повествованием о великолепии Елены и ее красоте. Точно так же и Одиссей не мог просто отправиться домой после войны. Поэмы в стародавние времена так не писались. Герои отправлялись, волей-неволей, на поиски приключений, но поэт должен был иметь хорошее чувство меры и не перебрать в описании выпавших на их долю испытаний.

Предполагается, что Троянская война состоялась около 1200 года до нашей эры², то есть как раз перед тем, как сама Греция была разорена дорийскими племенами, пришедшими с севера. Эти племена отличались особой свирепостью, и они уничтожили цивилизацию, которая возникла в материковой Греции после падения Кносса. По сути дела, эти события представляют собой очень близкую параллель тому, что произошло с римской Британией после того, как на ее территорию стали нападать племена англов, саксов и ютов³. Дело в том, что дорийцы точно так же, как и саксы, были не в состоянии в полной мере сохранить доставшееся им от более высокоразвитой цивилизации наследие. Поэтому в том и в другом случае периоды, которые последовали за вторжениями этих племен, принято называть «темными веками», а о событиях того времени мы почти ничего не знаем.

Мы не знаем точно, когда Гомер жил и, соответственно, писал свои поэмы, но по всей видимости, это было примерно в X-IX веках до нашей эры, когда «темные века» в Греции

были уже на исходе⁴. Его задача состояла в том, чтобы собрать воедино все легенды и создать из них нечто целое. Он воспевал «золотой» и «героический» века, и его поэмы, которые для греков были своего рода Библией, не могли не оказать существенного влияния на последовавший вскоре невиданный культурный взлет.

Мы хотим проиллюстрировать отдельные эпизоды из «Илиады» и «Одиссеи» рисунками, взятыми с греческих ваз, которые в основном датируются VI веком до нашей эры. Их надо прочувствовать в душе. Эти иллюстрации не похожи на знакомые нам образы мира, они отражают восприятие греками VI столетия до нашей эры окружающей действительности.

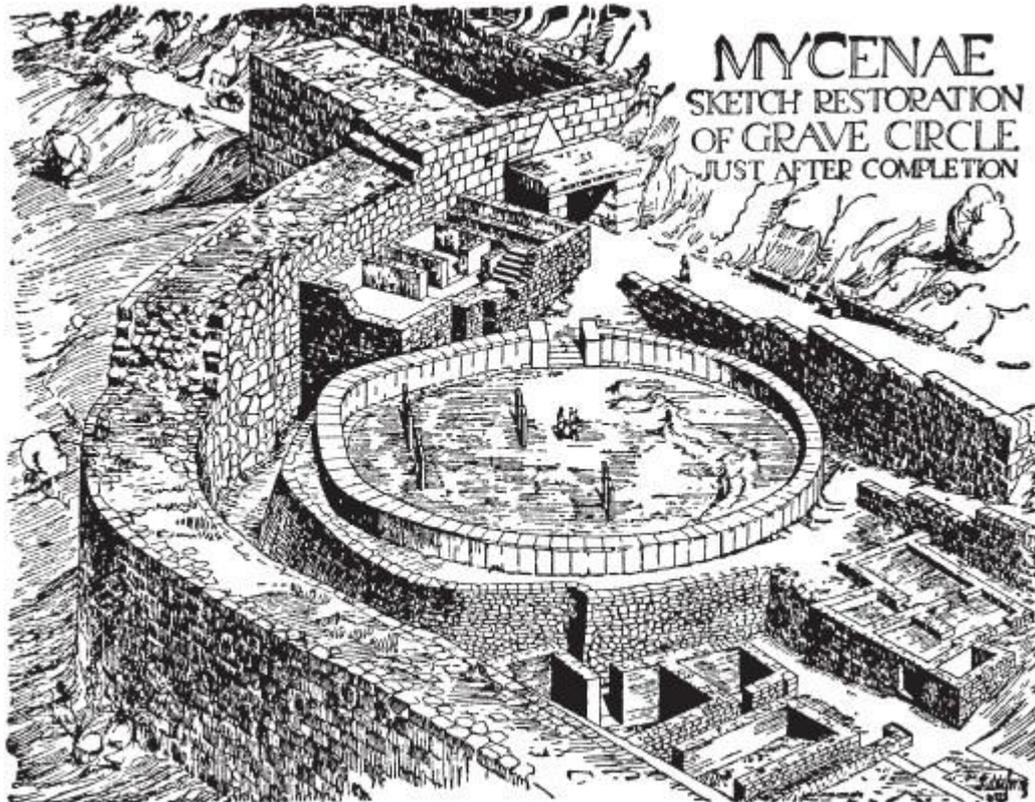

Рис. 43. Купольная гробница в Микенах (реконструкция Де Джонга).

Теперь мы предлагаем собрать отдельные зарисовки повседневной жизни воедино и составить из них единое полотно. Начнем с сооружений раннего периода, которые в истории архитектуры описываются как относящиеся к микенскому периоду.

Если мы отправимся в путешествие по Греции со стороны Арголического залива, то окажемся вблизи весьма примечательной группы древних городов. Первым из них является хорошо укрепленный Тиринф, затем идет Аргос, и в верхней части аргосской равнины расположены Микены, родной город Агамемнона. Здесь сохранились предназначенные для торжественных процессий Львиные ворота, шахтные гробницы, в которых Шлиман нашел много интересного, и в их числе так называемая «гробница Агамемнона».

Датировка этой группы строений является спорной, и по этому поводу среди ученых в настоящее время ведется оживленная дискуссия. Рис. 43 может быть использован для иллюстрации тех трудностей, с которыми они сталкиваются. В верхней части рисунка можно рассмотреть заднюю часть Львиных ворот и идущую от них в правую сторону дорогу. Она образует линию от первоначальной стены к крепости на холме, показанной сзади.

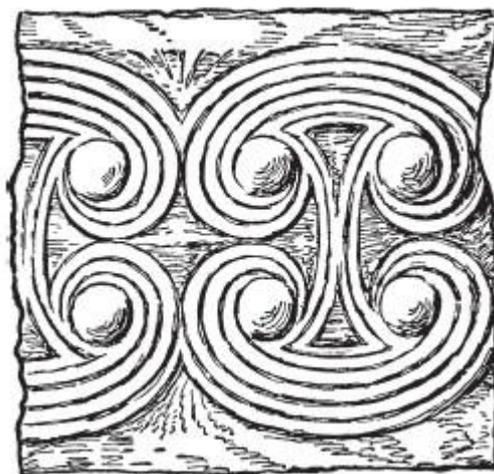

Рис. 44. Золотая пластинка из гробницы в Микенах

Примерно в середине XV столетия до нашей эры жители Микен возводят Львиные ворота и округлую стену, показанную в левой части рис. 43. Она опоясывает купольную гробницу в средней части рисунка и шахтные гробницы, где Шлиман и сделал свои выдающиеся открытия.

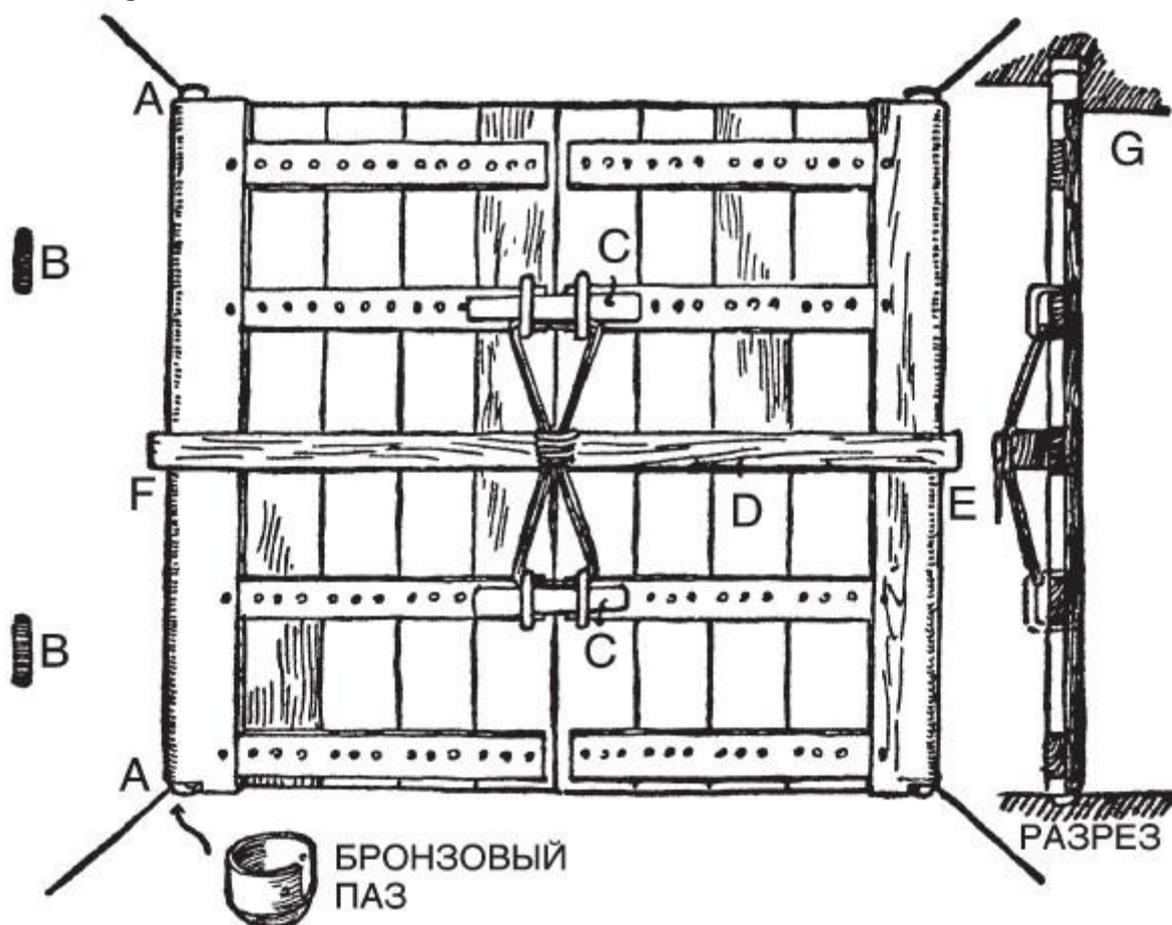

Рис. 45. Внутренний вид Львиных ворот (реконструкция). Бронзовый паз

Время их строительства совпадает с падением Кносса и концом критской гегемонии в Средиземноморье. Создается впечатление, что микенцы старались защитить гробницы, которые к тому времени уже существовали, например «гробница Агамемнона», или же они их спешно соорудили и перенесли туда тела из гробниц за пределами стены (рис. 47).

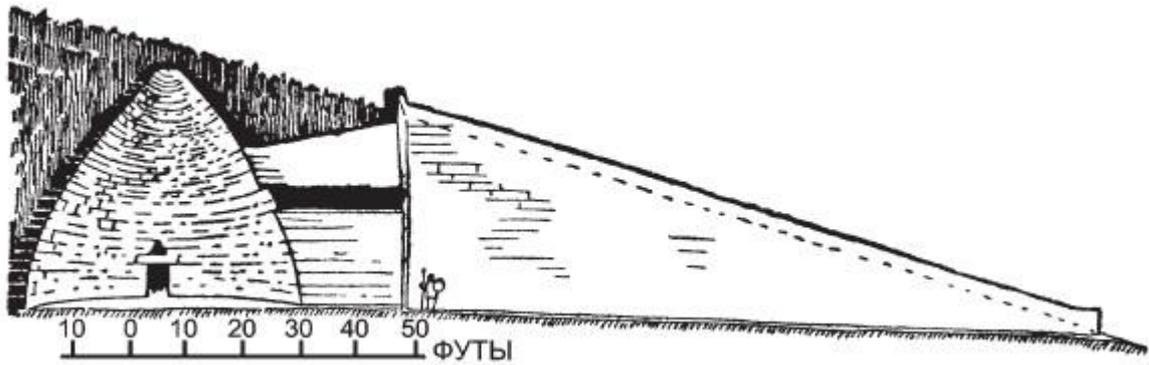

Рис. 46. Разрез «гробницы Агамемнона»

Последняя точка зрения была высказана сэром Артуром Эвансом в его книге «Гробницы Микен». У нас нет возможности проанализировать все приводимые им аргументы, но, если наши читатели склонны считать, что Львиные ворота были построены около 1450 года до нашей эры, а «гробница Агамемнона» примерно на столетие раньше, мы не думаем, что они далеки от истины.

В купольной гробнице в Микенах было найдено семнадцать тел - одиннадцать мужчин и шесть женщин; они были погребены с большим количеством украшений, а их лица были покрыты золотыми масками. На рис. 44 показана золотая пластинка, найденная в одной из гробниц. Очень близким по типу орнаментом украшена и купель англосаксонского времени в Деерхерсте (Глоучестершир). Шлиман полагал, что он обнаружил могилу Агамемнона, и поэтому отправил телеграмму германскому императору: «Я взглянул в лицо самому Агамемнону».

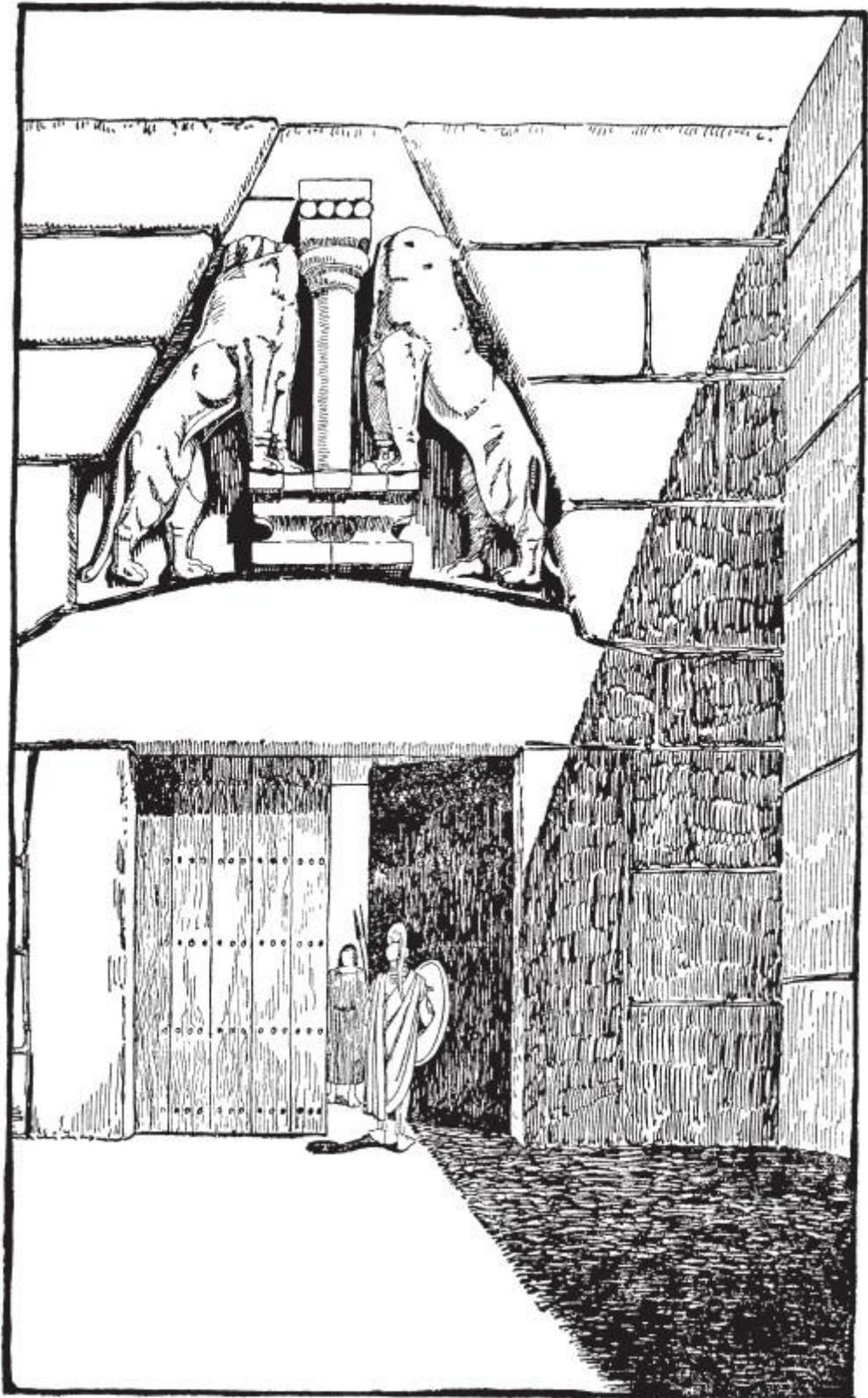

Рис. 47. Внешний вид Львиных ворот в Микенах

Львиные ворота представляют собой прекрасную архитектурную композицию, выражающую мощь и достоинство, а сами львицы представляют интерес в том плане, что они являются первым образцом подобного рода среди произведений древнегреческой скульптуры. Они никогда не были погребены под землей и сегодня стоят так же гордо, как и в тот день, когда их впервые водрузили. Скорее всего, их головы были сделаны из бронзы и крепи-

лись к основанию с помощью штырей, следы от одного из которых видны на шее правого льва. Копию этой композиции можно увидеть в галерее копий Британского музея. Кажется, что строители преднамеренно оставили треугольный проход для того, чтобы уменьшить давление стены на перекрытие, а потом заполнили пространство декоративной композицией в виде львов. Но они напрасно волновались, поскольку перекрытие было достаточно надежным, достигая примерно пяти метров в ширину, чуть больше одного метра в высоту, а также примерно трех метров в глубину. Кладка из громадных камней называется циклопической, поскольку кажется, что создавать подобные сооружения было по силам только громадным циклопам, похожим на уже известного нам Полифема. Следует добавить, что между львами помещена маленькая колонна, выполненная в минойских традициях, которая была украшена резьбой.

На рис. 45 представлен предполагаемый вид Львиных ворот с оборотной стороны. Сами деревянные двери не сохранились, но до сих пор заметны следы от пазов, в которые они помещались, а также следы от засова в точках *E* и *F* и еще следы от двух отверстий, в которые могли помещаться скобы, из которых эти засовы вытаскивались, когда двери открывались. В «Одиссее» можно найти некоторые подробности, проливающие дополнительный свет на устройство подобных дверей. В двадцать первой книге, когда Одиссей готовится к истреблению женихов, он посылает скотника закрыть ворота на засов и вдобавок советует обмотать его веревкой. Двери открывались вовнутрь прохода, и, когда они были закрыты, их невозможно было открыть с внешней стороны, поскольку перемычка в точке *G* опускалась и препятствовала этому. Скотник должен был закрыть ворота против этого ступора и поместить засовы в скобы, обозначенные буквами *C*. Засов *D*, когда дверь открывалась, убирался в глубокий паз в стене (точка *E*), а когда она закрывалась, выдвигался снова и его противоположный конец помещался в более мелкий паз на противоположной стороне в точке *F*. После этого вся эта конструкция обматывалась веревкой. Двери крепились на штырях в точках *AA*. Они должны были быть не очень длинными, так как иначе было бы невозможно установить дверь на место. Поскольку верхние штыри закруглялись, они должны были входить в верхние пазы, а затем вся дверь приподнималась и нижние штыри входили в бронзовые пазы. Еще одна похожая по конструкции дверь была найдена при раскопках в Тиринфе. Двери, подобные этой, изготавливались и в Англии, где их называли *Harthung*. Двери в средневековых замках всегда запирались на засов.

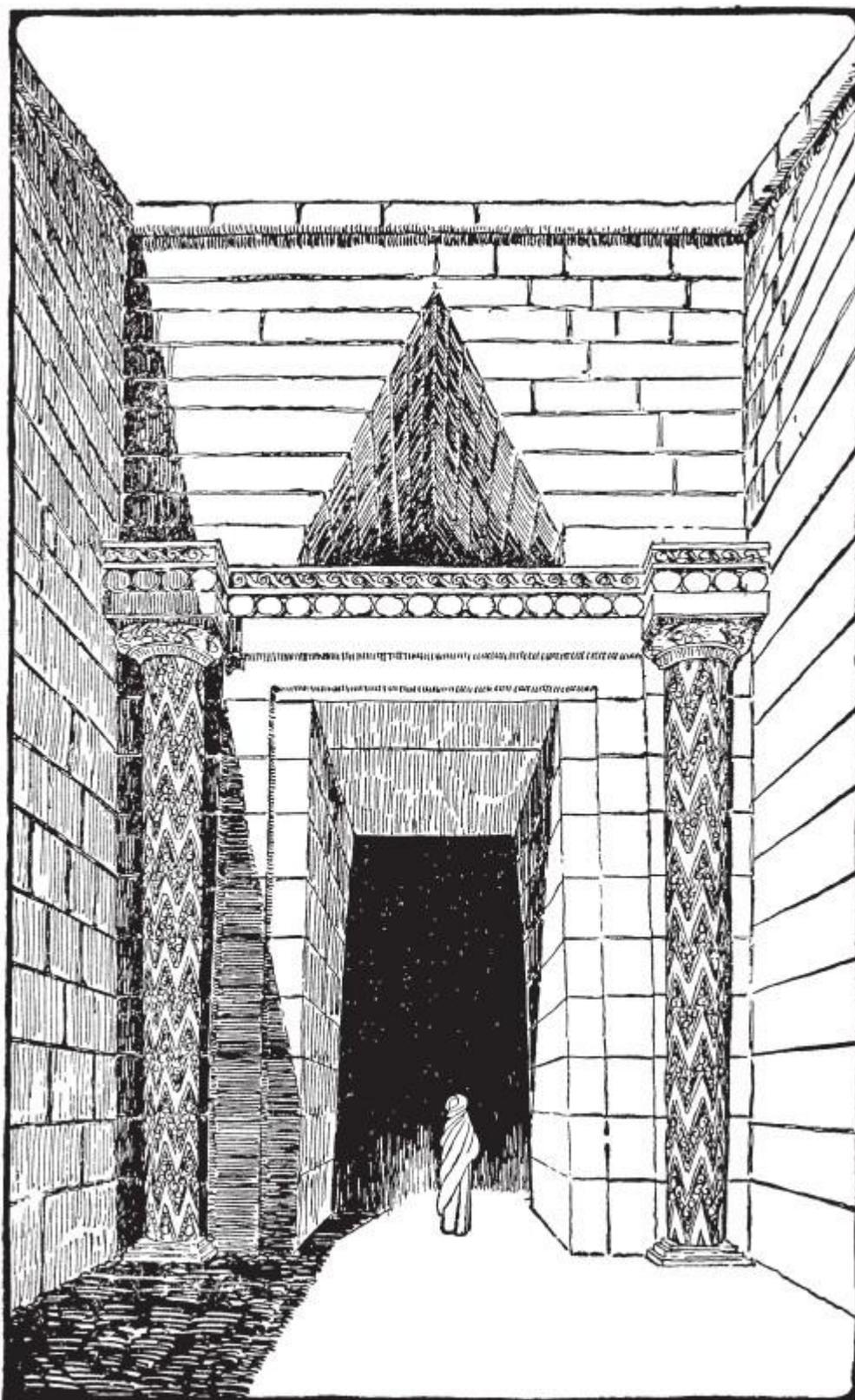

Рис. 48. Гробница Агамемнона

Большая гробница в Микенах, иначе называемая «гробницей Агамемнона» или «сокровищницей Атрея» (его отца), на самом деле была возведена задолго до предполагаемого времени его жизни. Этот тип строений, который, опять-таки, был заимствован с Крита, показан на рис. 46. Длинный проход начинался на склоне холма, с боков он был отделан камнями и заканчивался перед дверью, закрывавшей вход в гробницу. Вход в гробницу с

колоннами по бокам изображен на рис. 48. Отдельные их фрагменты хранятся теперь в зале искусства эпохи архаики Британского музея, а сложный орнамент в виде спиралей и шевронов дает нам некоторое представление о том великолепии, с которым первоначально был отделан вход в гробницу. Вероятно, в треугольном проеме над входом некогда стояла скульптура точно так же, как и на Львиных воротах. Можно получить некоторое представление о размерах перекрытия, если мы скажем, что один из образующих его камней имел почти десять метров в длину, более пяти метров в ширину и полтора метра в высоту, причем он весил не менее ста тонн. На перекрытии и на пороге сохранились следы от пазов, точно такие же, как и на Львиных воротах. Деревянные двери, очевидно, были обиты бронзой.

Через проход можно было попасть прямо под свод купола, который имел около шестнадцати метров в диаметре и высоту более пятнадцати метров. Причем, когда вы находитесь внутри, создается впечатление, что он имеет гораздо большие размеры. Купол образован не изогнутыми камнями, которые по кругу соединяются в центре, а горизонтальными рядами кладки, перекрывающими один другой, причем каждый следующий ряд слегка выступал над предыдущим, пока, наконец, последний камень не перекрывал все остальные. Внутренняя поверхность затем была отшлифована и приобрела тот вид, который она имеет в настоящее время. Поскольку на ней имеется много отверстий от штырей, можно полагать, что первоначально к ней крепились бронзовые украшения. Камни не очень плотно подогнаны друг к другу, поэтому между вертикальными швами имеются пустоты, которые облюбовали пчелы, они беспрепятственно летали взад и вперед через вход в гробницу.

Это, возможно, одна из достопримечательностей, о которой вы должны помнить, отправляясь в Грецию, - громадный свод «гробницы Агамемнона», напоминающей с виду средневековый собор, солнечный свет у входа, переходящий далее в полумрак, и жужжание пчел, отдаленно напоминающее звучание органа.

По всей видимости, при постройке свода пришлось сверху затопить саму гробницу, а затем, после завершения строительных работ, спустить воду.

Теперь мы отправляемся в одно из интереснейших мест Греции - Тиринф. В этом городе, точно так же, как и в Микенах, в 1884-м и 1885 годах производил раскопки Шлиман, которому помогал доктор В. Дерпфельд. В ходе этих работ был открыт великолепный образец укрепленного акрополя. Здесь необходимо пояснить, что это был принципиально новый тип строений, не имевший ничего общего с дворцом в Кноссе, возведенным на равнине и не имевшим никаких оборонительных сооружений. Основываясь на примере знаменитого Акрополя в Афинах, который, вероятно, мог быть сооружен для защиты Парфенона, мы можем полагать, что Акрополь был священным местом, тогда как само слово в переводе означает просто «верхний город». Акрополь в Афинах был самым ранним из сооружений подобного рода. Благодаря работам Шлимана и Дерпфельда в Тиринфе мы можем сделать вывод, что в том и в другом случае такие крепости по своему устройству были очень похожи друг на друга. Совершенно очевидно, что если некоторые строительные особенности в Тиринфе уходят своими корнями еще в минойскую эпоху, то его общий план основан на совершенно других принципах. Это связано с тем, что здесь жил иной народ. Если Кносс находился на юге, то Тиринф - на севере.

Хотя Итака, которая, как считается, могла быть родиной Одиссея, расположена возле западного побережья Греции, для иллюстрации отдельных эпизодов в «Одиссее» могли часто использоваться виды Тиринфа. Создается такое впечатление, что Гомер вспоминал Тиринф, когда в своих поэмах описывал Итаку. Он знал это место, поскольку во второй книге «Илиады» упоминает «крепостенный Тиринф».

Планы, оставленные Шлиманом, обычно используются при описании этого места, но, поскольку многие специалисты считают их не очень достоверными, нам придется приложить некоторые усилия, чтобы восстановить объективную картину, основанную на этом плане и нашем обследовании этого места. Представим себе план Шлимана. Его основу

составляют контуры стен, которые можно наблюдать и сейчас. В этой своей части он не вызывает никаких возражений. Но те строения, которые на этом плане показаны внутри стен, являются результатом творческих усилий самих авторов этой книги, и относительно достоверности отдельных реконструкций могут возникнуть большие сомнения. Тем не менее, будем надеяться, что, даже невзирая на подобные оговорки, предложенная нами реконструкция послужит для наших читателей своего рода панорамой, отдельные детали которой можно дополнить по своему собственному усмотрению.

На рис. 49 представлен общий план с объяснением различных элементов конструкции. Вероятно, вид с высоты птичьего полета, показанный на рис. 50, может оказаться более удобным для нашей цели. Покатый подъем обозначен номером 1, главная башня входа номером 2. Этот подъем устроен таким образом, что, если осаждающие воспользуются им для нападения на город, их правый фланг, не защищенный щитами, оказывается под прицелом лучников, засевших на стенах вверху. Мы должны помнить, что Тиринф - город, служивший убежищем для многих сотен людей. Так, например, из «Одиссеи» мы знаем о том, что свинопас пас своих свиней за пределами города, там же жил и Лаэрт. В минуты опасности эти люди должны были искать защиты за городскими стенами, а также загонять принадлежавший им скот во внешний двор, обозначенный на плане номером 3. Внутри самих стен, имевших в ширину около семи метров, точно так же, как и в средневековых замках, могли размещаться мастерские, хранилища и кладовые. В стене имелись также мощные ворота (4), вращавшиеся в пазах и запиравшиеся на засов точно так же, как и Львиные ворота в Микенах (рис. 45). Через них можно было попасть в длинный и узкий двор, с колоннадой наверху в его левой части, с противоположной стороны этого двора располагался проезд или пропилон (6). Если обратиться к рис. 49, то можно заметить, что он имел центральную дверь с портиками с каждой стороны.

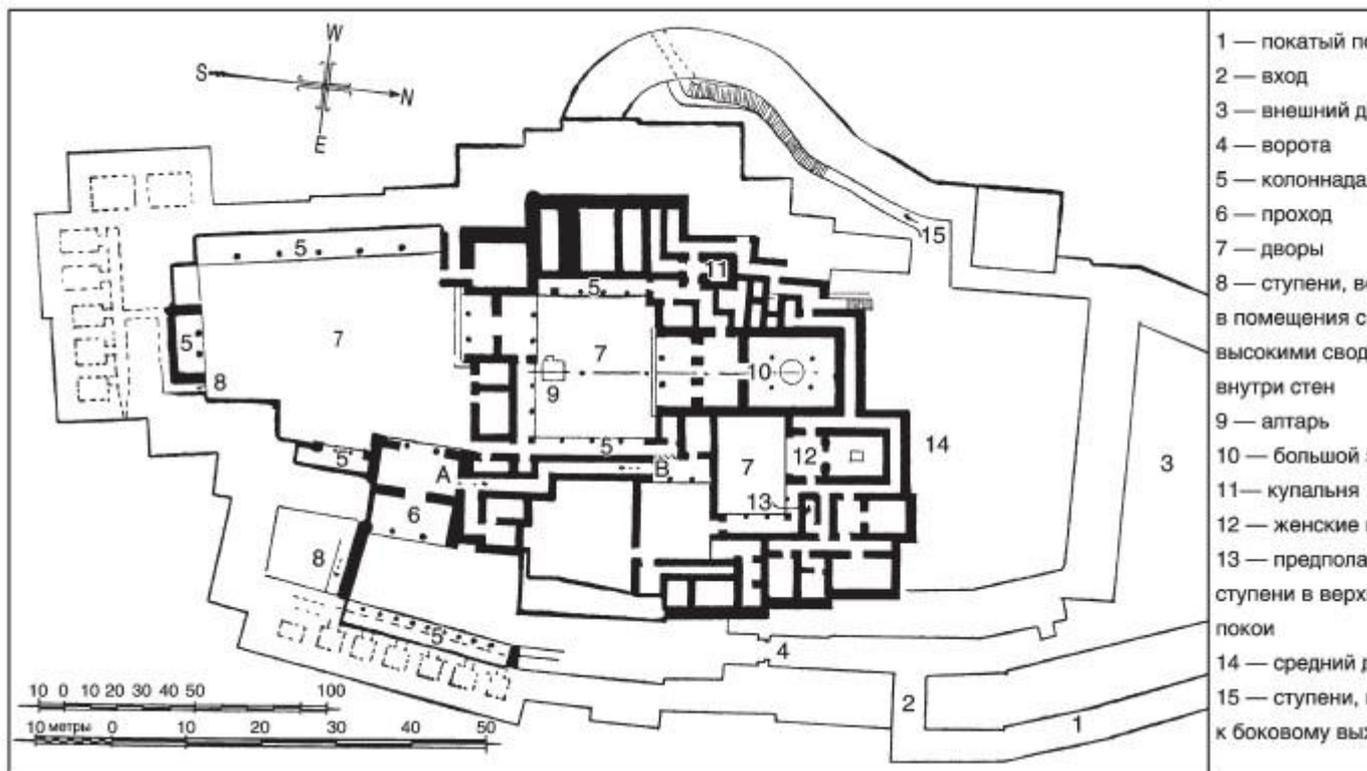

Рис. 49. Общий план Тиринфа, основанный на исследованиях Шлимана и Дерпфельда

Этот проход представляет собой значительный интерес, поскольку от конструкции подобного типа произошли все подобные сооружения в Греции, в том числе и пропилеи в Афинах. Архитекторы называют планировку этого проезда «дистиль в антах», имея в виду две колонны, стоящие между антами. Анты имеют и пилястры по боковым стенам. Необ-

ходимо отметить, что от внутреннего портика этих ворот через переход, обозначенный на рис. 49 точками А и В, обычно попадали в женские покои.

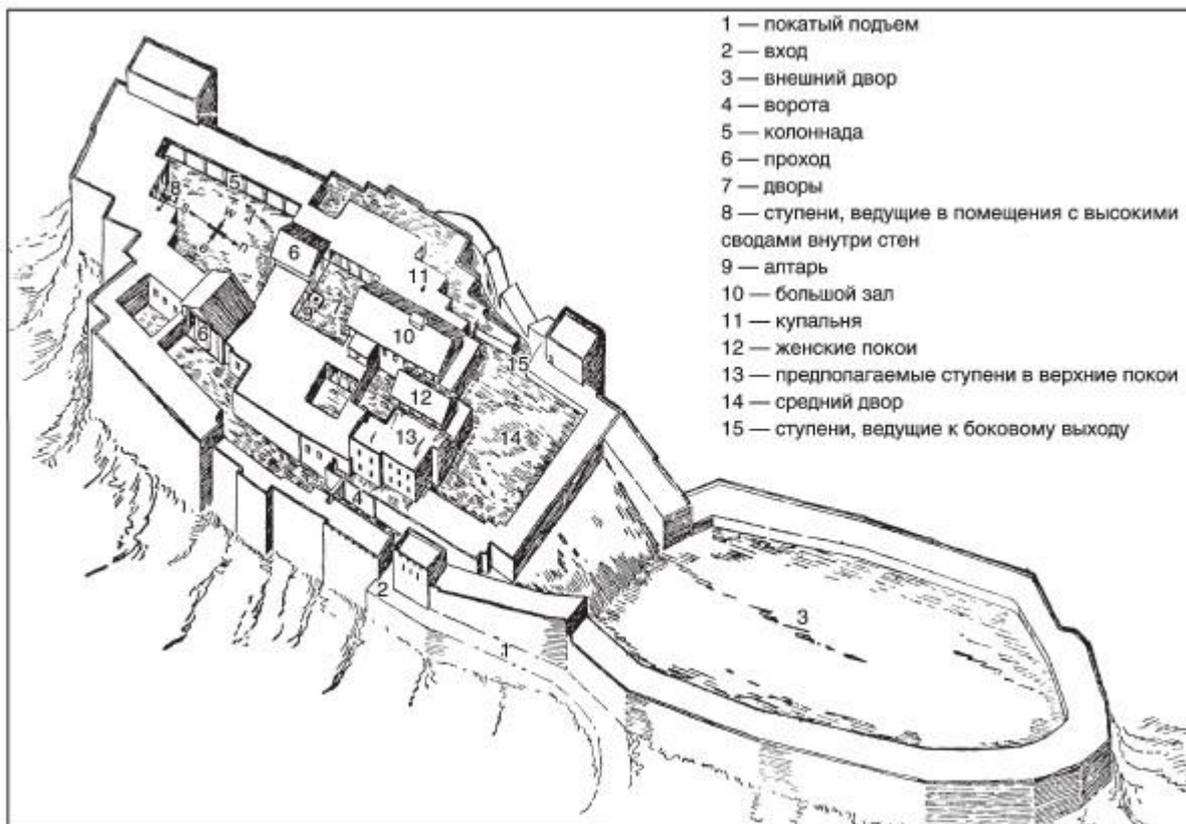

Рис. 50. Вид на Тиринф с высоты птичьего полета, с северо-востока (реконструкция)

Через этот проход в Тиринфе можно было попасть и в другой двор, окруженный колоннадами или галереями (5). Очевидно, они использовались в качестве загон для скота. В двадцатой песни «Одиссеи» скотник пригоняет скот, предназначенный для пира, и загоняет его тщательно в закут. Если бы еще и свинопас пригнал своих свиней, то тогда любой может понять, почему автор называет их «шумными». В любом случае скот должен был находиться где-то под рукой, поскольку животных приносили в жертву непосредственно перед пиршеством. Наши читатели не должны быть введены в заблуждение тем, что на рисунках все выглядит чисто и аккуратно. Очевидно, на самом деле Тиринф был не очень опрятным местом. Гуси жили прямо во дворе и клевали пшено из кормушки, а старый пес Аргос, который самым первым узнал своего хозяина, был найден им лежащим на куче навоза, оставшейся от мулов и коров. Легкие колесницы могли заезжать прямо во двор. Как мы помним, когда Телемак прибыл вместе со своим спутником в Спарту, они освободили коней из-под ярма и отвели их в конюшню, дав им полбы и ячменя, а затем поставили свою колесницу напротив выезда из города.

С внутреннего двора открывался доступ в покои с очень высокими сводами, расположенными прямо в толще крепостных стен. На рис. 51 можно увидеть, что при их строительстве применялись те же самые строительные приемы, что и при строительстве «гробницы Агамемнона» в Микенах. Своды образованы за счет выступающих вперед горизонтальных рядов кладки, а не по принципу арки. Мы предоставляем возможность нашим читателям самим разобраться в том, для чего служили эти помещения. Если они находятся в унылом настроении, то могут их себе представить как ужасную темницу для несчастных узников, а если они находятся в более приятном расположении духа, то могут их считать просто складами для оливкового масла и вина, подобные которым были и в Кноссе.

Когда Тиринф был заброшен и его стены начали осыпаться, внутрь них стали забредать овцы, и со временем скот протоптал тропинку в помещения, располагавшиеся внутри восточной части крепостной стены. Овцы постоянно терлись своими маслянистыми шкурами о шершавые стены и постепенно так их отполировали, что создается впечатление, будто они сложены из мрамора.

Мы можем теперь покинуть внутренний двор через другой пропилон в его северной части, который ведет к центральной площади города. Там располагался мегарон, или мужской дом, с колоннадой на внешнем фасаде. В южной части площади, по прямой линии от мегарона, располагался алтарь. Здесь приносились в жертву животные и их освежеванные туши, после приношений божествам, забирались в мегарон, где и готовились в пищу.

Теперь, вероятно, нам следует обратиться к рис. 52, на котором и показан со всеми возможными подробностями мегарон, бывший центром города. На плане видно, что он разделен колоннадой на три части. Сначала идет портик, затем прихожая, а следом и собственно дворец. Здесь имелся центральный очаг, точно так же, как и в укреплениях, получивших распространение на территории Шотландии в XIV веке, с тем только отличием, что вождь сидел на троне у стены дворца, как это описано в «Беовульфе», а не на помосте в его конце, как в упомянутых нами укреплениях на территории Шотландии. Мы считаем вполне вероятным, что в верхней части прихожей могла располагаться галерея.

Следует упомянуть и о купальне, расположенной в западной части мегарона, в нее можно было попасть прямо со двора или же через прихожую. К востоку от мегарона, практически примыкая к нему, располагались женские покои, имевшие собственный двор, а к востоку от них находились личные покои местного правителя. Они имели двери, обозначенные на рис. 52 буквой E, помещение для стражи так что Пенелопе не так легко было бы появляться во дворце, когда ей вздумается. Она вряд ли могла попасть во дворец по линии *GH*, однако пройти подобным путем в купальню или же к ступеням, ведущим в сад в северной части крепости, а также к боковому выходу, вполне возможно.

Нам кажется, что дворец в Тиринфе чем-то напоминает дворец, описанный в «Беовульфе». Его обитатели спали во дворце прямо с оружием в руках, но при этом король Хротгар имел свой личный покой. Точно так же и в «Одиссее» упоминается о том, что Пенелопа спала в верхних покоях, до которых можно было добраться по лестнице, аналогичной той, которая на рис. 49 обозначена под номером 13.

Теперь уже невозможно определить точное назначение всех остальных помещений, раскопанных Шлиманом, но мы должны помнить, что по современным представлениям в доме должны жить мать, отец, дети и прислуга. В древние времена под одной крышей могли также проживать еще дедушки и бабушки, дядюшки и тетушки и другие члены одного рода.

Продолжая общее описание Тиринфа, отметим, что на рис. 53 город показан с юго-запада. Под номером 14 обозначен средний двор, где располагался сад, который, вероятно, был в личном пользовании у вождя. Доступ в него был возможен только по ступеням, шедшим позади мегарона или по проходу, ведущему к ним от женских покоев. Здесь Пенелопа могла бы гулять, а Одиссей, если бы он захотел, подобным образом мог бы покинуть город и отправиться на охоту по ступенькам, ведущим вниз, к боковому выходу, обозначенному под номером 15.

Вновь оказавшись за пределами города, мы можем перевести дух и осмотреть стены. Они привлекали внимание людей еще в древности. Павсаний, который жил во времена римского императора Марка Аврелия⁵ и написал один из самых ранних в истории путеводителей, сетовал на то, что люди в его время пишут о пирамидах, но «ни словом не обмолвятся о стенах Тиринфа, которые, тем не менее, заслуживают всяческого восхищения». Камни, из которых они сложены, имеют громадные размеры, многие из них достигают от двух до трех метров в длину, около метра в ширину и также около метра в толщину. Они были грубо обтесаны и скреплены глиняным раствором. Скала, на которой возведен Тиринф, возвышается над окружающей равниной примерно на двадцать метров. В седьмой

книге «Одиссеи» говорится о том, что длинные и высокие стены города феаков сверху венчала еще и ограда.

Вернемся снова в мегарон. Кажется, что он имел деревянную обшивку, проходившую поверх нижних каменных стен (см. разрезы на рис. 52). Зазоры между деревянной обшивкой закрывались досками, а затем стены покрывались штукатуркой и украшались настенной росписью. Ее фрагменты были найдены во время раскопок. Крыша над дворцом и портик над центральным залом поддерживались с помощью деревянных колонн, от которых сохранились основания. Полы были обмазаны глиняным раствором, поделены линиями на квадраты и раскрашены в белый и красный цвета. Из портика в прихожую вели три двери, укрепленные в пазах, но проход из прихожей в центральный зал, очевидно, закрывался только занавеской. Все эти предположения могут вызывать легкие сомнения, но, когда мы перейдем к описанию крыши, они уже становятся не легкими, а очень даже сильными.

Рис. 51. Помещения с высокими сводами внутри городских стен Тиринфа

Подобно двум великим державам - Лиллипутии и Блефуску, которых Гулливер застал во время войны, шедшей уже в течение тридцати шести лунных месяцев по причине спора о том, нужно ли разбивать яйца с острой или тупой стороны, так и ученые, занимающиеся классическими древностями, разделились на два лагеря по вопросу о крышах Тиринфа. Одни говорят, что они были плоскими, а другие утверждают, что они были покатыми и имели фронтоны. Авторы, хотя и не являются специалистами в этой области, больше склоняются к последней точке зрения.

Гомер писал свои поэмы спустя много столетий после окончания Троянской войны, а стены Тиринфа были возведены задолго до ее начала. Вполне возможно, что дорийцы, ко-

торые вторглись в Грецию после завершения Троянской войны и еще до рождения Гомера, принесли с собой обычай возводить покатые крыши с фронтонами на концах. Мегарон Тиринфа, очевидно, стал прототипом древнегреческого храма с покатой крышей, украшенной различными архитектурными деталями. В «Илиаде» и «Одиссее» можно найти много упоминаний о крышах с фронтонами, которые имелись как у просто высоких домов, так и у дворцов с высокими крышами. Это может указывать на то, что Гомер имел в виду именно покатые крыши.

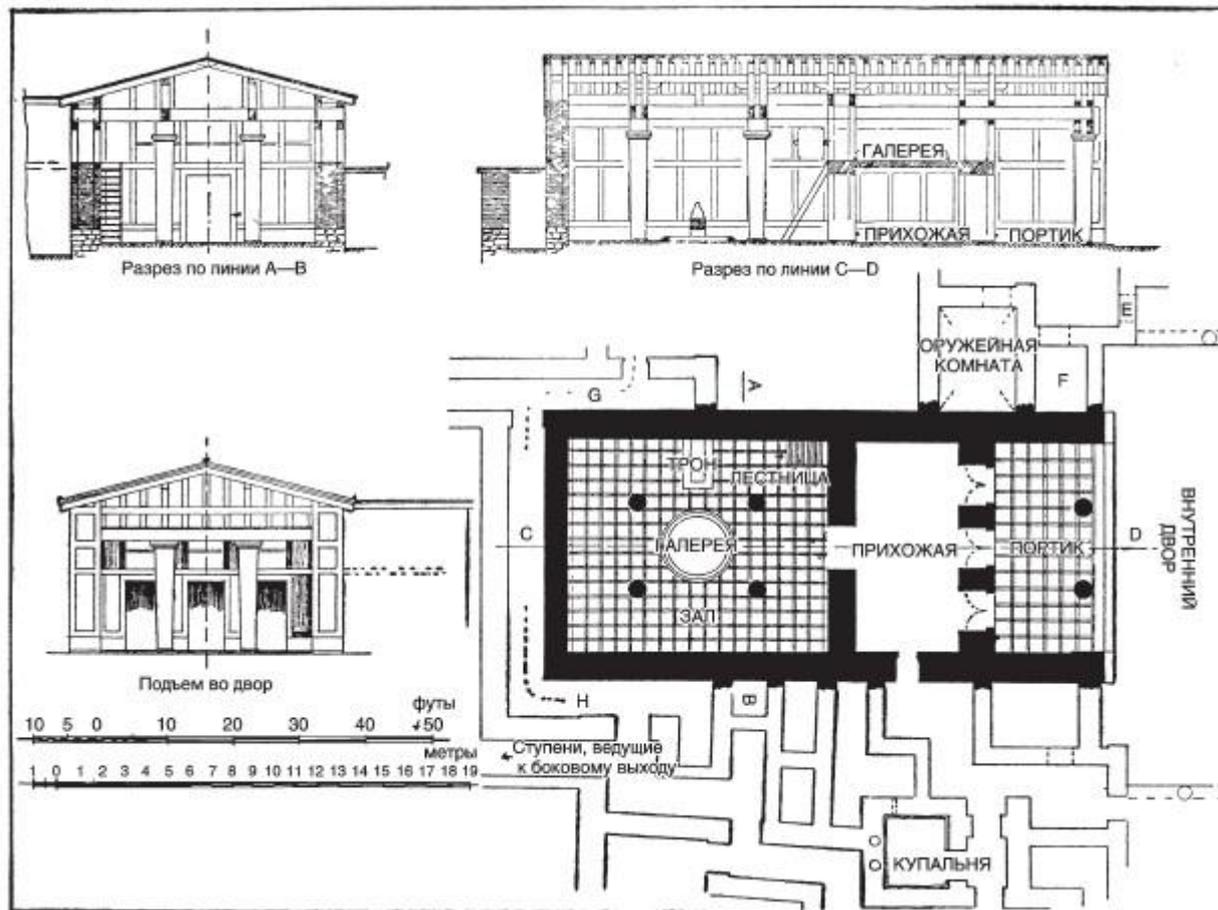

Рис. 52. Реконструкция большого дворца (мегарона) в Тиринфе

Против подобной точки зрения можно привести один аргумент. В десятой книге «Одиссеи» говорится о том, что Эльпинол отправился спать на крышу дворца Цирцеи и, внезапно разбуженный, упал вниз и сломал себе шею. Сторонники наличия плоских крыш полагают, что этот эпизод подтверждает их точку зрения, но так ли это на самом деле? Мы не рискнули бы утверждать это категорически, поскольку Эльпинол, увы, был пьян, а в таком состоянии он мог вполне отправиться спать и на покатую крышу. Итак, мы полагаем, что крыши дворцов были покатыми и покрывались сверху черепицей или соломой. Например, солома была использована для покрытия хижины, которую мир-мидоняне возвели для Ахилла. Крыши прочих сооружений Тиринфа были, скорее всего, плоскими, и трудно сказать, какие еще покрытия, помимо отмеченных выше, они могли иметь. На рис. 54 представлен предполагаемый вид мегарона с внешней стороны, а на рис. 55 - изнутри.

Здесь мы вновь вынуждены предупредить наших читателей относительно достоверности приводимых рисунков. Внутреннее убранство мегарона могло состоять из гораздо большего числа вещей, чем нами показано. Высокие колонны могли быть украшены прислоненными к ним копьями, а на стенах могло висеть другое оружие. Мы знаем, что Одиссей убрал оружие из зала перед тем, как начал истребление женихов. Вдоль стен размеща-

лись лежанки и сиденья, покрытые овчинами, и перед ними стояли трехлапые столики. Сундуки использовались для хранения одежды.

Гости спали на лежанках, стоявших в прихожей, располагавшейся под колоннадой. Когда Телемак прибыл в Спарту, он устроился на ночлег таким же образом («Одиссея», песнь четвертая). Отсюда гости легко могли добраться до купальни, в которой стояла ванна, подобная той, которая показана на рис. 58. Вода для ванны подогревалась в большом котле.

Покои Телемака описаны в первой книге «Одиссеи». Согласно этому описанию, они возвышались над просторным двором. Он ложился спать при свете факелов, вешал свою тунику на крючок и засыпал на сдвинутых лавках, завернувшись в овечью шкуру. Старая няня Эвриклея прислуживала ему, и, когда она уходила, он запирали ее изнутри. В двадцать первой песни говорится о том, что, когда Пенелопа отправилась искать лук Одиссея, она взяла ключ, ослабила узел и, вставив ключ, затем вытащила засов.

На рис. 59 показаны оригинальные дренажные трубы из обожженной глины, которые использовались в Тиринфе. Они выглядят не так современно, как округлые трубы с плотным соединением, найденные в Кноссе сэром Артуром Эвансом.

Перейдем теперь к описанию продуктов питания и процесса еды. Мы уже знаем, что жертвоприношение было важнейшей частью этой церемонии, практически то же самое, что и выражение благодарности в наши дни. Алтарь находился во дворе, обязательно напротив портика. Здесь животных, с соблюдением определенных церемоний, убивали и совершали подношения богам. Затем куски мяса приносили в дом и, нанизав на вертел, жарили их на очаге в центре зала, подкидывая в него дрова из кедра и сандалового дерева. Здесь же запекались желудки животных, наполненные кровью и жиром. Древние греки их именно жарили, а не отваривали. Женщины мололи ячмень и пшеницу в ручных мельницах, чтобы приготовить мужчинам еду, прием которой был их любимым развлечением. Когда Телемак отправился на корабле в Пилос, он взял с собой оливковое масло, вино и ячменную муку. В четвертой книге можно найти подробное описание того, какую еду он получил по прибытии в Спарту.

В двадцатой песни «Одиссеи» имеется интересное описание того, как служанки прибирали дом Одиссея, чистили столы скребками, подметали пол, а также мыли посуду.

Гомер достаточно много уделяет внимания тем обязанностям по дому, которые выполняли женщины. Так, например, Навзикая отправилась на речку стирать белье, где она его как следует прополоскала. В двадцать второй книге «Илиады» рассказывается, что троянские женщины стирали белье в каменных корытах, находившихся вблизи реки. Наверняка у них не было мыла и, скорее всего, они использовали что-то наподобие жирной глины для лучшего отстирывания белья.

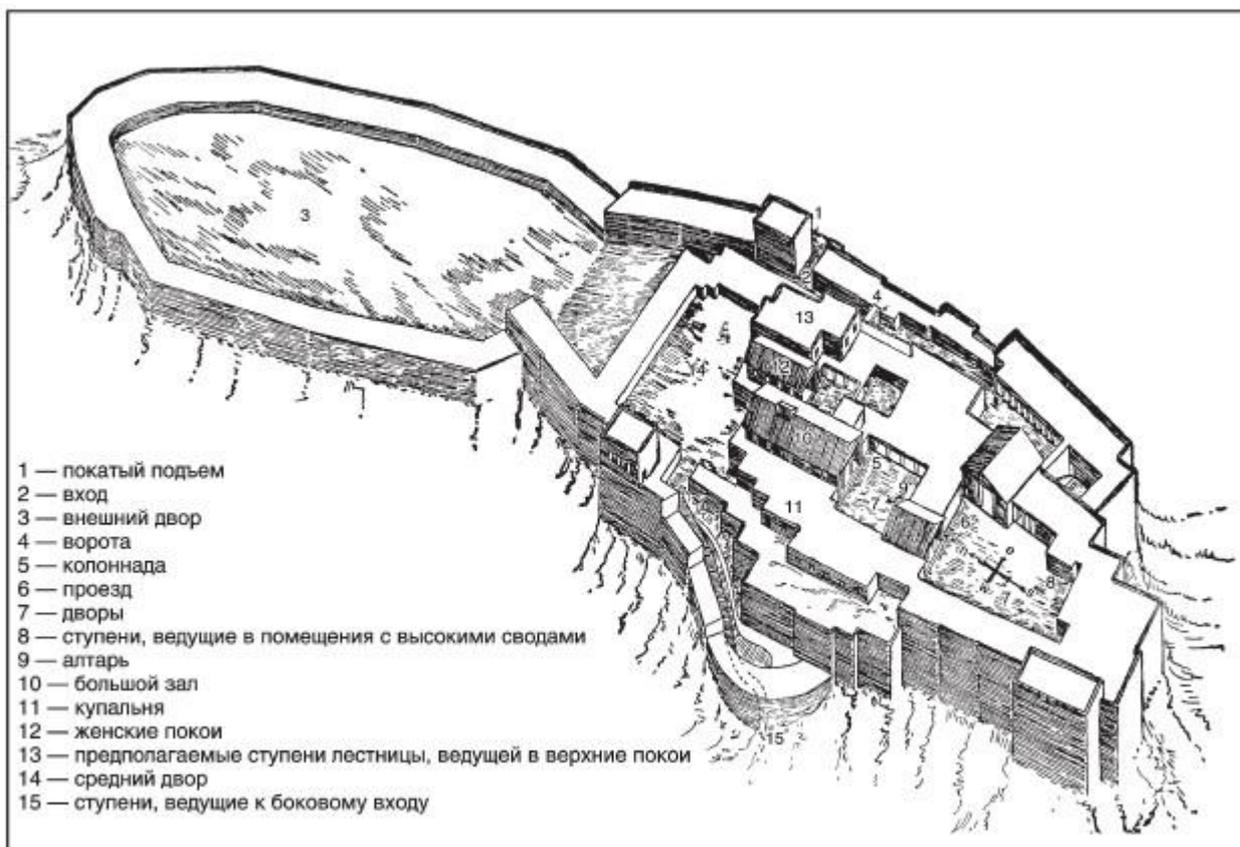

Рис. 53. Взгляд с высоты птичьего полета на Тиринф с юго-запада

Кроме того, для женщины обязательным умением было шить одежду. Для начала шкуры очищали, затем красили. Шерсть вычесывалась и взбивалась, потом ее тщательно прочесывали гребнем, при этом волокна взбитой шерсти растягивались на максимально возможную длину⁶. На рис. 33 представлен не просто интересный, но еще и красивый фрагмент керамики, на котором показан процесс прядения. Сама прялка изготовлялась так, чтобы ее можно было закрепить выше колена. Оригинал этого рисунка хранится во втором зале античных ваз Британского музея. Небольшой фрагмент росписи вазы показывает нам процесс сучения нити, сбоку от пряжи можно также разглядеть небольшую изящную корзинку. Затем начинался собственно процесс прядения, которым занимались пряжи. На рис. 34, взятом с чернофигурной вазы, видно, как это делалось. Веретено изготовлялось из отполированного дерева, имело около тридцати сантиметров в длину и чуть больше сантиметра в диаметре, а также небольшое колесико, которое, по-видимому, облегчало процесс прядения. Прялку было принято держать в левой руке, а в ладони зажимали немного расчесанной шерсти. Она пропускалась через прялку и протягивалась руками до тех пор, пока не становилась достаточно длинной для того, чтобы ее можно было намотать в углубление, имевшееся в верхней части веретена. Затем через нее пропускалась шерсть, которая превращалась в нить. Затем нить наматывали на веретено, и процесс прядения продолжался. В четвертой книге «Одиссеи» можно найти упоминание о том, что у Елены было золотое веретено с шерстью фиолетово-голубого цвета, а также серебряная корзинка на колесиках, куда помещалась готовая пряжа. В шестой книге мать Навзикаи, сидя со своими служанками возле очага, прядла шерсть с пятнами цвета морской волны.

Гомер неоднократно упоминал и о таком роде занятий, как ткачество. Ткачи стояли перед ткацким станком и ходили взад и вперед вдоль него, используя челнок на уровне груди и пропуская через катушку горизонтальные нити.

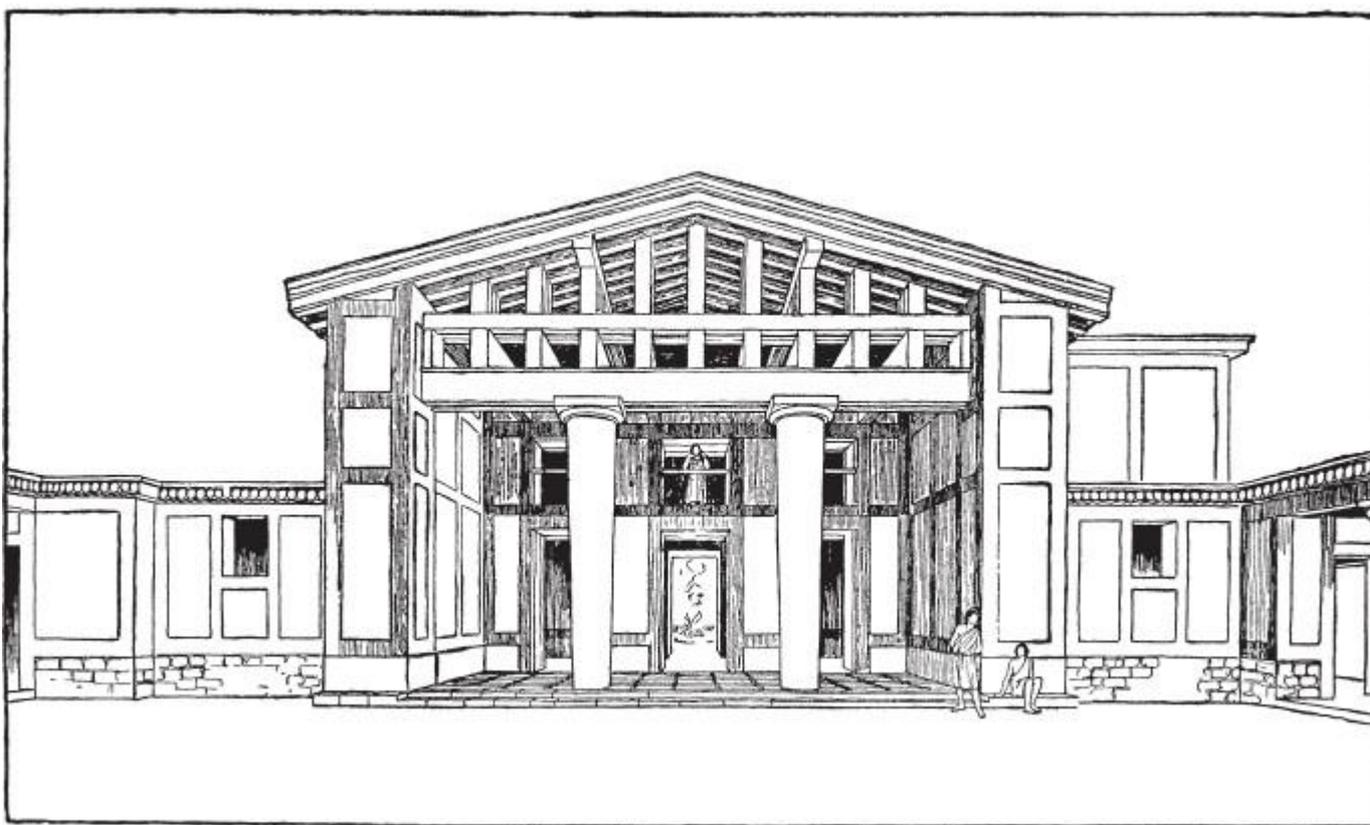

Рис. 54. Внешний вид мегарона в Тиринфе (реконструкция)

Если бы Гомер знал, что мы захотим реконструировать устройство ткацкого станка, вероятно, он сохранил бы для нас больше подробностей; но судя по тому, что нам все-таки известно, по всей видимости, Пенелопа использовала ткацкий станок со спускающимися вниз нитями (на рис. 35 показана реконструкция станка такого типа, основанная на рисунке с древнегреческой вазы). Мы должны напомнить нашим читателям, что ткачество чем-то напоминает штопку. Вертикальные линии являются основой, а горизонтальные, которые пропускаются между ними, наслаиваются на основу. Как это происходило, показано на разрезах, представленных на рис. 35. Нити основы спускались вниз с вращающейся катушки, на которую наматывалась готовая ткань, затем разделялись с помощью особого устройства, которые можно видеть на разрезе А. Здесь имелся зазор, через который челнок, несущий наслаивавшиеся нити, мог проходить, причем они должны были переплетаться с теми нитями, которые проходили через челнок. Это делалось с помощью другого специального приспособления (разрез С), которое присоединялось к ткацкому станку, должно было чередоваться с нитями основы и вынималось после каждого прохода челнока, что позволяло проходить следующей нити.

Выясняется, что ткацкие станки с аналогичной конструкцией использовались и в Англии на протяжении бронзового века.

Материал, который получался в результате работы ткацких станков, шел на изготовление одежды и использовался почти без отходов. У Гомера имеется не так много упоминаний об одежде. Когда Одиссей рассказывает свинопасу о своих приключениях, он упоминает и о том, что во время ночной вылазки воины были одеты в накидки и туники, спали, прикрывшись щитами, кроме того, дополнительно они иногда надевали кожаные передники.

Далее, когда Одиссей первый раз после своего возвращения встречается с Пенелопой и еще до того, как он открылся ей, сам же сообщает, что якобы встречался с Одиссеем во время странствий. Пенелопа, для того чтобы проверить его, спрашивает, во что он был одет. Тот ей рассказал, что Одиссей носил двойную накидку, которая застегивалась с по-

мощью золотой бляшки, имевшей два крючка. Бляшка была выполнена в виде собаки, державшей в своих лапах трепетную лань. Под накидкой он носил тунику.

Женская одежда во многом напоминала те наряды, которые можно увидеть на древнегреческих статуях позднеархаического периода. Поверх туники греки облачались в хитон. Это был просто отрез материи, примерно равный по длине росту женщины, а по ширине равный размаху ее рук. Верхняя часть хитона покрывала голову, затем ткань дважды оборачивалась вокруг тела, драпировалась вокруг плеч и крепилась с помощью застежек. Более подробно остановиться на вопросе об одежде того времени мы собираемся в следующей нашей книге.

Если Гомер мало писал об одежде, то некоторым образом он восполняет этот пробел исключительно подробным описанием оружия. Необходимо помнить о том, что Гомер, по всей видимости, описывал оружие своего времени, а не то, которое на самом деле могли использовать герои Троянской войны. В третьей книге «Илиады» дается подробное описание доспехов Париса во время его схватки с Менелаем. Сперва Парис надевает поножи. Они представляли собой тонкие полоски бронзы, выкованные так, чтобы могли плотно облегать ноги, но открытые сзади, поэтому их можно было просто натягивать. Держались они только за счет эластичности металла, из которого были изготовлены. Панцирь состоял из двух листов бронзы, скрепленных на боках у воина.

По описаниям Гомера эти доспехи напоминают те, которые мы можем видеть на статуе из Додоны в Берлине. В Британском музее имеется копия, с которой мы и сделали зарисовку, представленную на рис. 12. На ней можно разглядеть ранний тип коринфского шлема, имевшего выступ, защищавший нос, а также нащечники. Щит во времена Гомера изготовлялся из бычьей кожи. Воин из Додоны держит в руке так называемый беотийский щит, форма которого, как предполагается, образована путем натягивания кожи на основу, сделанную из закругленных перекрещивающихся брусьев, еще один брус крепляет их в центре. Сверху эта основа покрывалась плотно облегающей ее кожей, которая и придавала щиту характерную форму.

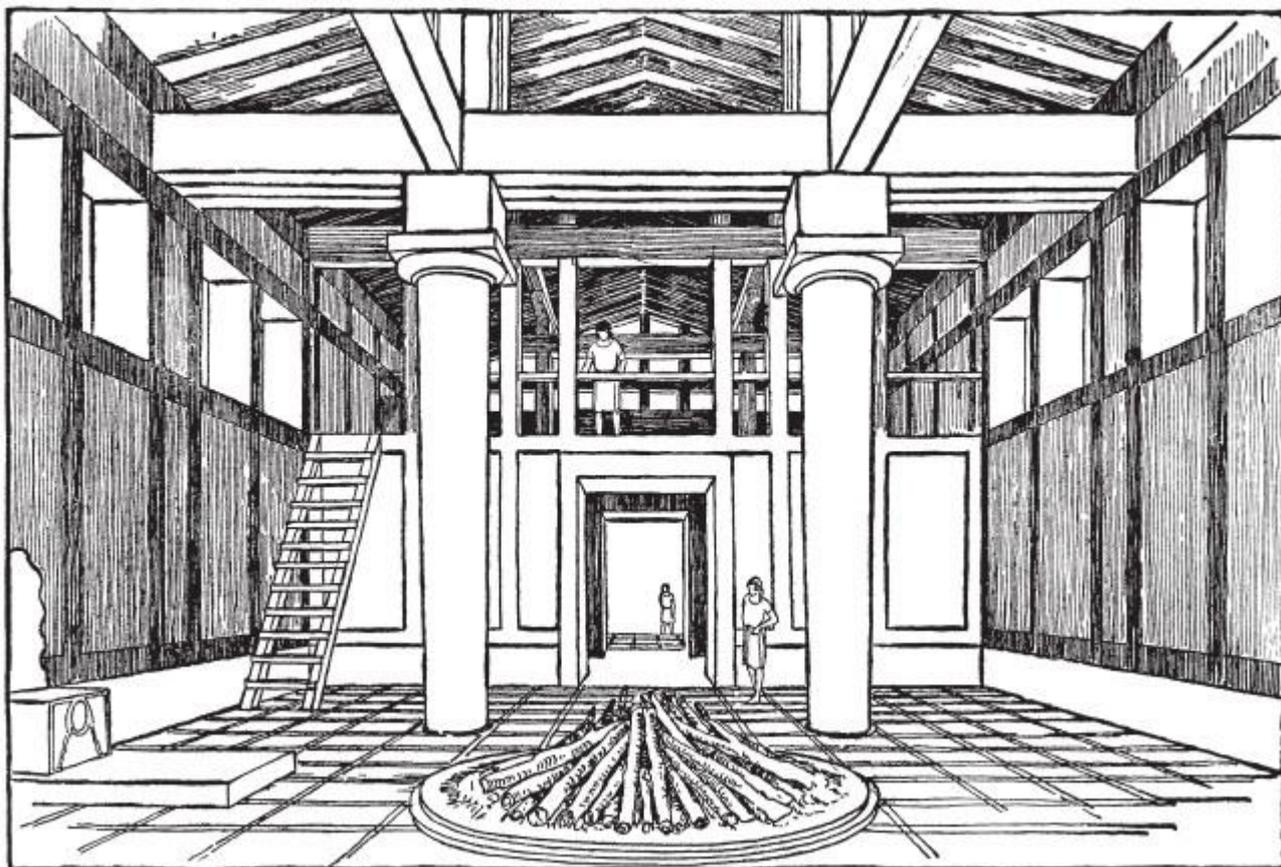

Рис. 55. Внутренний вид мегарона в Тиринфе (реконструкция)

На рис. 56 показаны некоторые предметы вооружения из бронзы микенского периода, которые хранятся в Британском музее. Так принято называть цивилизацию, которая получила дальнейшее развитие в материковой Греции после падения Кносса.

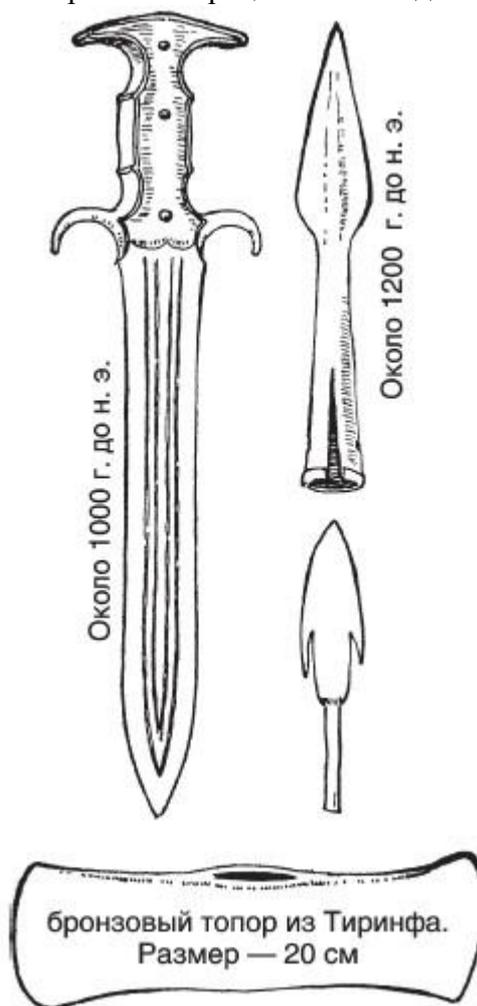

Рис. 56. Оружие микенского времени

Меч отличается большим изяществом. Наконечники копий очень напоминают те, которые использовались на территории Англии в бронзовом веке. В этом можно убедиться, если перейти из зала, где представлены экспонаты, посвященные быту греков и римлян Британского музея, в зал истории ранних обществ этого же музея. Мы читаем «Илиаду» и думаем о той жизни, которая в ней описана, как о чем-то исключительно далеком и чуждом нам. Посещение Британского музея поможет вам понять, что это не совсем так. Как в «Илиаде», так и в «Одиссее» упоминается только оружие из бронзы, а о железе говорится как о чем-то исключительно редком и дорогим. Но в то время, когда жил сам Гомер, оно уже прочно вошло в повседневный обиход. Впервые его стали использовать в Греции около 1200 года до н. э., или же за 750 лет до того, как бритты переселились в Британию⁷.

Приемы боя, описанные Гомером, сильно отличаются от тех, которые получили распространение в античный период и о которых мы можем прочитать на страницах труда Фукидида. В четвертой книге «Илиады» сообщается о том, что Нестор впереди выстроил в одну линию колесницы, а за ними расположилась пехота. Трусы были согнаны в середину. Колесницы противоборствующих сторон быстро перемешались друг с другом, и сражение превратилось в череду отдельных поединков между соперниками. Очевидно, только благодаря счастливой случайности подобный способ ведения битвы мог привести к ка-

кому-нибудь существенному результату, и, возможно, именно поэтому Троянская война длилась так долго.

Рис. 57. Бронзовый светильник микенского производства, найденный на Кипре

Все это было учтено ко времени Фукидида, и в том сражении, которое описывает он, противники строились друг против друга в одну линию и пытались использовать всю боевую мощь. Опасность такого способа ведения боя заключалась в том, что правому краю фаланги трудно было оставаться неподвижным по той простой причине, что щит воины держали в левой руке и, таким образом, правый бок у них оставался незащищенным. Поэтому, прикрывая его, они вынуждены были сдвигаться вправо, оголяя тем самым левый фланг.

Во времена Гомера в сражениях активное участие принимали лучники. Из четвертой книги «Илиады» мы узнаем о Пандаре и его луке, сделанном из рогов, каждый длиной в шестнадцать ладоней, искусно соединенных вместе. Это отнюдь не означает, что лук был изготовлен только из двух рогов. Вполне очевидно, что из сделанного подобным образом лука было бы невозможно стрелять, так как рога серны для этого были мало приспособлены. Предполагается, что лук, описанный Гомером, был составной, такой же формы, как и лук Купидона. Он получил широкое распространение на громадных просторах Азии от Китая до Турции. Подобный лук представлен на рис. 11. Его основа была деревянной, и к ней с внешней стороны крепились полоски рога. С внутренней стороны наматывались сухожилия, защищенные кусочками коры или кожи. Когда лук не был натянут, его части можно было разъединить, как это показано пунктирной линией на рисунке. Вот почему Пенелопа упоминает именно изогнутый лук Одиссея. Рога должны были придавать луку упругость, а сухожилия - гасить трение. Вот почему Одиссей оставил свой лук дома - поскольку сырой морской воздух мог крайне неблагоприятно на нем сказаться. Это также объясняет уловки, которые хотели применить женихи, пытаясь натянуть лук. Антиной приказал козопасу разжечь огонь, а также принести кусок жира, так как он надеялся, что жар и смазка сделают лук более упругим. На рисунке можно увидеть, как Одиссей в конце концов натягивает его.

В книге «Метательные приспособления древних», написанной сэром Ральфом Пейн-Геллвеем, имеется интересная глава, посвященная описанию турецкого лука. Из нее можно узнать следующие подробности. Высота натянутого лука достигала чуть более метра. Персидские, индийские и китайские луки этого же типа были крупнее. Составная конструкция турецкого лука требовала применения весьма значительного давления для того, чтобы согнуть роговые пластинки, находившиеся на внешней поверхности, и намотать сухожилия. Теперь становится понятным, почему женихи испытывали такие затруднения, пытаясь натянуть лук Одиссея. Из него пускали стрелы длиной примерно 0,75 метра, а по весу они равнялись двум шиллингам и одной монете в шесть пенсов, вместе взятым. Шелковая тетива оттягивалась с помощью большого пальца и удерживалась в такой позиции указательным пальцем, а затем отпускалась, когда убирались оба пальца. Дальность полета увеличивалась за счет использования небольшого желобка, находившегося рядом с большим пальцем левой руки, державшей лук. За счет этого стрела получала дополнительное ускорение.

Сэр Ральф ПейнГеллвей сообщает некоторые интересные подробности относительно дальности стрельбы турецкого лука. Некий Махмуд-эфенди, бывший секретарем турецкого посла в 1795 году, посылал стрелу на расстояние в 480 ярдов. Турецкий лук, которым он пользовался, ныне хранится в Королевском токсософическом обществе. Считается, что прославленные турецкие лучники XVII и XVIII столетий могли посылать стрелы на расстояние от 600 до 800 ярдов. Сэр Ральф называет расстояние в 340 ярдов как наилучший официально зафиксированный результат для английского большого лука, а в среднем английские лучники средневекового времени могли послать стрелу на расстояние от 230 до 250 ярдов. Лично он, используя турецкий лук, смог добиться дальности в 421 ярд.

Представляется также вполне вероятным, что во времена Гомера греки, если цель находилась на сравнительно близком расстоянии, предпочитали метать в нее копья. Если бы они как следует оценили все достоинства лука Пандара, они вполне могли бы покорить не только Трои, но и весь земной шар, изменив тем самым ход истории.

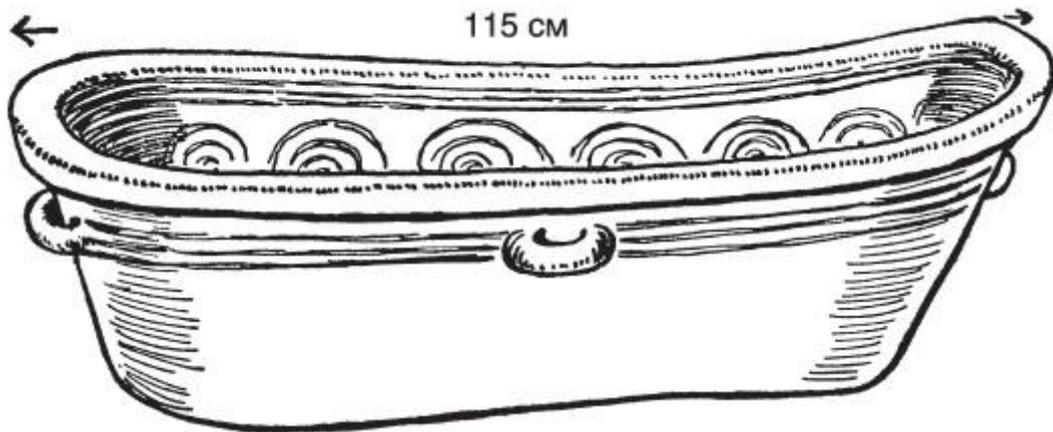

Рис. 58. Ванна из Тиринфа

Лук Одиссея был сделан таким образом, что Пенелопа могла устроить состязание между женихами, и его подробности являются предметом постоянных споров между исследователями творчества Гомера. Это состязание организовал Телемак. Для начала он выкопал канавку и установил в ней двенадцать дубовых жердей, очевидно, типа тех, что используются в кораблестроении, только с кольцами наверху. Затем Телемак выровнял жерди по прямой линии и притоптал землю. Женихи даже не смогли натянуть лук, но затем его взял Одиссей и не только натянул его, но и послал стрелу, которая пронзает все двенадцать колец. Это было его любимое развлечение перед тем, как он отправился на войну, поэтому, собственно говоря, Пенелопа и затеяла это состязание, чтобы узнать, есть ли среди женихов хоть кто-нибудь, равный ее мужу.

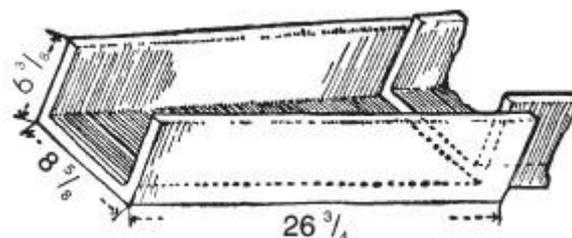

Рис. 59. Дренажная труба из обожженной глины, найденная в Тиринфе

В «Одиссее» говорится о том, что во время стрельбы Одиссею приходилось несколько отступить назад, поэтому можно считать значительным достижением то, что его стрела прошла через все двенадцать колец.

Представляется, что это сделать крайне сложно, даже если бы кто-нибудь тренировался на протяжении длительного времени.

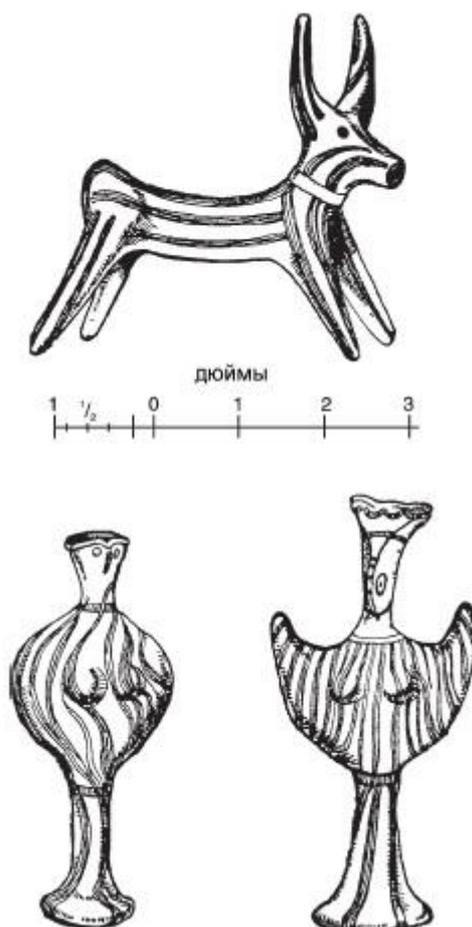

Рис. 60. Микенские статуэтки

Вероятно, во времена Гомера корабль строился на открытых верфях. Сначала сооружалась нижняя часть судна, а затем наращивались борта и кормовая часть. На следующем этапе необходимо было установить корпус судна на подпорках и закрепить его. Строящееся судно крепилось к подпоркам с помощью досок, но затем, когда устанавливались шпангоуты, подпорки можно было убрать. Подобная сцена, судя по всему, была хорошо знакома Гомеру. При работе чаще всего использовался топор того же типа, что указан в позиции А на рис 37. Подобный топор показан на рис. 56, он был найден при раскопках и в Тиринфе.

Теперь нам хотелось бы обратиться к вопросу о колесницах на войне и в мирное время. Нестор разместил колесничих на передней линии во время битвы, а Телемак отправился на колеснице в Спарту. По всей видимости, самое лучшее описание колесницы можно найти в пятой книге «Илиады». Когда Гера отправляется на помощь грекам, она надевает на лошадей золотую упряжь. Колесница имела восьмиспичные медные колеса, их ободы были сделаны из золота, кроме того, сверху их покрывала бронза, ступицы были серебряными, а оси из железа. Днище кузова было застелено плетенкой, чтобы уменьшить силу толчков во время езды, к кузову также крепилось двое поручней. От него отходило серебряное дышло, и для начала, вероятно, на нем надо было завязать золотое ярмо, потом продеть золотую упряжь и завести под нее коней.

Рис. 61. Микенская керамика

В двадцать четвертой песни «Илиады» описывается воз, запряженный мулами, в котором Приам везет Ахиллу выкуп за тело Гектора. В данном случае кузов был съемным и в случае необходимости его надо

было крепить к каркасу. Ярмо имело сверху бляху и крепилось с помощью колец, оно также имело привязь длиной около трех метров и покоилось на самом конце гладкого дышла. Затем трижды бляху ярма обмотали кругом, напоследок прочее все обвязали, концы же узла подтянули. В вазовой живописи обязательно обозначена прямая линия, проходящая над осью, как в позиции *A* на рис. 13. В семнадцатой песни упоминается о специальных подушечках, которые должны были препятствовать натиранию лошадей крупы, когда они находились под ярмом. Обычно в колесницу запрягалось по паре лошадей. Телемак запрягал двойку лошадей во время путешествия в Спарту, то же самое сделали и колесничие во время погребальных игр, устроенных в память о Патрокле. Они описаны в двадцать третьей песни «Илиады». На чернофигурных вазах VI столетия до нашей эры обычно изображались колесницы, запряженные четверкой лошадей, точно так же, как и на диаграмме *B* рис. 13. В данном случае, кажется, под ярмом стоит только та пара лошадей, которая находилась в центре. В таком случае возникает вопрос относительно того, как запрягались две лошади, находившиеся по бокам. Современные скульпторы, как правило, преодолевают подобные трудности тем, что обозначают следы от хомута, вальков конной упряжи или же поперечины, как это показано в позиции *C* на рис. 13. Однако в вазовой живописи подобные элементы не отмечены, и, по всей видимости, не так-то и легко было на самом деле соединить этих лошадей с легким кузовом колесницы.

Рисунки на чернофигурных вазах, когда на них лицом к зрителю представлена колесница, запряженная четверкой лошадей, дают некоторый намек на то, что они управлялись с помощью вожжей, которые можно различить в местах, обозначенных крестиками на разрезе *B* рис. 13. Они хорошо видны сбоку, проходя между первой и второй лошадьми, а также между третьей и четвертой лошадьми. Крепились вожжи к передней части колесницы, как это показано на разрезе *D* рис. 13. Короткий ремень, протянутый от крупы корен-

ного рысака к ярму, не давал ему возможности отклоняться в сторону вместе с другими лошадьми.

Коренные рысаки упоминаются в шестнадцатой песни «Илиады», но, что довольно удивительно, только один раз. Патрокл предлагает Автомедону запрячь лошадей, коня по кличке Педас в качестве коренного, а Ксанфа и Балина по бокам. Педас был убит во время битвы и с хрипом упал на землю, а двое других лошадей взбрыкнули, и упряжь начала трещать. По всей видимости, это подтверждает высказанные нами ранее предположения. Необходимо отметить, что колесницы имели очень широкую базу для колес, делалось это для того, чтобы повысить их устойчивость во время езды на большой скорости.

В поэмах часто упоминаются различные игры. Женихи Пенелопы играли в шашки, сидя на воловьих шкурах. Другим их развлечением было метание дисков и дротиков. Когда Телемак посетил Менелая в Спарте, он застал пир в самом разгаре; присутствовавших развлекали два акробата, исполнявшие номера под аккомпанемент сказителя, аккомпанировавшего им на лире.

Мы уже говорили о том, что Навзикая играла с мячом, а также упоминали о состязаниях в беге, борьбе и кулачных боях, которыми феаки развлекали Одиссея. Сам Одиссей отличился в метании громадных камней.

Говорили мы также и о рыбаках, которые, сидя на выступающих скалах, забрасывали в море удочки с прикрепленными к леске грузилами и крючками из кости или бронзы.

Теперь мы получили некоторое представление о том, как люди жили в городах типа Тиринфа, Микен и Афин, намерены обратиться к описанию сельской жизни. Тем самым хотелось бы напомнить о здоровом образе жизни. Человек приобщается к цивилизации, проживая в городе и общаясь с другими людьми, но его постоянно тянет за город, где он восстанавливает свои силы.

В двадцать четвертой песни «Одиссеи» рассказывается о том, что Одиссей отправился в усадьбу своего отца Лаэрта, чтобы сообщить ему о своем прибытии. Тот сам себе построил дом, в котором и жил, а вокруг него располагались хижины его рабов. Рядом с домом имелся большой сад и виноградник, устроенный на террасах. Одиссей напомнил своему отцу о деревцах, которые тот ему подарил, когда он был еще маленьким; у него было тринадцать груш, десять яблонь, сорок смоковниц и пятьдесят рядов с виноградом.

В четырнадцатой книге «Одиссеи» имеется великолепное описание дома свинопаса, построенного им самим. Он был отстроен высоким и располагался в таком месте, откуда открывался великолепный обзор. Дом с прихожей был посреди широкого двора, обнесенного белой колючей изгородью, вившейся поверх каменного основания.

Все это было окружено еще одним забором, а на дворе располагалось двенадцать загонov, в каждом из которых находилось по пятьдесят свиней.

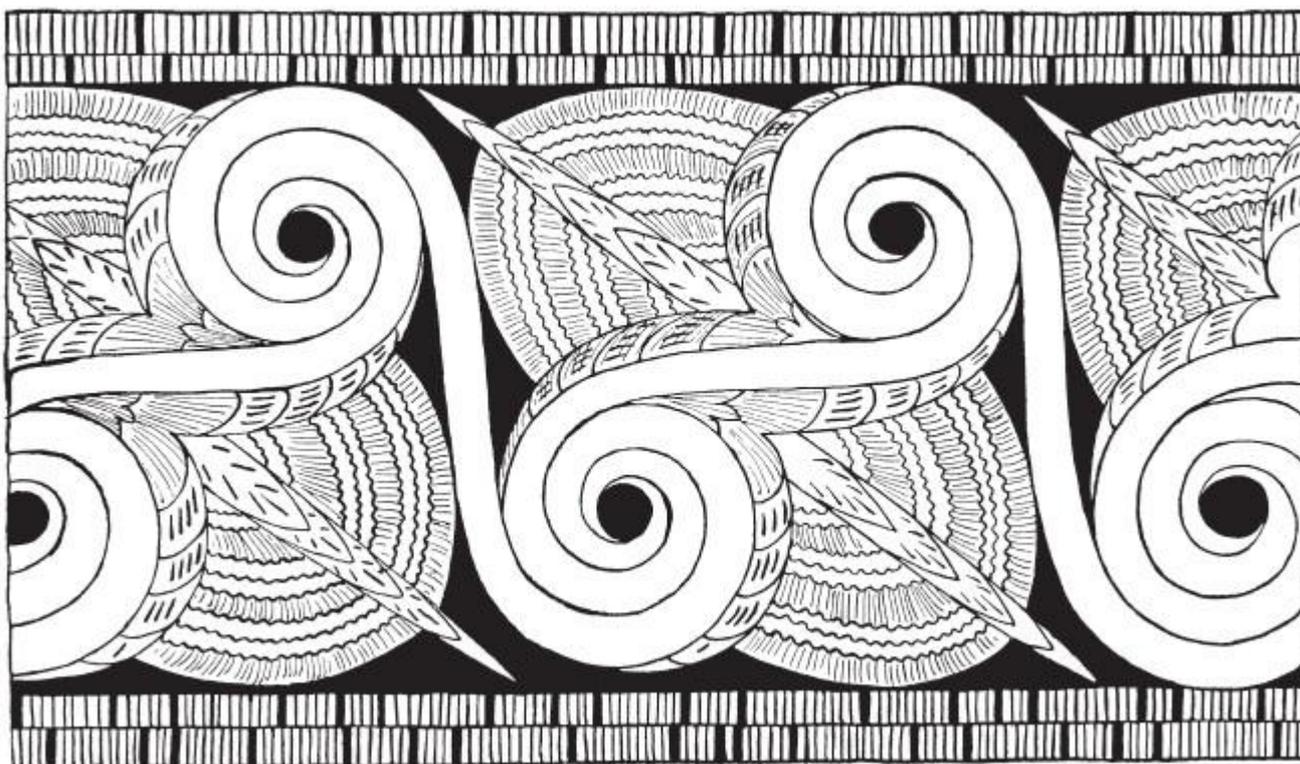

Рис. 62. Декоративная роспись стены из Тиринфа, выполненная в красном, белом и желтом цветах

Такое впечатление, что дом свинопаса как бы списан с терракотовой модели дома, найденной в погребении VIII века до нашей эры в Аргосе. Поскольку здание датируется VIII веком до нашей эры, оно является как бы промежуточным звеном между мегароном XIV века в Тиринфе и Парфеноном в Афинах, который относится уже к V веку до нашей эры. Между тремя зданиями существует более глубокая внутренняя связь, чем это может показаться на первый взгляд. Мегарон в Тиринфе был некогда домом для живых людей, хижина в Аргосе была жилищем для мертвого, а Парфенон был именно домом для богини, а не храмом, в котором собираются верующие. Все три здания имели центральный зал, портик перед ним, а кроме того, они выполнены в сходных строительных традициях и у них показаны крыши. Тот тип здания, который впервые возвели ахейские строители в Тиринфе, нашел воплощение в античном греческом храме, и в дальнейшем его влияние можно проследить даже в формах раннехристианских базилик позднеантичного времени на территории Восточной Римской империи. Его влияние не замечено в римском жилом строительстве, но этот тип зданий был привнесен в Англию во всей его изначальной простоте саксами. Начиная с «темных веков» и вплоть до эпохи Ренессанса в XVI столетии, люди жили в зданиях того же типа, что и обитатели Тиринфа, что лично нам кажется весьма любопытным.

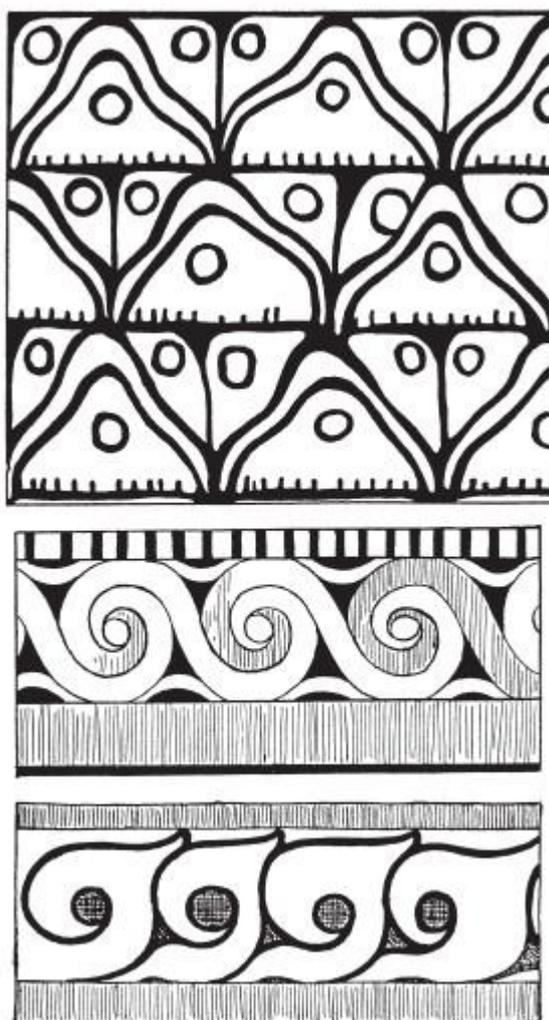

Рис. 63. Декоративная роспись стены из Тиринфа, выполненная в красном, белом и желтом цветах

В двадцать четвертой песни «Илиады» имеется описание высокой хижины, построенной мирми-донями для Ахилла. Она была возведена из сосны и покрыта соломой, накошенной на лугу. Хижина располагалась посреди двора, обнесенного оградой, в которой имелся проход. Дверь в воротах запиралась на засов, он был таким большим, что его могли сдвинуть только три человека.

Труды Гесиода очень помогают разобраться в зарисовках сельской жизни, представленных в «Илиаде» и «Одиссее». Его поэмы создавались в период времени между 750-м и 700 годами до нашей эры, а самый известный труд называется «Труды и дни». Он адресован младшему брату Персесу, имевшему дурные наклонности и не жалавшему проводить все свои дни в трудах. Поэмы Гесиода заслуживают самого пристального внимания, поскольку в них можно найти не только интересные подробности повседневной жизни того времени, но они также являются свидетельством зарождения нравственности. При их написании Гесиод, помимо своего собственного жизненного опыта, мог опираться только на поэмы Гомера. Последние были Библией для древних греков, своего рода Ветхим Заветом. Боги в них предстают сварливыми и продажными. Гесиод осознал необходимость создания Нового Завета, и его творения, созданные за восемь столетий до рождения Христа, пропитаны христианским духом. Именно в его сочинении «Теогония» и в поэмах Гомера нашли отражение распространенные в то время представления о богах, их жизни и трудах.

Вначале упоминается Зевс, верховный бог, сын Кроноса и Реи, его женой была Гера. Он ведал делами людей, и знаком его являлась молния. Гера была женской богиней, и обычно ее изображали с высокой, богато украшенной короной на голове.

Посейдон, Аид, Гестия и Деметра приходились Зевсу братьями и сестрами. Посейдон, грозное морское божество, был женат на Амфитрите, изображали его стоящим с трезубцем и тунцом. Аид - бог царства мертвых, с женой Персефоной. Гестия - богиня домашнего очага, а Деметра - богиня плодородия.

А вот Афина родилась из головы Зевса, и эта сцена неизменно привлекала внимание вазописцев. Богиню принято было изображать со щитом в руке, она также считалась покровительницей искусств. Сын Зевса Аполлон был богом огня, и обычно его изображали с луком и лирой в руках, его сестра Артемида тоже носила с собой лук и колчан. Посланец богов Гермес носил с собой особый жезл. Дионис был богом вина и виноградарства, а Афродита - богиней любви, спутником ее являлся Эрот. Ее муж Гефест был богом огня и кузнечом, а Арес - богом войны. Общаться с богами можно было и без посредничества жреца. Любой мог к ним обращаться, хотя, как правило, жертвы богам приносил глава семейства, а семейный очаг являлся местом, где произносились молитвы. Домашний очаг был священным местом, и иногда в городах возле святилищ образовывались громадные скопления золы, которым придавалось сакральное значение⁸.

Римляне отождествляли своих богов с греческими: Зевса они стали называть Юпитером, Геру - Юноной, Посейдона - Нептуном, Аида - Плутоном, Гестию - Вестой, Деметру - Церерой, Афины - Минервой, Артемиду - Дианой, Гермеса - Меркурием, Диониса - Бакхом, Персефону - Прозерпиной, Афродиту - Венерой, Гефеста - Вулканом, а Ареса - Марсом.

Однако оставим в стороне этот вопрос и вернемся к труду Гесиода «Труды и дни», прежде всего для того, чтобы получить некоторые конкретные сведения о повседневной жизни того времени. Из него мы можем, например, узнать, когда рыбак, он же и земледelec, готовил свою лодку к зиме. Оказывается, что в ноябре, поскольку в это время он начинал пахать поле. Персесу было сказано, что если он хочет добиться успеха, то должен пахать полосами, сеять полосами и жать полосами. Землю опять надо было перепахивать весной и обрабатывать летом. Последнее утверждение относилось к земле, которая оставалась под паром, и помогает нам понять одно место в пятой книге «Одиссеи», где упоминается трижды перепаханное поле.

Гесиод описывает два типа плуга. В одном из них ручка плуга и собственно рало представляли собой одно целое. В другом типе ручка была дубовой, рало делалось из падуба, а дышло из бука или вяза, а затем они соединялись. Гомер упоминает как раз о сборном плуге. Через конец дышла проходил дубовый колышек, и ярмо присоединялось к нему с помощью кожаного ремня. Мулы считались более приспособленными для пахоты, чем во-лы, а возраст в сорок лет считался идеальным для пахаря; пищей ему служила квадратная по форме буханка хлеба, которая делилась на восемь частей. Зерно рассыпалось человеком, следующим за плугом, а затем присыпалось землей шедшим за ним мальчиком с мотыгой. Мотыги до сих пор применяются в Греции и Италии, и больше всего они похожи на большую тяпку, другой тип напоминает вилы, насаженные на рукоятку точно так же, как и тяпка. Мотыги в современной Англии больше всего по виду похожи на кирку, только острие у последней по форме напоминает резец, один из ее концов находится на прямой линии с рукояткой, а другой расположен к ней под углом в 90°. В восьмой книге «Одиссеи» говорится о том, что длина борозды, которую мул мог пропахать на поле, находившемся под паром, без отдыха, составляла восьмую часть мили, которая впоследствии стала использоваться как единица измерения длины. В двенадцатой песни «Илиады» имеется другое упоминание о том, что один человек использовал на поле межевые столбы: расстояния между столбами, межами и прутьями стали обычными единицами измерения длины.

Урожай собирали в начале мая, его жали серпами, а не косами.

Зерно, бобы и горох обмолачивали на молотилке с помощью волов. Ветреный день использовался для их провеивания, и это делалось путем подбрасывания шелухи и зерна широкой лопатой. Шелуха относилась ветром в сторону, тогда как зерно падало на пол.

Сельскохозяйственных рабочих поощряли строить себе хижины летом. Только после сбора урожая земледелец, согласно Гесиоду, мог позволить себе немного расслабиться. Он устраивал пикник в тени скал, угощаясь легким, хорошо пропеченным пирогом, козьим молоком, а также телятиной или мясом козленка. Очень ценилось вино из Библоса, но один кубок вина размешивался в трех кубках воды.

Виноградную лозу принято было обрезать ранней весной, а сено и солому на подстилки скоту косили между сбором урожая и сбором винограда в сентябре. Виноград раскладывали на солнце и сушили в течение десяти дней, затем еще в течение пяти дней сушили в тени, потом помещали под давящий пресс, откуда виноградный сок стекал в чаны. Осенью валили лес, из него изготавливались деревянные ступки и пестики, оси для повозок, деревянные молотки, а также детали для плуга. Изогнутые куски падуба использовались для изготовления рала. Среди инструментов, которые Калипсо дала Одиссею для строительства плота, упоминаются топор, тесло и сверло. Они изготавливались из бронзы, точно так же, как и инструменты, которыми пользовались строители Микен и Тиринфа. В «Одиссее» упоминается еще один любопытный инструмент - бурав, с помощью которого Одиссей выколол глаз Полифему. Он вращался с помощью ремня, то есть был устроен практически на тех же принципах, что и проколки, которые встречаются еще в эпоху палеолита; с их помощью обрабатывались шкуры животных. Затем подобные буравы использовались в раннем железном веке, они употребляются и до сих пор. Эти описания могут заинтересовать наших читателей, а может быть, и нет, на всякий случай извиняемся за излишнее многословие, но, например, для нас представляется исключительно интересным то обстоятельство, что мы, выйдя из дома, можем найти человека, изготавливающего ножку для кухонного стула с помощью тех же самых приемов, которыми некогда был выколот глаз у Полифема. Поля снова и снова перепахиваются в ноябре.

Трудно сказать, как одевались люди во времена Гомера, поскольку на этот счет не сохранилось никаких изображений. Если, к примеру, обратиться к росписям чернофигурных ваз, то на них представлены люди уже в одеяниях VI века до нашей эры. Гесиод описывает зимний наряд земледельца VIII века до нашей эры. Длинная одежда спускалась до земли, поверх нее надевалась накидка, сотканная из горизонтальных и поперечных нитей. Сандалии изготавливались из воловьей кожи и с внутренней стороны отделялись войлоком. Во время промозглой зимы носили плащи, сделанные из козьих шкур и скрепленные между собой воловьими жилами. На голову надевали шапки из мягкого войлока.

Гомер рассказывает нам о том, как обрабатывались кожи. Шкура крупного быка помещалась в жир, а затем крестьяне, стоя по кругу, вытаскивали шкуру и растягивали ее в стороны, насколько это было возможно. Таким образом в шкуре открывались все поры, из нее выходила влага и вытекал жир.

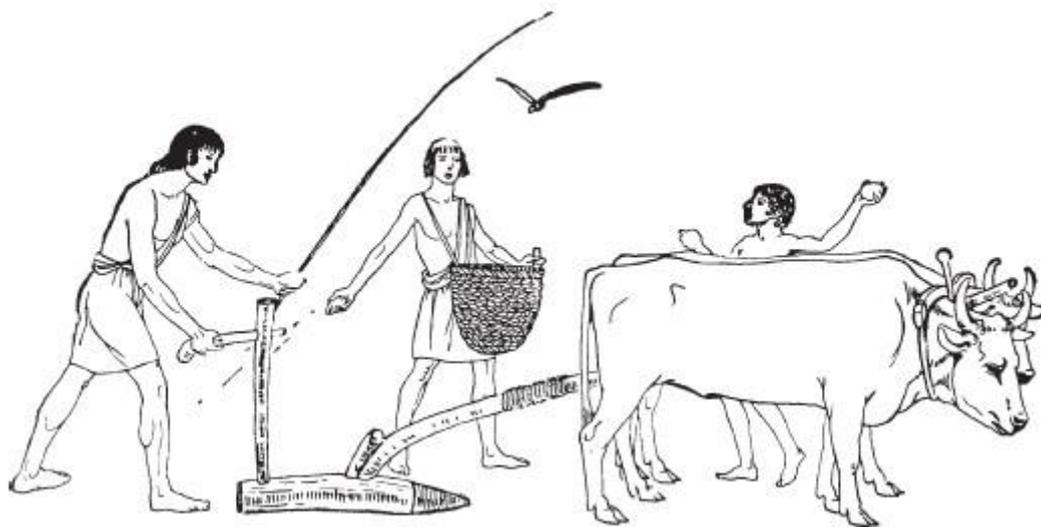

Рис. 64. Пашня

Гесиод полагал, что земледелец не должен жениться до тридцати лет, для женщины же лучше всего было выходить замуж в девятнадцать лет, причем за невесту надо было платить выкуп. Ифидам, убитый Агамемноном во время Троянской войны, отдал сто овец и обещал отдать еще тысячу козлов и овец за свою жену. Гесиод советует земледельцу не переправляться через реку до тех пор, пока он не помолится богам и не омоет свои руки в водах. Если ты начал строительство дома, то не должен бросать его незавершенным, иначе в нем поселятся вороны. Некоторые работы лучше всего выполнять в определенные дни месяца. Первый, четвертый и седьмой дни каждого месяца считались священными. Одиннадцатый день лучше всего подходил для стрижки овец, двенадцатый - для жатвы; этот же день считался наиболее благоприятным для работы на ткацком станке, чем и следовало воспользоваться женщинам. Не следовало сеять в тринадцатый день месяца, но в этот день можно было высаживать рассаду. Можно было заняться молотьбой в семнадцатый день, и этот же день считался благоприятным для строительства мебели, кораблей и тому подобного.

Вы заканчиваете читать труд Гесиода с ощущением того, что если даже он был и неплохим человеком, то уж точно порядочным занудой. Небольшое развлечение должно было заставить Персея работать усерднее. Дневная рыбалка должна была сделать его лучше.

Гесиод также сообщает нам о том, что корабли использовались не только для войны и путешествий, но и для торговли.

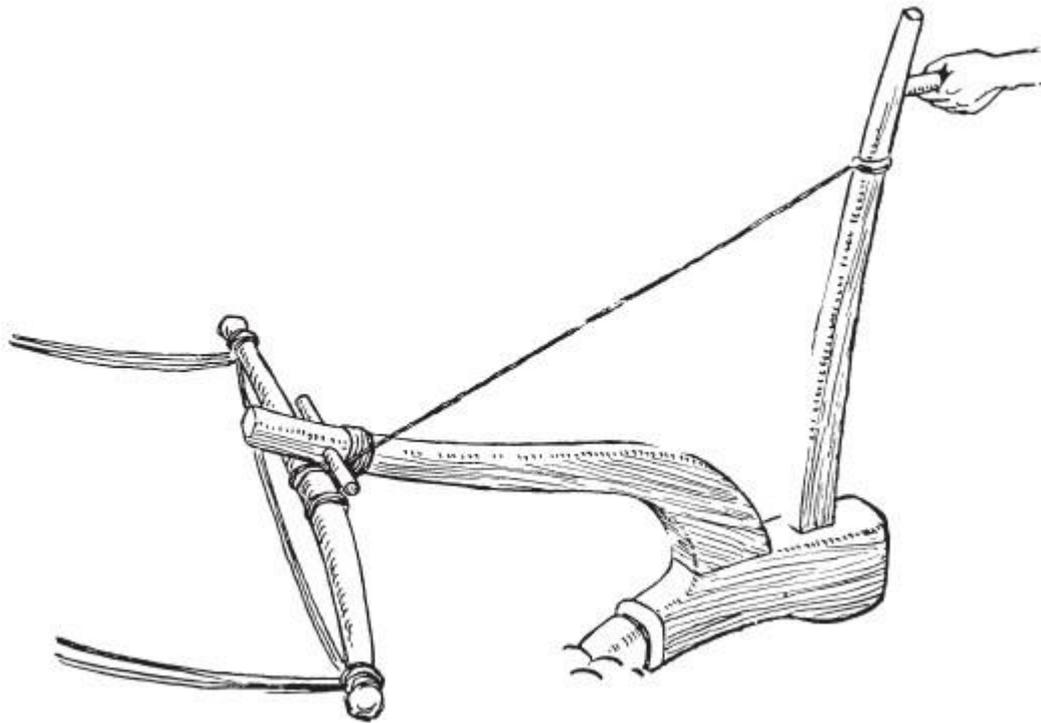

Рис. 65. Плуг алжирского крестьянина начала XX века, напоминающий по своей конструкции плуг гомеровского времени

Сбор урожая заканчивался в начале мая, и затем открывался сезон навигации, в течение которого крестьянин мог отвезти собранное им зерно на рынок. Этот путь гораздо более удобен, поскольку по суше пришлось бы двигаться по разбитой дороге, петлявшей по горным гребням. Земледелец должен был обязательно вернуться домой к сентябрю, поскольку в это время начинался сбор винограда. Гесиод советует в ноябре, когда надо было перепахивать поле, вытаскивать суда на сушу, убирать балласт из донной части, а корпус судна прикрыть камнями, чтобы защитить его от ветра и дождя. Руль необходимо было занести в помещение и повесить неподалеку от очага. Мореплавание имело настолько важное значение для Греции, что мы должны высказать несколько замечаний по этому поводу.

Люди жили на берегах Средиземного моря начиная с самых ранних времен. Человек эпохи позднего палеолита из Гримальди (Италия), чьи останки были найдены в так называемом Детском гроте, возможно, уже умел управлять лодкой. На критских печатях третьего тысячелетия до нашей эры можно разглядеть изображения кораблей с одной мачтой, носовой частью и бакштагом, а также выдающимся вперед форштевнем и кормой. Корпуса у судов имеют выпуклую форму, и они оснащены веслами, чтобы можно было плыть против ветра. В третьей книге «Одиссеи» упоминаются «кривобокие суда», и это, очевидно, надо понимать в том смысле, что суда во времена Гомера могли иметь луновидную форму. Хотя нам представляется более вероятным, что Гомер использует слово «кривобокий» просто как изящный речевой оборот, а корабли на критских печатях имеют серповидную форму только потому, что таким образом их легче было разместить на поверхности печати. Например, на печати нашего родного города Дувра, относящейся к 1284 году, корабль имеет серповидную форму именно по этой причине. На самом деле он должен был иметь прямой киль, точно так же, как и его предшественник, корабль из Гокстада.

Если мы отправимся в Древний Египет XV столетия до нашей эры, то там мы сможем найти совершенно другой тип судна. Тутмос III отправил морскую экспедицию из Египта в Финикию. Эти корабли, очевидно, были такого же типа, как и те, которые царица Хатшепсут, вдова Тутмоса II, отправила в экспедицию на территорию будущего Сомали. Они изображены на рельефах, сохранившихся на стенах храма в Дельэль-Бахри. Подобные суда не могли быть очень надежными, поскольку, точно так же, как и лодки, скреплялись с

помощью веревок, а для того, чтобы их уберечь от переворачивания, вдоль всего корпуса судна устанавливались распорки. Мы уже рассказывали о том, что «Арго» был обвязан крепкой двойной веревкой, но она, по всей видимости, облегла борта судна, подобно тому как это делалось в античной Греции, и должна была скреплять борта судна, способствуя их устойчивости от ударов волн.

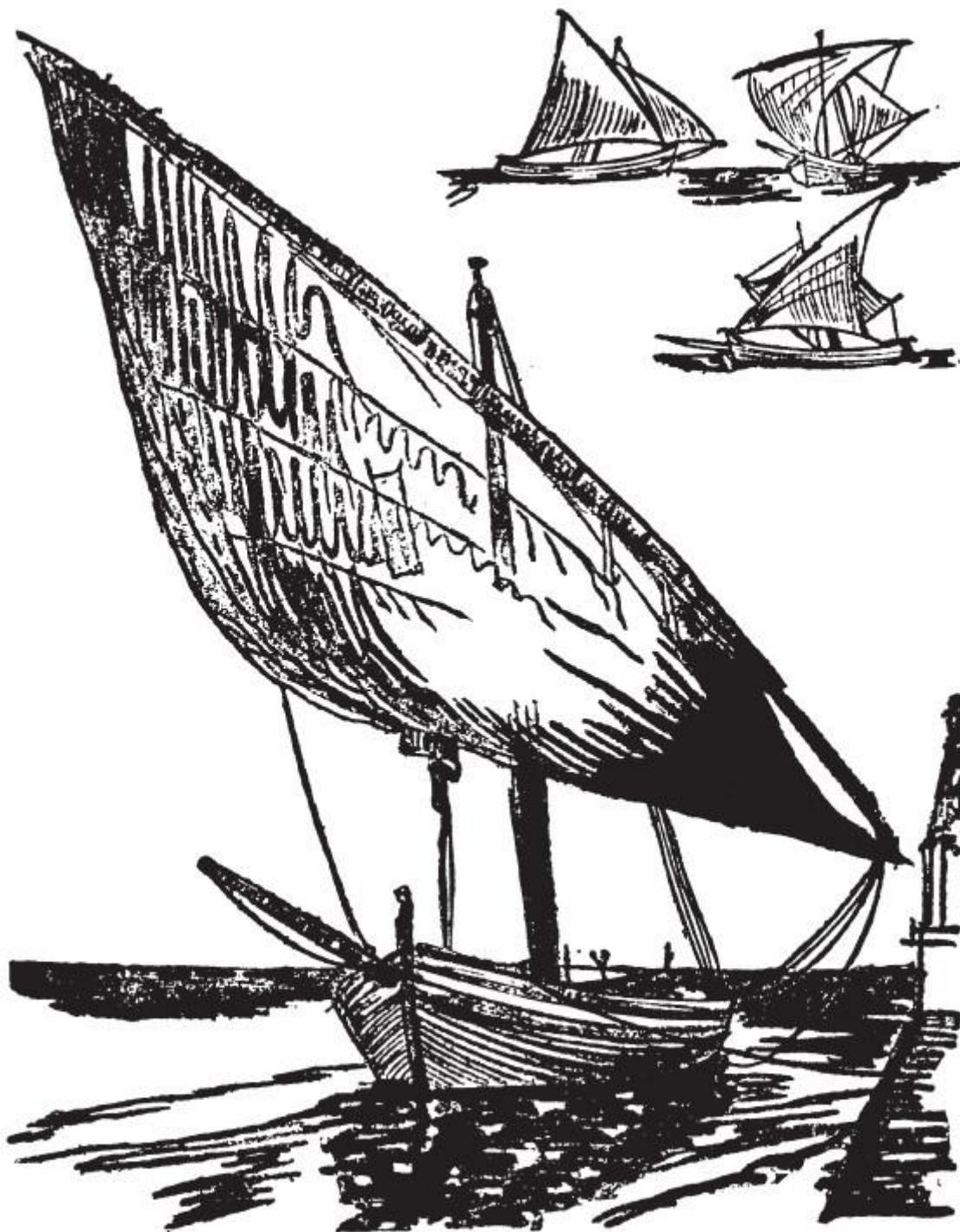

Рис. 66. Судно для транспортировки песка в Рапалло

Однако вернемся к судам времен Гомера. Возможно, что по своему внешнему виду они напоминали судно, изображенное на вазе позднего геометрического стиля, относящейся примерно к 800 году до нашей эры. Ныне она хранится в первом зале ваз Британского музея. Мы попытались сделать по ней реконструкцию, которая представлена на рис. 67. На вазе представлена сорокавесельная галера, более крупная по размерам, чем та, на которой

Телемак отправился в Пилос, так как последняя двигалась с помощью только двадцати гребцов. Несомненный интерес представляет то обстоятельство, что на вазе капитан изображен сжимающим запястье женщины с осиной талией, которая держит венок. Пенелопа говорит в восемнадцатой песни «Одиссеи»:

В самый тот час, как отчизну свою он готов был
покинуть,
Взявши за правую руку меня, он сказал на прощанье...

Много подробностей, касающихся конструкции судов во времена Гомера, можно найти в поэмах. Мачта делалась из сосны, она поднималась и закреплялась в отверстии на палубе с помощью перекрещивающихся досок. Веревки делались из скрученной воловьей кожи, к мачте крепился один парус квадратной формы. Весла, благодаря которым судно двигалось в том случае, если дул встречный ветер, закреплялись с помощью кожаных петель. В случае необходимости парус можно было свернуть. Фукидид говорит о том, что на судах, которые отправились под Трою, не было палуб и по типу они больше всего напоминали пиратские корабли. Скорее всего, он имел в виду, что они не имели высоких палуб. На них должно было быть нечто вроде пола, который стелился под скамьями. Свободное пространство под скамьями для гребцов также использовалось; так, например, Одиссей сложил там подарки феаков. Греки гомеровского времени создали целую систему маяков или сигнальных огней. В восемнадцатой песни «Илиады» рассказывается, что линия сигнальных огней использовалась для того, чтобы предупредить местных жителей о том, что необходима их помощь.

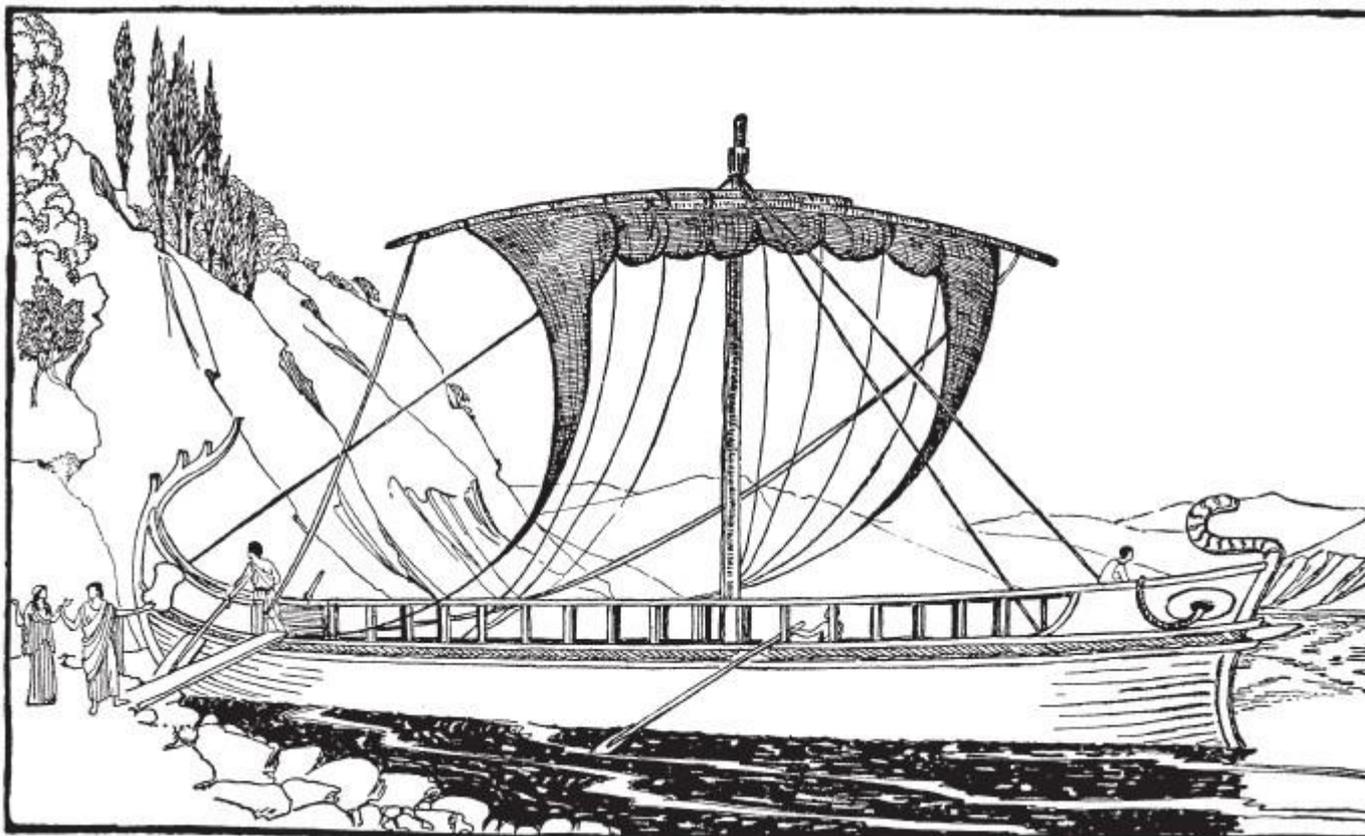

Рис. 67. Боевая галера VIII века до нашей эры (реконструкция выполнена по рисунку на вазе из первого зала ваз Британского музея)

На рис. 66 представлено изображение одного из парусников, перевозящего в наши дни строительный песок в Рапалло, что к востоку от Генуи. Вы сами можете убедиться в том, что самые простые вещи, созданные руками людей, способны пережить века. За исключением того, что это судно имеет косой парус, вместо квадратного, очень даже может быть, что Телемак отправился в путь именно на таком судне, чтобы узнать хоть какие-нибудь новости о своем отце. На небольших зарисовках в верхней части рисунка показаны различные способы, с помощью которых может быть установлен парус.

Если к этому времени план Тиринфа все еще сохранился в памяти у читателей, мы можем обратиться к подробностям самой трагической сцены в «Одиссее» - к истреблению женихов. Поскольку по данному вопросу продолжаются постоянные споры, необходимо подчеркнуть, что все высказанные далее соображения основаны на наших собственных предположениях.

В двадцать первой песни «Одиссеи» говорится о том, что Одиссей пустил стрелу сквозь кольца в жердях, а Телемак стоял за высоким сиденьем рядом со своим отцом. В начале двадцать второй песни Одиссей сбрасывает свои лохмотья и, запрыгнув на высокий порог, стреляет Антиною в горло. Для того чтобы понять, какие позиции занимали противники, обратимся к плану на рис. 52.

Одиссей должен был стоять на высоком пороге дверного проема, то есть у входа из прихожей в зал. Этот порог до сих пор сохранился в Тиринфе, он достигает более трех метров в длину и более метра в ширину. Телемак стоял за высоким сиденьем, а женихи сидели вдоль стен в дальнем конце зала, то есть по левую руку от высокого сиденья. Свинопас был отправлен предупредить женщин, чтобы они заперли дверь, а скотник запер ворота во дворе. Возвратясь обратно, они, очевидно, стали рядом с Одиссеем.

После убийства Антиноя женихи бросились искать оружие, но быстро выяснилось, что оно все унесено и защищаться предстоит только мечами, которые были при них. Женихи их обнажили и попытались использовать легкие столы с ножками в виде трех лап в качестве щитов. Затем Эвримах, один из женихов, попытался напасть на Одиссея с мечом, но был убит им. Амфиномий бросился на Одиссея, но вовремя был убит Телемаком, который, схватив копьё, пронзил его грудь насквозь.

Это было возможно только в том случае, если Телемак стоял за высоким сиденьем. Затем он бросился к своему отцу, но не стал вытаскивать копьё из тела Амфиномия, поскольку сам был ранен в спину одним из женихов.

К этому моменту стало очевидно, что Одиссею потребуется другое оружие, помимо стрел, если он хочет убить всех женихов. Поэтому Телемак сказал своему отцу, что он пойдет и принесет оружие для них двоих, а также для свинопаса и скотника. Вопрос заключается в том, где находилась оружейная комната? Ранее мы уже обсуждали вероятность того, что над прихожей находилась галерея. Мы предполагаем, что эта галерея как раз вела к оружейной комнате и была сооружена над одним из зданий внутреннего двора перед женскими покоем. В «Одиссее» говорится о том, что над полом возвышался порог и в верхней части главного порога имелась дверь, которая вела в открытый проход, и это был единственный путь, которым можно было попасть в оружейную комнату. Мы полагаем, что для этого необходимо было подняться по лестнице, как это показано на рис. 52, ведущей к галерее над прихожей. Возле порога должно располагаться окно, откуда можно видеть верхнюю часть лестницы или дверной проход к галерее.

В любом случае женихи могли видеть порог. Недалекий и злобный козопас, которого в некотором смысле можно назвать вором-взломщиком своего времени, взобрался вверх по одной из колонн в зале, прокрался по крыше в оружейную комнату, где и взял оружие, а затем вернулся вместе с ним тем же самым путем к женихам. Одиссей был обескуражен. Он думал, что одна из служанок находится в сговоре с женихами, но Телемак взял всю вину на себя, сказав, что, по всей видимости, он забыл закрыть дверь в оружейную комнату, а один из женихов заметил это.

Козопас попытался еще раз отправиться за оружием, но попал в западню, устроенную ему свинопасом и скотником, которые, очевидно, взбежали вверх по лестнице, схватили его и оставили висеть связанным на потолочной балке, чтобы затем решить его судьбу. О том, что случилось дальше, в частности об участии неверных служанок, наши читатели уже знают. И теперь, завершая наш труд, хотелось бы надеяться, что Афина дарует нашим читателям забвение о тех промахах, которые мы допустили, пересказывая историю, в которой она играет столь важную роль. Мы можем до поры до времени отойти в тень и там лежать планы в один прекрасный день вновь испытать терпение наших читателей.

Примечания

Предисловие

1 *Капитель* - выделенная верхняя часть столба или колонны.

2 *Эрехтейон* - совместный храм Афины и Посейдона Эрехтея на афинском Акрополе. Построен в конце V в. до н. э. Свою известность получил благодаря портику в виде скульптурной группы кариатид, представляющих собой один из шедевров древнегреческого искусства.

3 При раскопках античных городов в Северном Причерноморье неоднократно находили отрывки из произведений Гомера, как правило, начальные строки «Илиады» или «Одиссеи», которые, очевидно, представляли собой ученические упражнения. Такие же отрывки, только написанные чернилами на деревянных табличках, находили и при раскопках в Египте. Одна из них хранится в Британском музее.

Кроме того, древнегреческий автор рубежа I-II вв. н. э. Дион Хрисостом, лично посетивший Ольвию, рассказывает о том, что в его время каждый ольвиополит считал делом чести знать наизусть произведения Гомера (Orat. XXXVI, 9-10).

Глава 1

1 Древние греки называли симпозиумом дружескую вечеринку, на которой пили вино. Свое нынешнее значение это слово приобрело только в Новое время.

2 Все цитаты из «Одиссеи» даны в переводе В.А. Жуковского.

3 Все цитаты из «Аргонавтики» даны в переводе Н.А. Чистяковой.

4 *Колхида* - древняя страна на территории современной Грузии, где греки основали несколько городов, в том числе Фасис и Диоскуриаду.

5 *Феб* - одна из эпитетов Аполлона, воплощение его солнечной ипостаси. Среди других его наиболее известных эпитетов можно назвать Дельфиний - покровитель купцов и мореходов, а также Целитель - покровитель первых колонистов и колонизационных мероприятий. Особое распространение культ Аполлона Целителя получил в Северном Причерноморье. Так, например, на Боспоре Киммерийском он являлся на протяжении архаического, классического и эллинистического периода верховным божеством Европейского Боспора (совр. Керченский полуостров), а также выступал как покровитель правящих династий Археанактидов и Спартакидов.

Культ Аполлона в своей основе имеет малоазийское происхождение, очевидно, именно поэтому в «Илиаде» он неизменно выступает на стороне троянцев.

6 «*Беовульф*» - героический эпос германских народов, сложился в конце VII - первой трети VIII в.

7 Данные археологии не подтверждают связи между неолитическим населением Греции и Британии. Не исключено, что авторы имели в виду культуру эпохи бронзы. Одна из них,

так называемая культура колоколовидных кубков, охватывала огромную территорию, включавшую в себя в том числе северные области Балканского полуострова, большую часть Центральной Европы, Францию, а также и Британию. Именно носителями этой культуры был возведен знаменитый Стоунхендж.

Летом 2002 г. недалеко от Стоунхенджа было найдено исключительно интересное захоронение мужчины, которому могло быть примерно 35-45 лет. Судя по данным радиоуглеродного анализа, оно датируется в пределах 2400-2200 гг. до н. э. и, таким образом, появляется как раз в то время, когда древние строители возводили основной комплекс Стоунхенджа и прокладывали мощеную дорогу в сторону реки Эйвон.

Отличительной чертой этого захоронения был богатейший набор медных и золотых изделий, подобного которому в комплексах этого времени на территории Британии ранее еще никогда не находили. Местная пресса уже окрестила погребенного мужчину «лучником из Эмсбери» и даже «королем Стоунхенджа», намекая, с одной стороны, на лежавший рядом с ним колчан, полный стрел, от которых, естественно, сохранились только каменные и костяные наконечники, а с другой - на его явно высокое общественное положение.

Судя по химическому анализу зубов и костных останков мужчины, свои молодые годы он провел в области с более прохладным климатом, чем Британия, скорее всего, расположенной недалеко от Альп. К сожалению, мы никогда не знаем причин, побудивших его проделать длительное и невероятно трудное по тем временам путешествие, чтобы оказаться у своих соплеменников на далеком острове.

Рядом с упомянутым захоронением было найдено еще одно погребение того же времени, принадлежавшее мужчине примерно 20-25 лет, по своему богатству и разнообразию инвентаря почти не уступавшее первому. Получается, что окрестности Стоунхенджа служили местом погребения местной элиты раннего бронзового века, поддерживавшей тесные контакты с континентом.

Глава 2

1 Многие читатели «Илиады», наверное, обращали внимание на то обстоятельство, что город, который осаждали греки, именуется то Троей, то Илионом, точно так же, как и сами греки называются то данайцами, то ахейцами, то аргивянами, хотя эти названия отнюдь не являются синонимами и ими обозначались совершенно разные греческие племена. Безусловно, вся эта путаница является следствием поэтапного формирования эпоса, его многослойности. По всей видимости, в «Илиаде» отразились сведения о многочисленных военных экспедициях греческих племен против различных городов, расположенных на побережье Малой Азии.

Нетрудно заметить, что греки и троянцы разговаривают на одном и том же языке, почитают одних и тех же богов, имеют одинаковые обычаи, носят одни и те же одежды и тому подобное. Все это еще раз ставит под сомнение реальность описываемых событий.

2 Трактовка образа Агамемнона в «Илиаде» выглядит очень противоречивой - он может быть добрым другом и советчиком, но может выступать и как злобный и завистливый тиран. Как мы помним, именно его конфликт с Ахиллом, у которого он захватил его законную добычу, чуть не привел к поражению греков. Безусловно, подобная противоречивость отражает поэтапное формирование образа этого героя.

По всей видимости, Агамемнон был реальным историческим персонажем. Устойчивая традиция неизменно связывает его со «златообильными» Микенами, Ахеей и Арголой. В конце VIII в. до н. э. в Микенах существовало святилище Агамемнона. Есть данные и о его связи со Спартой, где, согласно Гомеру, правил его младший брат Менелай.

3 Имя Ахилл встречается в табличках микенского времени, написанных линейным письмом В, из Кносса и Пилоса. Однако это самые обычные люди, отнюдь не герои.

Судя по всему, в троянский цикл Ахилл был включен достаточно поздно, так как он не участвует ни в завязке войны, ни в ее окончании. Трактовка его образа у Гомера выглядит крайне недостоверной. Так, он постоянно говорит о том, что Ахилл был наследником Пеллея, правившего во Фтии, небольшом царстве на севере Греции, тогда как его подданными неизменно называются мирмидоняне, жившие, согласно легендам, на острове Эгина, располагавшемся в южной части Центральной Греции.

Первоначально, очевидно, Ахилл выступал как бог смерти и лишь позднее превратился в героя. Особое распространение его культ получил в Северном Причерноморье. Так, например, его святилища обозначали границы Ольвийского полиса. На Боспоре Киммерийском также существовал городок Ахиллий с расположенным в нем святилищем этого героя (Strabo, XI, 2, 6-8). Автор перевода и этих комментариев опубликовал исключительно интересные материалы, связанные с культом Ахилла, найденные в святилище на поселении Каменная Батарейка (Таманский полуостров). Именно там и должен был располагаться античный Ахиллий.

4 *Мирмидоняне* - в античной легендарной традиции послушный и исполнительный народ, готовый беспрекословно выполнить любое повеление своего повелителя.

5 Все отрывки из «Илиады» даны в переводе В.Н. Гнедича.

6 Имя Одиссея исходя из древнегреческого языка трактовке не поддается, что может говорить о том, что в основе этого образа лежит местное догреческое божество, особенно популярное в западных областях Средней Греции и Северного Пелопоннеса.

На Итаке существовал грот, посвященный нимфам, но в нем также почитался и Одиссей. В ходе раскопок, предпринятых в 1930-х гг., в этом святилище было найдено тринадцать прекрасно изготовленных бронзовых светильников IX-VIII вв. до н. э. Скорее всего, об этой достопримечательности знал Гомер, поскольку в тринадцатой песни «Одиссеи» он упоминает о том, что феаки преподнесли в дар Одиссею именно тринадцать бронзовых светильников.

Согласно позднейшим легендам, Одиссей умер в Италии, на территории Этрурии, где пытался основать город Кормону.

7 Имеется в виду папа Григорий I Великий (539-604), который в 597 г. отправил в Британию миссию во главе со святым Августином (ум. 604) проповедовать христианское вероучение в королевстве Кент, положив тем самым начало христианизации германских племен - ютов, саксов и англов. Именно в этом году было основано знаменитое Кентерберийское аббатство, которое до сих пор является одним из важнейших религиозных центров Великобритании, а глава англиканской церкви, как известно, носит звание архиепископа Кентерберийского.

8 Как мы помним, Парис появляется в самом начале «Илиады», участвуя в споре между богинями относительно степени их привлекательности. Его выбор решил дело в пользу Афродиты, что и послужило прологом к Троянской войне. Следующим заметным эпизодом, в котором он принимает участие, стало убийство Ахилла. Но и здесь он как бы принимает пассивное участие, поскольку выпущенную им стрелу направлял Аполлон. На протяжении всего остального повествования Парис заметной роли не играет, отходя на второй план. Это может говорить о том, что автор или авторы «Илиады» использовали какие-то легенды с его участием, но при позднейших неоднократных редакциях от них остались лишь незначительные фрагменты. Двойное имя героя - Парис и Александр - также указывает на сложность формирования его образа.

Вот что хотелось бы особо отметить. При раскопках столицы хеттского государства Хаттусы (совр. городок Богазкей в Малой Азии) была найдена клинописная табличка XIII в. до н. э. с текстом договора, в котором упоминается Александус, царь Вилусы (Илиона). Этот договор он вынужден был заключить с хеттским правителем, обещая ему в обмен на помощь сохранение союзнических отношений. Причем гарантом нерушимости договора со стороны Александуса выступает бог Апалиунас, в котором не так уж и трудно опознать позднейшего Аполлона.

9 Елена в «Илиаде» также упоминается только в самом начале, не играя затем по ходу повествования особой роли. Гомер не случайно постоянно подчеркивал ее связь со Спартой. Оказывается, что в этом городе еще с микенских времен она почиталась как богиня и там же существовало ее святилище. Есть еще одно очень примечательное свидетельство архаичности ее культа - она относилась к числу тех богинь, которых для достижения определенной цели необходимо было похищать. В качестве аналогии вспомним хотя бы весьма известный миф о Коре (или Персефоне), которую похитил Аид, но затем по требованию ее матери, богини плодородия Деметры, вынужден был отпускать ее на определенное время каждый год.

10 Достоверных сведений о Менелее в источниках не сохранилось. По всей видимости, это вымышленный персонаж, причем попал он в «Илиаду» достаточно поздно.

11 Авторы закончили свою книгу еще до начала Второй мировой войны, поэтому великой войной они явно называют Первую мировую войну. Однако в современной западной историографии великой войной принято называть Первую и Вторую мировые войны, вместе взятые, справедливо полагая, что одна явилась следствием другой и в ходе их решался один и тот же комплекс противоречий.

12 Нестор в «Илиаде» играет второстепенную роль, но выделяется он тем, что по ходу повествования выступает как единственный безусловно положительный персонаж. Никакие дурные поступки за ним не числятся, а к его мнению всегда прислушиваются. Достоверных сведений о нем не сохранилось, по всей видимости, это вымышленный образ, причем попал он в «Илиаду» достаточно поздно.

13 *Перикл* - афинский государственный деятель (ок. 490-429 г. до н. э.). С его именем связан пик политического и военного могущества Афин, при нем же демократический строй достиг своего наивысшего развития.

14 Курганы в эпоху бронзы возводились не только на территории Англии. Хорошо они известны, например, и на пространствах бывшего СССР. Раньше всего курганы появляются у населения так называемой ямной культурно-исторической общности рубежа энеолита - ранней бронзы, занимавшей огромную территорию от Дуная до

Урала и названной так по характерным погребениям в ямах под невысокими курганами. Впрочем, в последнее время некоторые исследователи предпочитают делать ударение на первой части сочетания «культурно-историческая общность», полагая, что это не единая археологическая культура, оставленная родственными племенами, а совокупность совершенно разных по происхождению культур, объединенных лишь общностью мировоззрения и некоторыми религиозно-мифологическими представлениями, нашедшими свое самое яркое воплощение в погребальном обряде. Как предполагается, новые мировоззренческие представления стали следствием импульсов, шедших из так называемой Балкано-Карпатской металлургической провинции.

Глава 3

1 Имеется в виду король западных саксов Альфред Великий (871-899), который первым из англосаксонских правителей смог подчинить себе большую часть острова, а также успешно противостоять вторжениям норманнов. Он вошел в историю как один из самых мудрых и просвещенных правителей своего времени, при дворе которого были созданы «Англо-Саксонская хроника», а также первый в Англии письменный кодекс законов. Кстати, именно при нем названия «Британия» и «Англия» эпизодически стали употребляться для обозначения одной и той же территории, хотя как синонимы они стали использоваться гораздо позднее - только с XII в.

Глава 4

1 Авторы сильно преувеличивают значение черноморских проливов как торговых коммуникаций для греков эпохи Троянской войны и «темных веков». Никакой экспорт зерна в то время в Грецию из припонтийских областей не шел, хотя бы потому, что для греков того времени они были практически недоступны из-за господствующих в проливах встречных ветров и встречного течения. Греки смогли их преодолеть только на рубеже VI-II-VII вв. до н. э., после того как были изобретены галеры с сорока веслами, расположенными в три ряда. Только после этого, собственно говоря, и началась колонизация южного побережья Понта.

Экспорт зерна из Северного Причерноморья на самом деле достиг значительных масштабов во время так называемой Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой (431-404 гг. до н. э.), в которую так или иначе были втянуты почти все древнегреческие города-государства. Он продолжался примерно вплоть до рубежа IV-III вв. до н. э., пока припонтийское зерно не вытеснила более дешевая и более качественная пшеница из Египта.

2 Еще античные авторы точно высчитали дату Троянской войны - 1194-1184 гг. до н. э., но, принимая во внимание все сказанное об исторической недостоверности самого события, нельзя, конечно, принимать на веру и эту дату.

3 Речь идет о событиях в Британии, последовавших после ухода римлян с острова в 410 г. Дело в том, что кельтское население южной части острова, известное под обобщенным названием бритты, за четыре века римского господства в вопросах обеспечения собственной безопасности полностью привыкло полагаться на римлян. Воспользовавшись благоприятным моментом, на них стали нападать их северные соседи пикты, а также ирландские пираты. Тогда правитель бриттов Вортигерн в 425 г. вынужден был пригласить с континента германских наемников, среди которых были представители различных племен - саксы, англ, юты, свевы, бургунды и некоторые другие, но вскоре их всех обобщенно стали называть саксами. Последние не зря славились как искусные воины и вскоре прекрасно справились со своей задачей. Но затем, оглядевшись и собравшись с силами, подняли около 442 г. мятеж против хозяев. Началась многовековая борьба бриттов против захватчиков, которая шла с переменным успехом, но в конце концов верх одержали англосаксы, которые основали на территории Британии ряд своих королевств. На определенном этапе борьбу бриттов возглавил знаменитый король Артур.

В результате мятежа саксов в значительной мере было уничтожено богатейшее римское культурное наследие, поэтому последовавший затем период культурной деградации и принято называть «темными веками».

4 Время жизни Гомера остается предметом ожесточенной дискуссии уже на протяжении нескольких столетий. Разброс мнений по этому поводу колеблется от XII до VII вв. до н. э., однако в настоящее время большинство исследователей склонны считать, что «великий слепец» жил примерно на рубеже VIII-VII вв. до н. э. Конечно, он не был автором «Илиады» и «Одиссеи» в современном значении этого слова. Не исключено, что Гомеру принадлежит последняя редакция этих эпических произведений, в которой он собрал и обобщил все ходившие до него в устном виде версии.

5 Древнегреческий историк Павсаний жил во II в. н. э. Его труд «Описание Эллады» до сих пор является настольной книгой не только для археологов, но и для всех интересующихся историей Древней Греции. В нем подробнейшим образом описываются все достопримечательности, имевшиеся в той или иной области Эллады.

6 Это был один из элементов обязательного домашнего воспитания девушек, которому придавалось немаловажное значение. Интересное подтверждение этому происходит из дорийской колонии Тарас в Италии, при раскопках которой была найдена чернолаковая чаша аттического производства 540-530 гг. до н. э., на внешней стороне дна которой была процарапана надпись, гласившая: «Я - приз Мелисы: она победила в соревновании между девушками по прочесыванию (шерсти)».

7 Авторы необоснованно удревняют время распространения железного оружия в Греции. На самом деле оно там началось только с X в. до н. э.

8 Зола, образующаяся при сжигании жертв в святилище, считалась священной, и ее было принято собирать в определенном месте. Туда же сбрасывались остатки жертвоприношений, храмовой утвари и тому подобное, так что постепенно на этом месте возникал громадный зольный холм. Павсаний упоминает о наличии подобных зольников вблизи святилищ Зевса в Олимпии (Paus., V, 13, 8 - 11), Зевса Ликейского в Аркадии (Paus., VIII, 38, 7), Геракла в Дидимах (Paus., V, 14, 8, 10). Известны они и в Северном Причерноморье. Самыми крупными из них были зольник в Китее, функционировавший с V в. до н. э. по IV в. н. э., и зольник в Мирмекии, время формирования которого относится к IV-III вв. до н. э.

Примечания

1

Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева, А.Н. Егунова. Общ. ред. Н.В. Самсонова, А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999.